

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Телешинин Александр Александрович

**Решение общего собрания участников хозяйственных обществ
в российском праве**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук,
доцент Шиткина Ирина Сергеевна

Москва – 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Понятие, правовая природа и правовые последствия принятия решения общим собранием участников хозяйственных обществ в российском праве	16
§1. Понятие и правовая природа общего собрания участников хозяйственных обществ.....	16
§2. Понятие и правовая природа решения общего собрания участников хозяйственных обществ	42
§3. Правовые последствия решения общего собрания участников хозяйственных обществ.....	63
Глава 2. Правовые проблемы, связанные с принятием решения общим собранием участников хозяйственного общества в российском праве	79
§1. Правовая природа голосования участников общего собрания хозяйственных обществ.....	79
§2. Проблема возможности наступления правового эффекта решения общего собрания участников хозяйственных обществ под условием или по истечении срока.....	84
§3. Проблема отмены решения общего собрания участников хозяйственного общества последующим решением	90
§4. Непропорциональное распределение голосов участников обществ с ограниченной ответственностью при принятии решения общим собранием	95
§5. Определение правовой природы протокола общего собрания участников хозяйственных обществ и его оформление	103
§6. Фиксация волеизъявления участников при голосовании за принятие решения общим собранием участников хозяйственного общества	108
§7. Правовая природа и перспективы развития института подтверждения состава участников и факта принятия решения общих собраний участников хозяйственных обществ	123
Глава 3. Теоретические основы и основания недействительности решений общих собраний участников хозяйственных обществ в российском праве	131
§1. Теоретические основы недействительности решений общих собраний участников хозяйственных обществ	131
§2. Целесообразные основания ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ	171
§3. Целесообразные основания оспоримости решений общих собраний участников хозяйственных обществ	191
Заключение	213
Библиография	225

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Решение общего собрания является правовым средством реализации компетенции высшего органа управления хозяйственных обществ. В компетенцию общего собрания входят, как правило, значимые для корпорации вопросы, например, изменение устава, распределение прибыли (дивидендов), реорганизация корпорации и др.

Значимость вопросов, входящих в компетенцию высшего органа управления хозяйственных обществ, обуславливает важность понимания правовой природы решения общего собрания и применимых к нему норм права. В российской научной доктрине до настоящего времени не сложилось единого или господствующего мнения о правовой природе решения общего собрания участников хозяйственных обществ. Наиболее яркая дискуссия ведется между сторонниками сделочной природы решений общих собраний и последователями позиции о самостоятельности решения общего собрания как юридического факта *sui generis*, нормы о сделках к которому неприменимы. Отсутствует единая позиция по указанному вопросу и в современной российской судебной практике.

Проблема правовой природы и применимых норм актуальна не только для решений общих собраний участников хозяйственных обществ, но и для решений любых собраний. Как мы полагаем, одной из причин проблемы является отсутствие в российском праве глубоких и целенаправленных исследований категорий «собрание» и «решение собрания», в том числе в рамках неправосубъектных образований. По причине отсутствия детальных исследований также не сложилось обоснованных позиций о соотношении понятий «собрание» и «общее собрание участников хозяйственного общества».

При этом проблему правовой природы решения общего собрания участников нельзя признать единственной. В теории и на практике возникает ряд иных вопросов, некоторые из которых актуальны исключительно для общих собраний участников хозяйственных обществ. В качестве примеров можно привести проблему объема правовых последствий решений общих собраний и определения круга лиц, для которых такие решения обязательны, проблему правовой природы

голосования члена корпорации, принимающего участие в общем собрании, проблему правовой природы подтверждения факта принятия решения общего собрания и состава его участников, проблему фиксации волеизъявлений участников общего собрания и др. Указанные проблемы также актуальны в силу отсутствия единой и проработанной научной концепции о решениях общих собраний участников хозяйственных обществ.

На законодательном уровне решения общих собраний участников хозяйственных обществ в ряде правовых норм получили самостоятельное регулирование. Особую значимость для практики представляют нормы о признании решений общих собраний недействительными. Крайне актуальными являются проблемы выбора общего подхода законодателя к регулированию недействительности решений общих собраний и разграничения оспоримых и ничтожных решений. На основании подробного исследования указанных вопросов могут быть выработаны предложения по совершенствованию законодательства.

При анализе доктрины, правового регулирования и судебной практики мы столкнулись с массой значимых проблем, некоторые из которых перечислены выше. В этой связи, по нашему мнению, большую актуальность представляет создание и совершенствование единой и непротиворечивой научно-правовой концепции решения общего собраний участников хозяйственных обществ. Объем исследуемой проблематики сформулирован нами в рамках поставленной цели и вытекающих из нее задач. Наиболее значимые выводы, к которым мы пришли в результате исследования, выдвинуты нами в качестве положений на защиту.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Решение общего собрания участников хозяйственного общества является юридической категорией, не получившей полноценного и должного исследования в российской правовой доктрине. Указанный тезис актуален также для решений любых собраний.

Однако нельзя отрицать, что некоторые проблемные аспекты решений общих собраний участников хозяйственных обществ исследованы достаточно глубоко, например, проблемы оспаривания указанных решений изучены в работах А.А.

Кузнецова, а в работах Д.И. Степанова детально проанализированы проблемы ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ и контрмажоритаризма, практикуемого при признании решений собраний недействительными.

Исследования проблем, связанных с решениями общих собраний участников хозяйственных обществ, носят, как правило, фрагментарный и точечный характер, что, безусловно, позволяет авторам погрузиться в изучение узкого круга вопросов, но в некоторой степени предоставляет возможность не ориентироваться на иные правовые аспекты исследуемых категорий.

При создании и разработке единой и непротиворечивой концепции решений общих собраний участников хозяйственных обществ, безусловно, необходимо учитывать доктринальные положения о сделках, характеризующиеся высокой степенью научной разработанности. Тем не менее, как будет показано нами далее, такое заимствование должно осуществляться крайне взвешенно.

Объектом диссертационного исследования являются некоторые общественные отношения, складывающиеся по поводу принятия и оспаривания решений общих собраний участников хозяйственных обществ.

Предметом диссертационного исследования выступают нормы российского права, российская судебная практика, отечественная правовая доктрина, а также исторические аспекты изменения содержания российских правовых норм и позиций судебных органов по вопросу нормативного правового регулирования и применения правовых норм в отношении решений общих собраний участников хозяйственных обществ.

Зарубежная доктрина, правовые нормы и судебная практика выступили в качестве предмета анализа для целей демонстрации примеров возможного решения тех или иных проблем, изучаемых в настоящей работе.

Целью диссертационного исследования является внесение научного вклада в создание и развитие единой и непротиворечивой концепции понимания решений общих собраний участников хозяйственных обществ в российском праве посредством разрешения **следующих задач**.

1. Исследование понятия и правовой природы общего собрания участников хозяйственных обществ, принимающего решение. В рамках указанной задачи предпринимается попытка изучения более общей категории «собрание» в праве, поскольку без соответствующего анализа исследование общих собраний участников хозяйственных обществ не будет являться полноценным и последовательным.

2. Изучение понятия и правовой природы решения общего собрания участников хозяйственных обществ. В рамках указанной задачи предпринята попытка сформулировать определение понятия «решение общего собрания», а также определить его соотношение с категорией гражданско-правовой сделки.

3. Анализ правовых последствий принятия решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

4. Исследование проблемы гражданско-правовой природы голосования участников хозяйственных обществ.

5. Исследование проблемы возможности наступления правового эффекта решения общего собрания участников хозяйственных обществ под условием или по истечении срока.

6. Исследование проблемы отмены решения общего собрания участников хозяйственных обществ последующим решением.

7. Исследование проблемы непропорционального распределения голосов участников обществ с ограниченной ответственностью при принятии решения общего собрания.

8. Исследование проблемы определения правовой природы и оформления протокола общего собрания участников хозяйственных обществ.

9. Исследование проблемы фиксации волеизъявления участников при голосовании за принятие решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

10. Исследование проблемы правовой природы и перспектив института подтверждения состава участников и факта принятия решения общим собранием участников хозяйственных обществ.

11. Анализ теоретических основ недействительности решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

12. Формулировка и обоснование перечня целесообразных оснований ничтожности решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

13. Формулировка и обоснование перечня целесообразных оснований оспоримости решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

Теоретическую основу исследования составили труды современных российских ученых. Особую значимость для настоящей работы представляют идеи и суждения А.В. Егорова, В.С. Ема, А.А. Кузнецова, В.А. Лаптева, Д.В. Ломакина, Д.И. Степанова, Е.А. Суханова, С.Ю. Филипповой, Ю.С. Харитоновой и И.С. Шиткиной.

К работам дореволюционных и советских правоведов мы также обращались при исследовании некоторых аспектов, рассматриваемых в настоящей работе. Среди дореволюционных и советских авторов, на которых мы опирались, необходимо упомянуть М.М. Агаркова, С.И. Архипова, В.Ю. Вольфа, С.А. Иванова, О.С. Иоффе, Р.И. Кондратьева, Р.З. Лившица, Ю.П. Орловского, В.К. Самигуллина, Л.С. Таля, Б.Б. Черепихина, Д.М. Чечота и Г.Ф. Шершеневича.

В процессе сравнительно-правового анализа мы также исследовали некоторые работы зарубежных правоведов. Изучением отдельных аспектов решений собраний занимались, в частности, Baltzer J., Bartholomeyczik H., Boecken W., Bohn M., Bork R., Casper M., Flume W., Gerner-Beuerle C., Gierke O. v., Hüffer U., Lindemann B.S., Messer H., Schilling M., Tuhr A., и Zöllner W.

Нормативную правовую основу исследования составило действующее российское законодательство и российское законодательство, утратившее юридическую силу.

При анализе содержания правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с решениями общих собраний участников хозяйственных обществ, крайне важно учитывать правовые позиции, выраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, а также положения Обзоров судебной практики Верховного Суда РФ.

Эмпирической базой исследования послужила российская судебная практика.

Методологическая основа исследования. В процессе исследования нами были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнительный и исторический методы. Также были применены частно-научные методы, такие как формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой.

Научная новизна диссертационного исследования состоит, в частности, в предложении авторских выводов относительно правовой категории «решение общего собрания участников хозяйственных обществ».

Концепция, являющаяся основой настоящей работы, состоит в следующем. Объединения лиц (гражданско-правовые сообщества) не всегда способны достичь единогласия при решении вопросов, затрагивающих сферу их интересов. Однако невозможность решения соответствующих вопросов может негативно повлиять как на общие интересы членов гражданско-правового сообщества, так и на интересы третьих лиц. Одним из правовых средств, позволяющих обеспечить баланс интересов отдельных членов объединения, их общих интересов, а также интересов третьих лиц, является квалификация соответствующего гражданско-правового сообщества в качестве собрания при принятии решений. Гражданско-правовое сообщество, образующее собрание, принимает решения большинством голосов, если не установлено иное (например, принятие решения квалифицированным большинством или единогласно). Особенности собрания обуславливают необходимость учета интересов как большинства, так и меньшинства членов соответствующего гражданско-правового сообщества. Подобная задача при правовом регулировании гражданско-правовых сделок не ставится, поскольку для сделок не свойственен конфликт большинства и меньшинства. Как следствие, решение собрания требует особого и независимого от сделок регулирования. На основе изложенной концепции нами выдвинут ряд положений на защиту и предложений по совершенствованию современного российского законодательства.

В ходе своего исследования автор пришел к следующим выводам, выносимым на публичную защиту:

1. Автором доказано, что гражданско-правовое сообщество может образовать собрание в случае, если в законодательстве такая совокупность лиц поименована в качестве собрания (например, собрание участников корпорации, собственников или кредиторов при банкротстве). Если прямая оговорка о собрании в законодательстве отсутствует, квалификация в качестве собрания гражданско-правового сообщества приведет к применению принципа большинства при голосовании, что существенно и необоснованно ущемит интересы меньшинства.

2. Автором доказана целесообразность применения подхода, при котором непоименованное собранием гражданско-правовое сообщество (комитет, совет и др.) может быть квалифицировано в качестве собрания при наличии двух обязательных критериев: (1) гражданско-правовое сообщество упомянуто в законе и (2) невозможность принятия решения таким гражданско-правовым сообществом ввиду отсутствия единогласия между его членами способна привести к существенному ущемлению интересов самого гражданско-правового сообщества или интересов третьих лиц. Не указанное в законе гражданско-правовое сообщество не может быть квалифицировано в качестве собрания.

3. Автором доказано, что под решением собрания необходимо понимать акт коллективного волеизъявления (акт собрания), порождающий правовые последствия и, если в законе или уставе не установлено иное, не требующий достижения единогласия лиц, уполномоченных на голосование. Именно применение принципа большинства в качестве правила по умолчанию отличает такие юридические факты, как решение собрания и сделка. Сделка по умолчанию требует единогласного волеизъявления её сторон.

При правовом регулировании принятия решений собраний разрешаются проблемы обеспечения оптимального баланса интересов меньшинства и большинства, а также недопущения оспаривания решений в связи с незначительными нарушениями, в частности, несущественными нарушениями

процедурного характера. Указанные проблемы не характерны для правового регулирования сделок.

4. В работе доказана целесообразность применения подхода, при котором существо складывающихся правоотношений должно учитываться не только для определения круга лиц, для которых решение общего собрания участников хозяйственного общества порождает юридические последствия, но и для определения круга лиц, для которых юридические последствия не могут возникнуть. Например, в силу существа складывающихся правоотношений решением общего собрания не может быть избрано лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, если кандидат на должность заранее выразил категорическое несогласие с избранием. Также в силу существа складывающихся правоотношений, решение общего собрания не может создавать правовые последствия для контрагента корпорации по гражданско-правовому договору, за исключением случаев, если из содержания обязательств между корпорацией и контрагентом следует обратное.

Изложенный подход обеспечивает правовую защиту интересов лиц, для которых решение общего собрания хозяйственного общества создает формальную видимость возникновения юридических последствий, противоречащих характеру складывающихся правоотношений и не учитывающих действительную волю указанных лиц.

5. Автором доказана целесообразность использования подхода, при котором недействительность решения общего собрания участников хозяйственного общества должна влечь не только признание правовых последствий решения не возникшими, но и автоматическое возникновение обязанности по возврату полученного (исполненного) на основании недействительного решения (например, возврат денежных средств, полученных в качестве дивидендов). Применение указанного подхода позволит снизить процессуальные и иные издержки корпораций ввиду отсутствия необходимости обращения к каждому члену корпорации с кондикционным или виндикационным иском. Изложенный подход не подразумевает автоматическую недействительность сделок, одобрение или

согласие на совершение которых получено на основании недействительного решения общего собрания участников хозяйственного общества.

6. Автором доказана целесообразность одновременного применения двух критериев для установления оснований ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ. Такими критериями выступают существенность нарушения и возможность выявления нарушения без обязательной судебной оценки. Если нарушение не соответствует обоим критериям одновременно, то такое нарушение должно влечь оспоримость решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

7. Автором доказана целесообразность применения подхода, согласно которому отмена ранее принятого решения общего собрания участников хозяйственного общества последующим решением возможна при одновременном наличии двух условий: (1) за отмену решения единогласно должны проголосовать все участники общества с ограниченной ответственностью или все акционеры, присутствующие на собрании (при наличии кворума); (2) отмена решения не должна затрагивать законные интересы третьих лиц, не голосующих за соответствующую отмену.

8. Автором доказана целесообразность применения подхода текстуальной ничтожности и виртуальной оспоримости с обязательной правовой регламентацией специальных оснований оспоримости при правовом регулировании недействительности решений общих собраний участников хозяйственных обществ. Указанный подход позволяет учесть индивидуальные особенности каждого из оснований недействительности, а также повышает степень правовой определенности условий, при которых решение общего собрания может быть оспорено.

Текстуальная ничтожность означает, что все основания ничтожности решений общего собрания участников хозяйственных обществ прямо поименованы в законе в качестве ничтожных. Виртуальная оспоримость означает, что основания недействительности, прямо не отнесенные к ничтожным, должны признаваться основаниями оспоримости. При этом основания оспоримости также должны быть

указаны в законе. Основания оспоримости разделяются на общее и специальные. Общее основание оспоримости представляет собой противоречие решения любому положению закона или устава. Специальными основаниями оспоримости являются указанные в законе нарушения конкретных норм права при принятии решения общего собрания (например, ненадлежащее уведомление одного из участников, голосование за принятие решения в нарушение корпоративного договора и другие).

Для каждого из специальных оснований оспоримости необходимо установить особые условия признания решения общего собрания участников недействительным (например, увеличение или уменьшение сроков исковой давности, отсутствие необходимости учета возможности голосования лица, права которого нарушены, повлиять на принятие решения).

На основе доказанной целесообразности применения указанного подхода в работе предложен перечень оснований ничтожности и перечень оснований оспоримости решений общих собраний участников хозяйственных обществ.

К предложению по совершенствованию современного российского законодательства относится следующее.

Текущая редакция пункта 4 статьи 60 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» позволяет акционерам осуществлять заполнение электронной формы бюллетеней, если они не реализовали свое право на участие в собрании иным способом. Таким способом может являться заполнение и передача бюллетеней для голосования в бумажном виде. Для публичных акционерных обществ указанное правило является императивным.

Невозможность полного перехода на заполнение электронных бюллетеней и отказа от бумажных бюллетеней не позволяет ПАО внедрить усиленную квалифицированную электронную подпись в качестве обязательного и единственного способа заполнения бюллетеней, а также не позволяет ПАО эффективно внедрить технологию блокчейна в качестве инструмента хранения результатов голосования и подсчета голосов акционеров.

В этой связи нами предлагается изложить пункт 4 статьи 60 Федерального закона «Об акционерных обществах» в новой редакции, а также дополнить

указанную статью пунктами 4.1 и 4.2. Предлагаемая редакция пунктов 4, 4.1 и 4.2 статьи 60 Федерального закона «Об акционерных обществах» приведена далее.

«4. При проведении общего собрания акционеров в форме заседания в обществах, осуществляющих направление или вручение бюллетеней в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи либо опубликование бланков бюллетеней в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, лица, включенные в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, или их представители вправе зарегистрироваться для участия в таком собрании либо направить заполненные бюллетени в общество. При осуществлении голосования на общем собрании акционеров в заочной форме в обществах, осуществляющих направление или вручение бюллетеней в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи либо опубликование бланков бюллетеней в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, лица, включенные в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, или их представители вправе направить заполненные бюллетени в общество.

4.1. Уставом общества может быть предусмотрено заполнение электронной формы бюллетеней лицом, имеющим право на участие в общем собрании акционеров, на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», адрес которого указан в сообщении о проведении общего собрания акционеров. Заполнение электронной формы бюллетеней на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может осуществляться акционерами в ходе проведения общего собрания акционеров как в форме заседания, так и при заочном голосовании. При заполнении электронной формы бюллетеней на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» должны фиксироваться дата и время их заполнения. Заполнение электронной формы бюллетеней на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может осуществляться акционерами в ходе проведения общего собрания акционеров, если они не реализовали свое право на участие в таком собрании иным способом.

4.2. Уставом общества может быть предусмотрено заполнение и направление электронной формы бюллетеней лицом, имеющим право на участие в общем

собрании акционеров, исключительно на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», адрес которого указан в сообщении о проведении общего собрания акционеров. В случае заполнения и направления электронной формы бюллетеней исключительно на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» каждому лицу, имеющему право на участие в общем собрании акционеров, должны обеспечиваться доступ к указанному сайту, а также обеспечиваться возможность получения носителя с электронной подписью лица, имеющего право на участие в общем собрании акционеров, если носитель с электронной подписью необходим для заполнения и направления формы бюллетеней при голосовании. Обеспечение доступа к сайту в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также обеспечение возможности получения носителя с электронной подписью осуществляется за счет общества. В случае заполнения и направления электронной формы бюллетеней исключительно на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не допускается реализация акционерами права на участие собрания иным способом.»

Теоретическая значимость результатов исследования состоит во внесении научного вклада в развитие положений доктрины российского права о решениях собраний и решениях общих собраний участников хозяйственных обществ.

Практическая значимость результатов исследования состоит в формировании предложений, реализация которых на уровне законодательства и судебной практики может привести к созданию системы непротиворечивого регулирования и правоприменения, соответствующего принципу правовой определенности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность выводов основана на детальном анализе нормативных правовых актов, а также материалов судебной практики. Апробация результатов исследования была произведена в процессе публичных выступлений автора на семинарах и научных конференциях по проблематике решений общих собраний

участников хозяйственных обществ, юридических фактов в корпоративном праве и корпоративного управления в Российской Федерации.

Апробация результатов исследования осуществлялась на кафедре предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в том числе в процессе обсуждения проблематики, затронутой в диссертации.

Апробация результатов исследования также была осуществлена в процессе научного руководства студенческим кружком Научно-образовательного центра «Корпоративное право» при Юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура работы обусловлена предметом и целями диссертационного исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, а также библиографию. Каждый параграф соответствует одной из поставленных задач в рамках настоящей работы.

Первая глава посвящена исследованию понятия и правовой природы общего собрания участников хозяйственных обществ, понятия и правовой природы решения общего собрания участников хозяйственных обществ, а также изучению гражданско-правовых последствий принятия указанных решений.

Вторая глава посвящена анализу актуальных правовых проблем, возникающих в процессе принятия решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

Третья глава посвящена изучению теоретических основ и оснований недействительности решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

Глава 1. Понятие, правовая природа и правовые последствия принятия решения общим собранием участников хозяйственных обществ в российском праве

§1. Понятие и правовая природа общего собрания участников хозяйственных обществ

1.1. Правовая категория «собрание» в российском праве

В российском законодательстве и судебной практике отсутствует точное и однозначное определение термина «собрание». Без глубокого анализа указанной категории исследование общего собрания участников хозяйственных обществ не будет являться полноценным. В этой же связи, детально не изучив понятие «собрания», нельзя приступить к рассмотрению категории «решение собрания», разновидностью которого, вероятно, является решение общего собрания участников хозяйственного общества.

При исследовании собрания необходимо не только поставить задачу формулировки этого понятия, но и предпринять попытку разрешения ряда дискуссионных проблем.

Во-первых, следует установить, в каких значениях может пониматься собрание как правовая категория. Высоковероятно, что собрание является совокупностью некоторых лиц. Однако нельзя также исключать, что возможны иные варианты толкования указанного термина, в том числе на нормативном правовом уровне.

Во-вторых, представляется целесообразным определить, в каких случаях совокупность некоторых лиц может действовать в качестве собрания. Необходимо ли обязательное наличие соответствующего указания в законе? Можно ли образовать собрание посредством заключения сделки (договора)?

В-третьих, для цели настоящей работы крайне важно установить, каким образом следует соотносить собрание и коллегиальный орган управления юридического лица в виде общего собрания участников хозяйственных обществ?

Является ли общее собрание участников разновидностью собрания? Или же указанные категории, будучи разноплановыми и должны разграничиваться?

В-четвертых, необходимо определить признаки собрания. Являются ли такие элементы, как наличие повестки дня, кворума, компетенции, совместного присутствия участников, возможности проголосовать по конкретному вопросу, необходимыми и обязательными?

Попытки установления значения правовой категории «собрание» уже предпринимались в российской доктрине. Так, В.В. Долинская начинает свое исследование общих собраний акционерных обществ именно с анализа указанного термина. Для этого автор обращается к толковым словарям С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова, а далее – рассматривает концепции и подходы, которые сложились в публичном праве, в том числе – международном и конституционном¹.

Такой подход интересен и любопытен, однако вряд ли может привести к выводам, значимым для развития научной доктрины. Создатели толковых словарей, выполняя сложнейшую и важную работу, не преследуют цель формулирования точных правовых терминов. Кроме того, содержание тех или иных юридических конструкций может не иметь ничего общего с возможным значением и общепринятым восприятием терминологии.

Анализ категории «собрание» в публичном праве мог бы быть полезен при комментировании и толковании норм, когда необходимые определения отсутствуют в частном праве, а глубокое доктринальное и телеологическое исследование невозможно в силу временных ограничений (например, при рассмотрении судебного спора). Юридические термины с идентичным названием в частном и публичном праве могут отличаться по своему содержанию (например, вина). Категория «собрание» не является исключением, поскольку цель использования этого термина в публичном праве, как правило, состоит в защите политических прав человека, в то время как в частном праве – в обеспечении экономических интересов определенной совокупности лиц.

¹ Долинская В.В. Общее собрание акционеров: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. // Приведено по СПС "КонсультантПлюс"

В этой связи гораздо важнее выявить цели законодателя при использовании в нормах права термина «собрание», а также содержание этой категории, которое фактически сложилось и имеет место.

Обращение к Концепции развития гражданского законодательства² позволяет определить лишь цели введения термина «решение собрания». Применительно к «собранию» в пункте 4.2.1 Концепции авторы ограничились перечислением нескольких его разновидностей – собраний участников юридического лица, собственников и кредиторов в деле о банкротстве. Как следствие, чтобы выявить значение этого термина, целесообразным представляется обратиться к содержанию действующих правовых норм.

В качестве примера можно рассмотреть статьи 12 и 20.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее – Закон о несостоятельности)³. Согласно пункту 3 статьи 12 Закона о несостоятельности конкурсный кредитор обладает на собрании кредиторов числом голосов, пропорциональным размеру его требований. При этом статьей 12 Закона о несостоятельности также установлено, что собрание кредиторов обладает определенной компетенцией и имеет своего представителя.

В соответствии с пунктом 3 статьи 20.2 Закона о несостоятельности собрание кредиторов вправе выдвигать к кандидатуре арбитражного управляющего ряд дополнительных требований.

В.В. Долинская при исследовании указанных статей выступает с критикой текущей законодательной техники, поскольку даже в одной норме термин «собрание» может употребляться в разных значениях. По мнению ученого, в статьях 12 и 20.2 Закона о несостоятельности собрание кредиторов, с одной стороны, понимается как правосубъектное образование со своим представителем, с другой стороны, понимается в качестве заседания (то есть действия). К признакам

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009. // Приведено по СПС "КонсультантПлюс"

³ Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // СЗ РФ, 28.10.2002, N 43, ст. 4190

правосубъектности собрания кредиторов В.В. Долинская относит наличие компетенции и представителя у этого собрания⁴.

Следует согласиться с тем, что «собрание» в нормативных правовых актах, действительно, употребляется в различных значениях. Однако, во-первых, в российском праве собрание не рассматривается в качестве субъекта права. Во-вторых, в многообразии значений одного и того же термина нет ничего критичного.

Само по себе наличие компетенции еще не свидетельствует о правосубъектности. Общее собрание участников хозяйственного общества или совет директоров, имея самостоятельную компетенцию, тем не менее, не являются субъектами права. Да, в Законе о несостоятельности содержится ряд норм, где собрание кредиторов указано в качестве субъекта. Например, собрание кредиторов вправе выдвигать к кандидатуре арбитражного управляющего ряд требований (пункт 3 статьи 20.2 Закона о несостоятельности). Однако в этом случае субъектами права всегда выступают реестровые кредиторы. Поскольку принятие ими единогласных решений в подавляющем большинстве случаев невозможно, законодатель ввел для них режим собрания. Это позволяет принимать решения кредиторов посредством простого большинства присутствующих на собрании и использовать инструмент кворума (статья 15 Закона о несостоятельности). Считается, что решения, принятые большинством голосов – приняты всеми реестровыми кредиторами. Поэтому законодатель для упрощения восприятия использует конструкцию собрания кредиторов как агрегатора волеизъявлений, ни в коем случае не наделяя его правосубъектностью.

Введение конструкции представителя собрания кредиторов также выполняет подобную (утилитарную) функцию. В соответствии со статьей 2 Закона о несостоятельности представитель собрания кредиторов действует от имени собрания кредиторов. Конечно, правильнее было бы использовать термин «представитель кредиторов», однако, в этом случае могло возникнуть смешение с индивидуальными представителями конкретных кредиторов (например, по

⁴ Долинская В.В. Общее собрание акционеров: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. // Приведено по СПС "КонсультантПлюс"

доверенности). Термин «представитель собрания» подчеркивает, что лицо действует от имени всех кредиторов, поскольку было уполномочено на соответствующем собрании коллективным волеизъявлением. Никаких оснований для революции в российском праве и выделения новой разновидности субъекта в данном случае нет.

Что касается многообразия значений одного и того же термина в праве – такая ситуация не является недоработкой законодателя, поскольку право многогранно. Например, гражданско-правовой договор может рассматриваться в качестве сделки⁵, обязательства или документа⁶. Аналогичным образом в законодательстве можно выявить различные значения термина «собрание».

При этом справедливым также представляется мнение О.А. Красавчикова, о том, что разночтения одного и того же термина могут привести к проблемам теоретического и практического характера⁷. В этой связи при анализе нормативного правового регулирования необходимо в каждом конкретном случае внимательно устанавливать точное содержание терминологии.

Проблемы и возможные негативные последствия разночтений понимает и законодатель. Именно поэтому в существенном числе положений Гражданского кодекса РФ термин «собрание» был заменен на термин «заседание» в 2021 году⁸. Заседание является синонимом очного присутствия и разграничивается с заочным голосованием.

В российском праве собрание может являться юридическим составом (пункт 3 статьи 8 Федерального закона об обществах с ограниченной ответственностью⁹), совокупностью определенных лиц, принимающих решение (пункт 2 статьи 181.1 ГК РФ), а также коллегиальным органом юридического лица (например, общим собранием участников корпорации, пункт 1 статьи 65.3 ГК РФ).

⁵ Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. СПб., 1996. С. 428.

⁶ Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Госюриздат, 1975. С. 26.

⁷ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1950. С. 117.

⁸ Федеральный закон от 28.06.2021 N 225-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ, 28.10.2021, N 43, ст. 4190

⁹ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ, 16 февраля 1998 г. № 7. Ст. 785. (далее – «ФЗ об ООО» или «Федеральный закон об ООО»).

Собрание как юридический состав представляет собой систему действий, порождающих определенные правовые последствия. В систему таких действий могут входить регистрация участников собрания, установление кворума, избрание председательствующего и секретаря, голосование по вопросам повестки дня и др. Юридический состав этих действий направлен на принятие решения, которое, в свою очередь, также порождает определенные правовые последствия.

Если один или несколько юридических фактов, входящих в состав, не будут соответствовать нормам права, то при наличии соответствующих оснований решение собрания может быть признано недействительным. Следует отметить, что юридические факты, входящие в состав, имеют различное правовое значение для признания решения недействительным. Например, если допущено несущественное нарушение порядка проведения собрания, то основания для признания решения недействительным отсутствуют (подпункт 1 пункта 1 статьи 181.4 ГК РФ). Если же, к примеру, на собрании отсутствует кворум, то принятое решение будет признаваться ничтожным независимо от принятия судебного решения (пункт 1 статьи 181.5 ГК РФ).

Осуществив переименование термина «собрание» в «заседание», законодатель в 2021 году затронул именно собрание как юридический состав¹⁰.

Ключевое значение для целей настоящей главы имеет рассмотрение собрания в качестве совокупности лиц и в качестве коллегиального органа юридического лица. Это обусловлено логикой самого термина «решение собрания». Решение исходит от некоторого субъекта. Таким субъектом может выступить либо совокупность правосубъектных лиц, либо коллегиальный орган юридического лица.

Собрание как юридический состав также имеет существенное значение применительно к решению, однако не столько для установления правовой природы решения, сколько для определения его действительности или недействительности в конкретном случае.

¹⁰ Статья 1 Федерального закона от 28.06.2021 N 225-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ, 28.10.2021, N 43, ст. 4190

1.2. **Собрание как совокупность лиц, уполномоченных принимать решения**

Как было отмечено, формулировка термина «решение собрания» подразумевает, что решение принимается определенным субъектом, в качестве которого выступает собрание (не являясь субъектом права).

Если собрание не является субъектом права, то таким субъектом, а точнее – субъектами, выступают лица, участвующие или имеющие возможность участвовать в собрании и голосовать на нем.

Для начала необходимо понимать, каким образом можно идентифицировать состав совокупности лиц, участвующих в собрании. Очевидно, возможность участия в собрании является не фактической, а юридической. То есть указанная возможность должна быть установлена нормами права. В противном случае любое собрание могло бы представлять собой результат произвола. Например, в общем собрании собственников одного дома принимали бы участие и голосовали по вопросам повестки дня собственники другого дома, поскольку у них имеется фактическая возможность присутствовать на собрании: они смогли найти свободное время и проголосовать за принятие определенного решения.

Юридическая возможность определенных лиц принимать участие в собрании подразумевает, что эта возможность установлена в нормативных или индивидуальных правовых актах. Такая возможность является субъективным правом каждого из членов совокупности лиц.

В связи с этим необходимо, в первую очередь, определить, в силу каких правовых оснований совокупность лиц может рассматриваться в качестве собрания, а далее – определить, в каких актах и каким образом должно и может быть закреплено право на участие в собрании.

Исследование оснований для рассмотрения совокупности лиц в качестве собрания можно начать с практического примера, а именно – анализа Определения

судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ по делу Толмачевских ГЭС¹¹.

Каскад ГЭС на реке Толмачева состоял из нескольких сооружений, зарегистрированных в ЕГРН в качестве самостоятельных объектов недвижимости (в частности, ГЭС-1, ГЭС-2 и ГЭС-3). При этом общее количество собственников всех объектов каскада на момент рассмотрения спора составляло 29 лиц.

В отношении долей в праве собственности на ряд объектов, входящих в состав каскада, был заключен договор доверительного управления. Стороной этого договора выступали все собственники конкретных объектов, находящихся в доверительном управлении.

В апреле 2016 года собственниками ГЭС-1 было проведено собрание, на котором принято решение об отказе от договора доверительного управления и изменении порядка управления общей долевой собственностью ГЭС-1. На собрании присутствовали обладатели долей, превышающих 50% в праве собственности на ГЭС-1 (подсчет осуществлялся не от общего количества собственников каскада). Проголосовали за принятие решение обладатели 63,76% долей.

Суды первой и апелляционной инстанции признали указанное решение недействительным в силу отсутствия кворума. По мнению судей, рассматривающих дело, ГЭС-1 входил в состав каскада ГЭС как единого недвижимого комплекса. Как следствие, при проведении собрания должны были быть извещены все 29 собственников каскада, а кворум должен был формироваться не от числа собственников ГЭС-1, а от числа собственников каскада в целом.

Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ не согласилась с указанными доводами, отправив дело на новое рассмотрение. Коллегия, в частности, указала, что для признания объекта единым недвижимым комплексом необходимо внесение соответствующей записи о едином недвижимом комплексе в Единый государственный реестр недвижимости. Кроме того, нижестоящим судам

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.05.2018 N 60-КГ18-1

необходимо было установить, образуют ли 29 собственников каскада гражданско-правовое сообщество, «основанное на праве распоряжения группой самостоятельных объектов, имеющих общее назначение и включенных в общую технологическую схему».

Несмотря на принятие правильного решения в части отмены судебных постановлений первой и второй инстанций, с нашей точки зрения, Коллегия применила далеко не бесспорный аргумент в мотивировочной части.

В соответствии с пунктом 2 статьи 181.1 ГК РФ правовые последствия, порождаемые решением собрания, должны быть указаны в законе. Эта норма является крайне важной для понимания актов, в которых могут быть закреплены основания для рассмотрения совокупности лиц в качестве собрания. Расширительное толкование указанной нормы недопустимо.

Собрание, принимающее решение в том значении, которое установлено главой 9.1 ГК РФ, может иметь место лишь в случае, если возможность проведения собрания прямо указана в законе. В приведенном деле суды (в том числе Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ) устанавливали возможность применения норм о собраниях в силу наличия признаков гражданско-правового сообщества в виде собственников единого недвижимого комплекса. Суды нижестоящих инстанций обнаружили признаки гражданско-правового сообщества, но установили отсутствие кворума, а Верховный Суд РФ признаки гражданско-правового сообщества не обнаружил, но указал судам на необходимость поиска таких признаков для применения норм о решениях собраний.

Такое толкование, по нашему мнению, является ошибочным и недопустимым. Собрание не может проводиться в силу лишь установления наличия гражданско-правового сообщества. Применение норм о собраниях влечет автоматическое применение правила принятия коллективных решений большинством голосов, если иное не предусмотрено законом (пункт 1 статьи 181.1 и пункт 1 181.2 ГК РФ). Это правило существенно ущемляет интересы меньшинства, ведь их волеизъявление будет игнорироваться, если законом прямо

не установлена необходимость единогласного распоряжения имуществом или совершения иных совместных действий с объектом, вокруг которого образовалось гражданско-правовое сообщество.

Применительно к рассмотренному делу Верховный Суд РФ подчеркнул, что распоряжение недвижимым имуществом осуществляется по единогласию собственников в силу статей 246 и 247 Гражданского кодекса РФ, которые имеют приоритет над главой 9.1 Кодекса о решениях собраний. Однако из этого лишь следует вывод о невозможности применения принципа большинства в голосовании. Возможность применения норм о собраниях Верховный Суд РФ подтвердил, поскольку устанавливал их соотношение со специальными нормами. При этом, с нашей точки зрения, возможность их применения должна была быть обоснована не установлением признаков гражданско-правового сообщества, а наличием указания в законе на возможность проведения собрания. В соответствие с пунктом 2 статьи 181.1 ГК РФ сособственники могут образовать собрание. При этом положения статей 246 и 247 Кодекса будут являться основанием для неприменения принципа большинства, установленного по умолчанию в главе о решениях собраний (то есть собрание может проводиться, однако, для принятия решений волю должны выразить все собственники недвижимости). В этой связи, с нашей точки зрения, суд первой инстанции изначально должен был установить, является ли каскад ГЭС единым недвижимым комплексом, и, если да – применить нормы о решениях собраний, принимаемых сособственниками единогласно.

Для иллюстрации ошибочной, по нашему мнению, аргументации Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ можно смоделировать следующую ситуацию. Трое индивидуальных предпринимателей, выступая в качестве агента, заключили договор агентирования с принципалом (договор с множественностью лиц на стороне агента). Руководствуясь логикой Верховного Суда РФ, двое из трех агентов вправе созвать собрание и принимать решения, обязательные для третьего агента, поскольку было образовано гражданско-правовое сообщество, обслуживающее интересы конкретного принципала. Конечно, двое агентов имеют конституционное право на свободу собраний. Однако

их совместное решение не будет рассматриваться в качестве решения собрания в соответствии с главой 9.1 Гражданского кодекса РФ в связи с тем, что законом прямо не урегулирован такой институт, как собрание агентов.

Гораздо более правильную и обоснованную позицию Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ заняла в деле ЖСК «Эстетика»¹². В рамках спора было установлено, что общее собрание автовладельцев многоквартирного дома запретило одному из собственников осуществлять стоянку транспортного средства на территории дома за ранее нарушенные им правила парковки. Судебная коллегия указала, что общее собрание автовладельцев не указано в законодательстве в качестве «органа, уполномоченного законом на принятие решения, влекущего определенные правовые последствия». В данном случае не был избран путь поиска признаков гражданско-правового сообщества (которые, кстати могли быть обнаружены, ведь у автовладельцев многоквартирного дома имеется ряд общих интересов). Напротив, суд абсолютно верно указал, что общее собрание автовладельцев не поименовано в законе. Как следствие, такое образование не уполномочено принимать решения, основанные на принципе большинства. Это означает, что Судебная коллегия, в первую очередь, не признала общее собрание автовладельцев собранием в значении, которое установлено в главе 9.1 Гражданского кодекса РФ, а именно – совокупностью лиц, уполномоченных принимать решения, по общему правилу, обязательные для меньшинства.

Возникает следующий вопрос. Могут ли стороны установить в договоре положение, согласно которому к их совместным решениям будут применяться нормы о решениях собраний, а совместные заседания – будут считаться собраниями? Представляется, что стороны вправе сделать соответствующую оговорку в силу принципа свободы договора. В этом случае положения о решениях собраний будут являться частью договора (как обязательства). Однако совместные заседания сторон договора не будут признаваться собраниями в том значении,

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2017 N 5-КГ16-230

которое закреплено главой 9.1 Гражданского кодекса РФ. Это обусловлено тем, что проведение совместных заседаний будет являться исполнением обязательства, возникшего на основании гражданско-правовой сделки (договора). Если императивные положения об обязательствах или положения о сделках (например, о недействительности сделок) вступят в противоречие с положениями о решениях собраний, закрепленными в договоре (например, о недействительности решений собраний), то приоритет, по нашему мнению, следует отдать положениям о сделках и обязательствах. Если бы совместные заседания сторон договора признавались собраниями, то приоритет, напротив, следовало бы отдать положениям о решениях собраний. Однако стороны, заключившие гражданско-правовой договор, не вправе отказаться от применения императивных норм о сделках и обязательствах, поскольку это противоречило бы существу того юридического основания, в силу которого к отношениям сторон применялись бы нормы о решениях собраний. Применение таких норм допустимо в качестве установления правил взаимодействия сторон обязательства, но лишь в пределах свободы договора.

При этом очевидно, что внесение соответствующих положений в договор должно осуществляться по согласию всех сторон, так как любая сделка, по общему правилу, требует для своего совершения единогласия.

По этой же причине к решению совокупности лиц, принявших единогласное решение (при полной явке), могут быть применимы нормы о решениях собраний, даже если образование такой совокупности лиц как собрания не предусмотрено законом (при невступлении указанных норм в противоречие с императивными нормами о сделках). В этом случае проведение собрания может быть рассмотрено в качестве исполнения договора (обязательства), возникшего на основании сделки, заключенной посредством конклюдентных действий (проведения собрания). Более того, волеизъявление сторон обязательства о применении положений о решениях собраний может следовать из письменного документа – протокола собрания. С большой долей уверенности можно утверждать, что протокол собрания в данном случае следует рассматривать в качестве письменного договора сторон (при наличии существенных условий). Разумеется, правовые последствия решения

такого «собрания» могут возникать лишь для сторон договора, а совокупность лиц не будет являться собранием в том значении, которое закреплено главой 9.1 Гражданского кодекса РФ.

Итак, представляется, что совокупность лиц может рассматриваться в качестве собрания в том случае, если в законодательстве определенная совокупность лиц напрямую охарактеризована в качестве собрания (например, собрания участников юридического лица, собственников, кредиторов при банкротстве). Термин «гражданско-правовое сообщество», часто используемый в законодательстве и доктрине применительно к термину «собрание», нами будет пониматься далее исключительно как совокупность лиц, без каких-либо дополнительных свойств. Проблема понимания термина «гражданско-правовое сообщество» будет более детально исследована в настоящем параграфе далее.

Поскольку для российского частного права характерна высокая значимость постановлений Пленума Верховного Суда РФ как актов толкования законодательства (в том числе расширительного), оговорка о возможности проведения собраний может также содержаться в таких постановлениях. Например, в пункте 103 постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23 июня 2015 г. к решениям собраний отнесены решения коллегиальных органов юридического лица и комитета кредиторов при банкротстве.

В случае, когда прямая оговорка в законодательстве отсутствует, квалификация в качестве собрания заседаний или иных совместных встреч определенных лиц приведет к автоматическому применению принципа большинства при голосовании (по умолчанию), что существенно и необоснованно ущемляет интересы меньшинства.

Применительно к комитету кредиторов при банкротстве и ряду коллегиальных органов управления юридическим лицом (например, совету директоров или правлению) важно отметить, что Верховный Суд РФ признал указанные объединения лиц собраниями несмотря на то, что собраниями они прямо не называются. В этой связи нельзя исключать, что в качестве собрания могут быть

квалифицированы различные комитеты, советы и другие совокупности лиц, которые законодателем или Верховным Судом РФ не отнесены к собраниям.

Непоименованное собранием гражданско-правовое сообщество (комитет, совет и др.), по нашему мнению, может быть квалифицировано в качестве собрания при наличии двух обязательных критериев: (1) гражданско-правовое сообщество упомянуто в законе и (2) невозможность принятия решения таким гражданско-правовым сообществом ввиду отсутствия единогласия между его членами способна привести к существенному ущемлению интересов самого гражданско-правового сообщества или интересов третьих лиц.

В случае, когда законодатель не именуется конкретное гражданско-правовое сообщество собранием (совет, комитет и т.д.), нельзя исключать наличие пробела, при котором статус собрания при принятии решений указанным гражданско-правовым сообществом все-таки подразумевался. Однако, в любом случае, непоименованное в законе гражданско-правовое сообщество не может быть квалифицировано в качестве собрания, поскольку такое гражданско-правовое сообщество находится вне поля зрения законодателя, а констатация наличия или отсутствия пробела невозможна.

При этом само по себе упоминание гражданско-правового сообщества в законе не может являться единственным критерием, при наличии которого сообщество образует собрание. Квалификация гражданско-правового сообщества в качестве собрания применяется для разрешения потенциального конфликта, а именно – разрешения ситуации, при которой решение не может быть принято ввиду отсутствия единогласия между членами гражданско-правового сообщества. Невозможность принятия решения в связи с отсутствием единогласия должна потенциально приводить к существенному ущемлению интересов самого гражданско-правового сообщества или интересов третьих лиц. Лишь в указанном случае возможно применение принципа большинства (вместо единогласия), а ущемление интересов меньшинства - может быть признано оправданным.

Основания для признания определенной совокупности лиц собранием необходимо отграничивать от оснований для участия в собрании (голосовании на

нем). Представляется, что право на участие в собрании может быть закреплено не только на уровне законодательства.

Например, устав непубличного акционерного общества и решение о выпуске специализированных привилегированных акций могут устанавливать для акционеров, владельцев таких акций, право голоса на общем собрании (пункт 6 статьи 32 Федерального закона об акционерных обществах)¹³.

В соответствии с пунктом 1 статьи 32 Федерального закона об обществах с ограниченной ответственностью уставом может быть предусмотрен порядок определения числа голосов, отличный от установленного в законе. То есть участники общества с ограниченной ответственностью в силу устава могут приобрести большее число голосов, чем имеют в соответствии с законодательством.

По нашему мнению, право на участие в собрании и голосовании на нем не обязательно должно быть зафиксировано исключительно в законе. Такое право может быть закреплено в иных актах, если они не вступают в противоречие с законодательством, что следует, в частности, из пункта 6 статьи 32 ФЗ об АО или пункта 1 статьи 32 ФЗ об ООО.

Далее - представляется целесообразным более детально рассмотреть вопрос соотношения собрания как совокупности лиц и коллегиального органа юридического лица. После этого, имея комплексное представление о собрании – выявить его обязательные признаки и сформулировать определение общего собрания участников хозяйственного общества.

1.3 Собрание как коллегиальный орган юридического лица

Наиболее ярким примером собрания как коллегиального органа юридического лица является общее собрание участников хозяйственного общества (акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью). Тем не

¹³ Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ "Об акционерных обществах" // СЗ РФ, 01.01.1996, N 1, ст. 1 (далее – «ФЗ об АО» или «Федеральный закон об АО»)

менее выводы, которые будут сделаны в настоящем разделе также применимы в отношении собраний иных коллегиальных органов, например, совета директоров или правления.

Дискуссионным является вопрос о правовом статусе органа юридического лица. Ряд правоведов, в том числе Б.Б. Черепахин и О.С. Иоффе, признавали орган в качестве организационно-правовой части самого юридического лица¹⁴. Иной точки зрения придерживались, в частности, Г.Ф. Шершеневич и Д.М. Чечот¹⁵, полагая, что орган является представителем юридического лица.

В настоящей работе мы будем исходить из того, что орган юридического лица, в том числе общее собрание участников хозяйственного общества выступает как организационно-правовая часть юридического лица, обладающая определенной компетенцией, а действия органа являются действиями юридического лица, поскольку орган не обладает правосубъектностью.

Однако абстрактное определение собрания как органа может представлять интерес лишь на теоретическом уровне. Дело в том, что общее собрание участников хозяйственного общества, реализуя установленную компетенцию, представляет собой более сложное явление. В конкретной ситуации участники имущественного оборота сталкиваются не просто с общим собранием, а, к примеру, с внеочередным общим собранием от 15.04.2022 года, принявшим соответствующие решения. Применительно к конкретному общему собранию хозяйственного общества всегда определяется список участников, имеющих право голосовать по вопросам повестки дня. Таким образом, в данной ситуации мы имеем дело с органом юридического лица, за которым одновременно стоит определенная совокупность лиц (участников корпорации, имеющих право голоса). Причем указанные лица обладают самостоятельной правосубъектностью, как и юридическое лицо, собрание которого субъектом права не является.

¹⁴ Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 472; Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. II. Советское гражданское право. СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2004. С. 156.

¹⁵ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут, 2005. С. 164.; Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та; Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. С. 198.

Каким же образом следует соотносить собрание как совокупность лиц и общее собрание как орган юридического лица?

Огромный вклад в исследование категорий воли и волеизъявления юридического лица, а также его органов внес В.А. Ойгензихт. Ученый разграничил волю членов коллектива и волю юридического лица¹⁶. В.А. Ойгензихт соглашается с позицией, согласно которой воля юридического лица не является волей всего коллектива (или «волей всех»)¹⁷. При этом В.А. Ойгензихт в своем труде использует такую категорию, как «трансформация воли». В конечном итоге, воля членов коллектива трансформируется в волю предприятия¹⁸.

Соглашаясь с указанными выводами ученого, можно проанализировать процесс принятия решения общим собранием участников хозяйственного общества.

В первую очередь, индивидуальную волю выражают члены определенного коллектива, а именно те, кто обладает правами голоса на собрании.

Если в процессе принятия решения общего собрания участников не допущено нарушений, которые могут привести к признанию такого решения недействительным, воли членов коллектива трансформируются в волю юридического лица. Если допущенные нарушения являются основаниями ничтожности, то трансформация воли членов коллектива в волю юридического лица не происходит. Если же нарушения являются основаниями оспоримости – отсутствие трансформации воли может установить только суд.

При этом крайне важно подчеркнуть, что на этапе трансформации воли членов коллектива в волю юридического лица происходит не просто суммирование и отождествление воли, а образование качественно новой. В этой связи нельзя утверждать, что воля юридического лица – это совокупность воли участников

¹⁶ Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление. Очерки теории, философии и психологии права / В.А. Ойгензихт. Душанбе: Дониш, 1983. С. 160.

¹⁷ Мусин В.А. Волевые акты государственного предприятия и проблема сущности юридического лица // Известия вузов. Правоведение. 1963. N 1. С. 63

¹⁸ Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 159.

общего собрания как его первоисточника. Правильнее будет признать, что воля юридического лица – это результат трансформации воли участников собрания.

Изначально решение собрания принимает определенная совокупность членов корпорации. Указанная совокупность членов образует собрание. Если собрание правомочно, а голосование по вопросам повестки дня осуществлялось в рамках компетенции, то решение общего собрания как совокупности лиц в момент принятия становится решением общего собрания участников хозяйственного общества как органа юридического лица и, как следствие, актом самого хозяйственного общества.

Приведенные обстоятельства, по нашему мнению, выступают основанием для применения норм о решениях собраний к решениям коллегиальных органов хозяйственных обществ (не только общих собраний), если соответствующие нормы не противоречат специальному законодательству (пункт 1 статьи 181.1 ГК РФ). При этом общее собрание как орган юридического лица, принимающий решение, осложнено элементом трансформации воли участников собрания в волю самого юридического лица. Еще раз важно подчеркнуть, что речь идет не просто об общем собрании как органе юридического лица, а о конкретном общем собрании как органе, принимающем конкретное решение (или решения). Именно в этом случае мы можем констатировать наличие определенной совокупности лиц, представляющих собой собрание.

Для такого собрания (как и для любого другого собрания, принимающего решение) также актуален вопрос об обязательности или необязательности установления признаков гражданско-правового сообщества.

Следует согласиться с мнением В.К. Андреева, согласно которому сегодня имеется противоречие между пунктом 2 статьи 181.1 ГК РФ (в соответствии с которым гражданско-правовым сообществом признаются участники юридического лица) и толкованием, содержащемся в пункте 118 Постановления Пленума ВС РФ

№ 25 (в соответствии с которым гражданско-правовым сообществом признается само юридическое лицо)¹⁹.

Действительно, законодатель, используя категорию «гражданско-правового сообщества», подразумевал определенную совокупность лиц. Юридическое лицо, в свою очередь, не является совокупностью лиц (участников корпорации, членов органов управления и др.). Как следствие, отождествление его с гражданско-правовым сообществом представляется ошибочным.

Г.В. Цепов полагает, что введение конструкции гражданско-правового сообщества является неудачной попыткой унификации собраний правосубъектных и неправосубъектных образований. Для правосубъектных образований этот термин неприменим²⁰. По мнению автора, это связано с тем, что решение, принятое коллегиальным органом, считается принятым самим юридическим лицом, а не выразившими его лицами²¹.

Представляется, ученый упускает одну важную деталь. Для того, чтобы решение коллегиального органа стало решением юридического лица – за это решение должно проголосовать определенное количество уполномоченных лиц, которые изначально выступают в качестве субъектов права. Трансформация воли уполномоченных лиц в волю юридического лица не влечет прекращения правосубъектности лиц, голосующих за принятие решений. Поэтому решение, принятое коллегиальным органом, считается принятым не только самим юридическим лицом, но и лицами, выразившими это решение.

Отчасти с мнением Г.В. Цепова все же следует согласиться. Введение конструкции гражданско-правового сообщества являлось попыткой унификации. Однако эта унификация носила лишь утилитарный характер. Гражданско-правовое сообщество само по себе не является качественно новым правовым институтом. Оно позволило законодателю охватить в рамках одной конструкции реестровых

¹⁹ Андреев В.К. Ответственность руководителя и иных лиц в доведении до банкротства // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2019. N 4. Приведено по СПС "КонсультантПлюс"

²⁰ Цепов Г.В. Проблема омонимов, или Допустима ли унификация правового регулирования собраний? // Закон. 2016. N 12. Приведено по СПС "КонсультантПлюс"

²¹ Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика. М., 2008. С. 145.

кредиторов, участников общего собрания корпорации, собственников и др., что следует из прямого толкования пункта 2 статьи 181.1 ГК РФ.

Дальнейшее расширение содержания термина «гражданско-правовое сообщество» и установление его в качестве обязательного признака решения собрания Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума №25 является деструктивным и крайне опасным толкованием норм. Ярким примером негативных последствий такого толкования является упомянутое ранее дело «Голмачевских ГЭС».

Для того, чтобы рассматривать конструкцию гражданско-правового сообщества в качестве основы механизма собрания, игнорирующего полное согласование волей, необходима его глубокая доктринальная проработка. Такая проработка в российском частном праве отсутствует, при том что категория «гражданско-правовое сообщество» не является новой для права в целом.

Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, гражданско-правовое сообщество идентично категории «юридическая общность», разновидностью которого является корпорация. Юридические общности на основе некоторой степени имущественной обособленности отличаются различной интенсивностью в их отдельных видах, а высшей степенью обособленности обладает объединение лиц, ставшее единственным собственником имущества, оставив своим участникам только корпоративные права управления. Именно такая общность становится юридическим лицом²². По замечанию Е.А. Суханова, классическое понимание корпорации как юридической общности обосновано в работах Отто фон Гирке²³.

В.А. Лаптев обращает внимание на то, что в доктрине выделяются следующие признаки гражданско-правового сообщества: объединение лиц,

²² Суханов Е.А. Корпорации как юридические общности (сравнительно-правовой аспект) // Проблемы современного гражданского права: сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. Москва. Статут, 2021. С.267-270.

²³ Gierke O. v. Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 4. Staats-und Korporationslehre der Neuzeit. Berlin. 1913.

общность интересов его членов, устойчивая правовая связь между его членами, организационное единство и наличие компетенции²⁴.

Категория «гражданско-правовое сообщество», безусловно, является значимой для определения сущности корпорации. Однако установление признаков гражданско-правового сообщества не должно являться условием для образования собрания или установления возможности принятия собранием решения. Предположение об обратном создавало бы крайне опасную ситуацию, когда констатация наличия некоторой степени имущественной обособленности определенной совокупности лиц порождала бы возможность принятия решения собрания простым большинством без учета интересов меньшинства. Опасность ситуации обусловлена отсутствием точных параметров и неопределенностью критериев совокупности лиц, необходимых и достаточных для образования гражданско-правового сообщества. Например, такие из указанных выше свойств гражданско-правового сообщества, как «устойчивая правовая связь между членами» или «общность интересов» следует признать справедливыми, но нельзя признать определенными. Границы устойчивости или общности интересов в каждом случае констатации за некоторой общностью статуса гражданско-правового сообщества могут быть различными.

По этой причине возможность проведения собрания для принятия решения должна определяться, как ранее было указано, наличием в законе прямой оговорки о собрании (а в случае, когда прямая оговорка о собрании отсутствует – наличием в законе оговорки о конкретном гражданско-правом сообществе и возможностью квалификации указанного сообщества в качестве собрания в силу характера сложившихся правоотношений). Термин «гражданско-правовое сообщество» применительно к «собранию» - может быть использован лишь в качестве собирательной категории, характеризующей любую совокупность лиц, независимо от наличия каких-либо дополнительных правовых свойств.

²⁴ Лаптев В.А. Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа, 2022, №4. С. 49. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М., 2019. С. 86–89

Итак, гражданско-правовое сообщество может образовать собрание в случае, если в законодательстве такое сообщество поименовано в качестве собрания (например, собрание участников корпорации, собственников или кредиторов при банкротстве). Если прямая оговорка о таком собрании в законодательстве отсутствует, квалификация в качестве собрания гражданско-правового сообщества приведет к применению принципа большинства при голосовании, что существенно и необоснованно ущемит интересы меньшинства.

Непоименованное собранием гражданско-правовое сообщество (комитет, совет и др.) может быть квалифицировано в качестве собрания при наличии двух обязательных критериев: (1) гражданско-правовое сообщество упомянуто в законе и (2) невозможность принятия решения таким гражданско-правовым сообществом ввиду отсутствия единогласия между его членами способна привести к существенному ущемлению интересов самого гражданско-правового сообщества или интересов третьих лиц. Непоименованное в законе гражданско-правовое сообщество не может быть квалифицировано в качестве собрания.

1.4. Функциональные признаки собрания

С учетом анализа текущего законодательства о собраниях интерес представляет рассмотрение следующих вопросов. Являются ли необходимыми и обязательными функциональными признаками собрания составление повестки дня, совместное присутствие участников, кворум, компетенция и голосование участника по конкретным вопросам для принятия решения?

Повестка дня представляет собой перечень вопросов, по которым участники принимают решения на собрании. При этом повестка дня, как правило, предоставляется участникам до собрания для обеспечения возможности подготовить уточнения или комментарии применительно к конкретным вопросам. Однако наличие повестки дня сегодня вряд ли можно отнести к обязательным признакам собрания. Законодатель допускает признание действительным решения собрания, принятого по вопросу, не включенному в повестку дня, если за принятие

решения проголосовали все лица, имеющие права на голосование (подпункт 1 пункта 1 статьи 181.4 ГК РФ).

Исследование повестки дня в качестве обязательного признака собрания позволяет поставить другой, более глубокий юридический вопрос. Является ли обязательным признаком собрания наличие вопросов повестки дня (или предложений, по которым принимаются решения)?

Рядом германских ученых предложение признается обязательным элементом процесса принятия решения собрания²⁵, что позволяет признать за решением собрания диалектический характер (то есть решение принимается либо положительное, либо отрицательное)²⁶. При таком подходе выход за рамки предложения для принятия решения возможен только посредством представления нового предложения²⁷.

Поскольку любое собрание, как будет показано далее, направлено на принятие решения – наличие предложения, по которому это решение принимается, потенциально может рассматриваться в качестве обязательного признака собрания.

Впрочем, в немецкой доктрине высказана и противоположная точка зрения. Например, по мнению М. Бона, наличие предложения не является необходимым для принятия решения, а лишь фактически облегчает голосование²⁸.

По нашему мнению, подход М. Бона представляется целесообразным. Нельзя исключать ситуацию, когда решение собрания может приниматься в отсутствие четко выраженного и артикулированного предложения. Аналогичным образом в доктрине выработан способ заключения договора посредством переговоров в качестве альтернативы акцепта оферты, поскольку возникаю сложности в выявлении оферты и акцепта²⁹. Таким образом, наличие предложения нельзя признать ни в качестве обязательного признака собрания, ни в качестве обязательного элемента процесса принятия решения.

²⁵ Zöllner W. Beschluß, Beschlußergebnis und Beschlußergebnisfeststellung // Festschrift für M.Lutter. Köln, 2000. S.822-823

²⁶ Bruns R. Lücken in der rechtlichen Wertung des körperschaftlichen Rechtsgeschäfts? // Festschrift für F.Senn. Saarbrücken, 1954. S.139

²⁷ Zöllner W. Die Schranken mitgliedschaftlicher Stimmrechtsmacht bei den privatrechtlichen Personenverbänden. S.13.

²⁸ Bohn M. Wesen und Rechtsnatur des Gesellschaftsbeschlusses. S.82-85.

²⁹ Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М., 2005. С.198-296

Относительно наличия совместного присутствия следует согласиться с позицией Д.В. Ломакина – так как голосование на собрании может осуществляться в заочной форме, совместное присутствие не является обязательным признаком собрания³⁰.

Нельзя также признать универсальным (и обязательным) признаком собрания кворум, поскольку, к примеру, в обществах с ограниченной ответственностью решения общих собраний принимаются большинством голосов от числа всех участников, если необходимость иного числа голосов не предусмотрена в законодательстве или уставе. В этом случае кворум установлению не подлежит. При этом значение кворума не следует умалять, поскольку при его отсутствии решение собрания будет признано ничтожным (например, в силу пункта 2 статьи 181.5 Гражданского кодекса РФ, если иное не предусмотрено специальным законодательством).

К необходимым и обязательным функциональным признакам любого собрания следует отнести наличие компетенции и права участников голосовать за принятие решений.

В доктрине сложилось несколько различных определений содержания компетенции. В частности, Д.В. Ломакин в понятие компетенции включает права и обязанности, а также задачи и функции органа, охватываемые предметом его деятельности³¹.

Некоторые немецкие ученые «права и обязанности» и «комплекс задач и власти» («Aufgaben und Macht») рассматривали как равнозначные, таким образом, сводя содержание компетенции к совокупности прав и обязанностей³².

Высказана также точка зрения, согласно которой компетенция понимается в качестве «совокупности вопросов, решения по которым орган правомочен принимать»³³.

³⁰ Ломакин Д.В. Решение собрания – это разновидность юридического акта // Арбитражная практика, №8, С.121.

³¹ Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М., 2005. С.107-108

³² Baltzer J. Der Beschluß als rechtstechnisches Mittel organschaftlicher Funktion im Privatrecht. Köln, 1965. S.29

³³ Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. С.10, 29-30

В настоящей работе мы будем придерживаться позиции, высказанной И.С. Шиткиной. Под компетенцией понимается круг вопросов, по которым собрание уполномочено принимать решения³⁴.

Решение собрания, принятое вне рамок компетенции, является ничтожным и не порождает юридических последствий (пункт 3 статьи 181.5 Гражданского кодекса РФ; пункт 6 статьи 43 Федерального закона об обществах с ограниченной ответственностью; пункт 10 статьи 49 Федерального закона об акционерных обществах).

Право участников собрания (совокупности лиц) голосовать за принятие решения или решений является ключевым функциональным признаком любого собрания, поскольку именно в этом состоит правовая цель собрания как совокупности лиц. При этом участник может проголосовать против или даже не явиться на собрание, однако, при наличии необходимого большинства – решение будет принято.

По общему правилу - право голосования на собрании должно определяться на момент проведения собрания. Однако законом могут быть установлены исключения из этого правила. Например, голосовать за принятие решения общим собранием вправе не акционер, который обладает акциями на момент принятия решения, а акционер, включенный в соответствующий список (пункт 1 статьи 51 Федерального закона об акционерных обществах).

Важно при этом подчеркнуть, что признаком собрания является именно право голосования, а не право присутствия на нем. Собрание в том значении, которое установлено главой 9.1 Гражданского кодекса РФ, созывается именно для целей принятия решений (или решений) по конкретным вопросам. Без возможности принятия решения собрание как правовая категория утрачивает свою ценность. Именно право голосования позволяет участникам собрания принимать решения. При этом присутствовать на собрании могут лица, не имеющие право голоса. Например, в соответствии с пунктом 4 статьи 37 Федерального закона об

³⁴ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. (глава XII, автор главы – И.С. Шиткина). Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

обществах с ограниченной ответственностью общее собрание участников открывается лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа или возглавляющим коллегиальный исполнительный орган. Указанное лицо имеет право присутствия на собрании, однако в силу своих полномочий не имеет (ключевое для собрания) право голоса за принятие решений по вопросам повестки дня.

Если голосование на собрании является заочным, то право присутствия участникам совокупности лиц, принимающих решение, не предоставляется, однако право голосования (например, посредством направления бюллетеней), безусловно, должно быть гарантировано.

Таким образом, в российском праве собрание может пониматься в различных значениях. Собрание, принимающее решение, представляет собой установленную законом совокупность лиц, имеющих право голоса при принятии решений по вопросам, включенным в компетенцию.

При принятии решения органом юридического лица, входящие в состав этого органа лица образуют собрание, принятие правомерного решения которым влечет трансформацию воли участников в волю самого юридического лица. Таким образом, в конечном итоге, субъектом права, принявшим решение, является юридическое лицо.

В этой связи при принятии конкретным общим собранием участников хозяйственного общества решения, участники хозяйственного общества образуют собрание как совокупность лиц, которые имеют право голосовать за принятие решений по вопросам, включенным в компетенцию общего собрания как органа юридического лица, и воля которых, в конечном итоге, трансформируется в волю юридического лица. При этом совокупность воль участников, голосовавших за принятие решений, не тождественна воли юридического лица, поскольку в результате трансформации образуется качественно новая воля.

§2. Понятие и правовая природа решения общего собрания участников хозяйственных обществ

2.1. Подходы к пониманию решения собрания

Анализ понятия и правовой природы решения собрания участников хозяйственного общества следует начать с исследования положений российского законодательства. Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ³⁵ в Гражданский кодекс РФ была введена глава 9.1, регулирующая порядок принятия и условия признания недействительными решений собраний.

Структурно глава расположена сразу после главы о сделках. Как решения собраний, так и сделки являются юридическими фактами, порождающими правовые последствия. Попытка законодателя детализировать правовой режим решений собраний показала наличие проблем, фактически существовавших ранее. Эти проблемы связаны с юридическим определением решения собрания и его соотношением с гражданско-правовой сделкой. Само по себе установление правового режима решений собраний в рамках отдельной главы не привело к четкому осознанию того, что понимается под ними, и не разрешило проблему их соотношения со сделками. Сегодня невозможно дать однозначный ответ на вопросы о том, могут ли нормы, устанавливающие режим гражданско-правовых сделок, применяться к решениям собраний и, если могут, то какие именно? Если нормы о сделках не могут применяться к решениям собраний напрямую, то допустимо ли применять положения о сделках к решениям собраний по аналогии.

В этой связи следует поставить задачи определения понятия решения собрания (и, в частности, решения общего собрания участников хозяйственного общества), выявления его соотношения с гражданско-правовой сделкой и определения возможности применимости норм о сделках к решениям собраний.

Несмотря на обособленное регулирование решения собрания, в действующем законодательстве отсутствует определение этого термина.

³⁵ Федеральный закон от 07.05.2013 N 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" (с изм. от 15.02.2016) // СЗ РФ, 13.05.2013, N 19, ст. 2327.

Верховный Суд РФ в пункте 103 Постановления Пленума № 25 от 23.06.2015³⁶ сформулировал определение на основе разъяснения некоторых положений Гражданского кодекса РФ. В соответствии с Постановлением Пленума №25 под решениями собраний понимаются «решения гражданско-правового сообщества, т.е. определенной группы лиц, наделенной полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений».

Указанное определение не лишено недостатков. В определении содержатся ошибки, которые называются логическим кругом, поскольку «...под решениями собраний понимаются решения...», а гражданско-правовое сообщество определено как «...группа лиц, наделенная полномочиями принимать на **собраниях решения**...» (выделено мной – А.Т.).

Более того, при установлении признаков исследуемого понятия Верховный Суд РФ использует органический критерий, акцентируя внимание не на том, что представляет собой решение собрания, а на том, кто его принимает. С одной стороны, такой подход кажется неизбежным, учитывая то, что в самом термине «решение собрания» уже указан субъект – собрание. С другой стороны, правовая природа решений остается неопределенной. Проблема заключается не в том, что в определении указан субъект, а в том, что ключевая категория термина остается нераскрытой.

Между тем, вывести определение решения собрания из положений действующего законодательства не представляет особой сложности. Достаточно обратиться к основной предпосылке принятия решения: оно может быть принято посредством очного, заочного или очно-заочного голосования (пункт 105 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25). Голосование подразумевает возможность выражения воли, как минимум, двух лиц (учитывая то,

³⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"

что собрание определено нами в качестве совокупности лиц). Это означает, что на собрании двое или более лиц вправе выразить свою волю (проголосовать), в результате чего и будет принято решение. Таким образом, решение собрания представляет собой акт коллективного волеизъявления лиц, имеющих право голоса. Как правило, результат выражения воли (то есть волеизъявление) фиксируется в форме протокола собрания.

Не исследуя на данном этапе вопрос правовой природы решения собрания и его соотношения с гражданско-правовой сделкой, отметим, что в качестве акта волеизъявления (формы воли) решение собрания рассматривается широким кругом немецких ученых³⁷.

Однако решение собрания не всегда представляет единогласное волеизъявление. И.С. Шиткина и С.Ю. Филиппова справедливо отмечают, что при принятии, например, корпоративных решений не происходит согласования воли всех участников, а действует принцип приоритета большинства³⁸. Особенно отсутствие необходимости полного согласования воли прослеживается при проведении собраний, где необходимо наличие кворума, поскольку подсчет голосов ведется от числа присутствующих, а не от общего количества лиц, имеющих право принимать участие в собрании. В качестве примера можно привести случай, когда в принятии решения общим собранием акционерного общества может участвовать два лица, одно из которых имеет 51% голосов, а другое – 49% голосов. Если на собрании будет присутствовать только мажоритарий и проголосует «за», то решение будет принято всеми участниками собрания (несмотря на волеизъявление лишь одного).

³⁷ Bohn M. Die soziologische Natur des Verbandsbeschlusses. S.232; Hadding W. Kommentar zum § 32 BGB // Soergel. S.287, 295; Hüffer U. Aktiengesetz. 7. Aufl. München, 2006. S.724; Messer H. Der Widerruf der Stimmabgabe // Festschrift für H.J.Fleck. Berlin, 1988. S.221, 225; Oertmann P. Kommentar zum BGB und seinen Nebengesetzen. Allgemeiner Teil. 3. Aufl. Berlin, 1927. S.526; Winnefeld R. Stimmrecht, Stimmabgabe und Beschluß, ihre Rechtsnatur und Behandlung // Der Betrieb. 1972. S.1053; Zöllner W. Beschluß, Beschlußergebnis und Beschlußergebnisfeststellung // Festschrift für M.Lutter. Köln, 2000. S.821

³⁸ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. Глава I, автор главы – Шиткина И.С.; Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. (приведено по СПС «КонсультантПлюс»).

Полного понимания содержания понятия решение собрания можно достичь лишь при его сопоставлении с гражданско-правовой сделкой, поскольку, как было указано ранее, и решение собрания, и сделка являются юридическими фактами. Однако до начала сопоставления решений собраний и сделок следует, отметить, что в доктрине выработана также нормативная теория решения собрания. В соответствии с указанной концепцией решение представляет собой нормативный правовой акт, регулирующий общественные отношения.

Одним из первых ученых, обосновавших указанный подход, стал Отто фон Гирке. Согласно точке зрения правоведа - уставы и решения собраний создавали нормы права, поскольку союзам была предоставлена социальная (корпоративная) автономия создавать объективное право³⁹. Однако не всякое корпоративное действие (в том числе решение собрания) признавалось ученым нормативным правовым актом. Корпоративные действия (по аналогии с классификацией ветвей государственной власти) правоведа разделял на акты правотворчества, управления и судопроизводства⁴⁰.

В дореволюционной России нормативную теорию, обоснованную Отто фон Гирке, воспринял и поддержал Л.С. Таль⁴¹.

Можно утверждать, что в советское время нормативная теория также получила развитие. Это обусловлено выделением важной роли локальных нормативных правовых актов, которыми утверждали, в частности, правила внутреннего трудового распорядка, положения о премировании и должностные инструкции⁴². Впрочем, концепция, положенная в основу нормативной теории Отто фон Гирке, и концепция, положенная в основу советской нормативной теории, кардинально отличаются. Разумеется, ни о какой социальной

³⁹ v. Gierke O. Deutsches Privatrecht. Bd. I. S.142-159

⁴⁰ v. Gierke O. Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtsprechung. S.720.

⁴¹ Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование (серия «Классика российской цивилистики»). М., 2006. С.388, 406-407.

⁴² Архипов С.И. Понятие и юридическая природа локальных норм права // Правоведение. 1987. № 1. С.29-34; Иванов С.А., Лившиц Р.З., Орловский Ю.П. Советское трудовое право: вопросы теории. М., 1978. С.159-165; Кондратьев Р.И. Локальные нормы трудового права и материальное стимулирование. Львов, 1973. С.9; Самигуллин В.К. Локальные нормы и их виды // Правоведение. 1976. № 2. С.38-43; Тарасова В.А. Предмет и понятие локальных норм права // Правоведение. 1968. № 4. С.93-97.

(корпоративной) автономии в период развития советского права не упоминалось. Полномочия юридических лиц по созданию нормативных правовых актов, в качестве которых выступали локальные нормативные акты, исходили от государства.

Представляется, что нормативная теория решения собрания не лишена недостатков. Во-первых, далеко не все решения собрания создают некоторое правило поведения (например, в случае избрания члена органа управления корпорации). Во-вторых, нельзя однозначно утверждать, что в тех случаях, когда решением собрания создается правило поведения, такое правило направлено на неопределенный круг лиц и неоднократное применение (то есть обладает признаками нормативного правового акта). Проблема точного формулирования признаков нормативного правового акта не является решенной и, разумеется, от понимания содержания признаков зависит отнесение, например, устава корпорации, утвержденного решением общего собрания, к источникам права. Мы поддерживаем точку зрения Е.А. Суханова, согласно которой российское право не знает санкционированного локального нормотворчества⁴³.

Нормативная теория решения собрания сама по себе сосредоточена не столько на правовой природе решения, сколько на порождаемых им правовых последствиях, а точнее – возможности создания норм права. С точки зрения современного правоприменения и потребностей имущественного оборота, указанная теория не представляется столь актуальной и значимой.

Концепции решения собрания как сделки или решения собрания как юридического факта *sui generis*, напротив, направлены именно на раскрытие правовой природы и сущности решения, что позволяет более глубоко исследовать указанную категорию. По этой причине мы вернемся к выявлению соотношения сделки и решения, рассматривая последнее именно как юридический факт.

До выделения норм, регулирующих решения собраний, в отдельную главу Гражданского кодекса РФ в доктрине существовали различные точки зрения по

⁴³ Суханов Е.А. Источники гражданского права // Гражданское право: Учебник. Т.1 / Под ред. Е.А.Суханова. М., 2004. С.83

этому вопросу. А.В. Егоров полагал, что решение собрания является особой разновидностью сделки, что не оспаривается в стране, представители которой выступили родоначальниками сделок (в Германии). При этом, по замечанию ученого, решение собрания, сохраняя правовую природу сделки, тем не менее имеет одну особенность – оно может быть принято не только при полном совпадении воль⁴⁴.

Следует подчеркнуть, что в немецкой доктрине концепция о том, что решение собрания является сделкой является крайне распространенной⁴⁵. Детальный и заслуживающий внимания обзор позиций германских ученых произвел в своем диссертационном исследовании С.С. Вилкин⁴⁶. В частности, автором были представлены позиции сторонников решения собрания как односторонней сделки, договора, многосторонней сделки и особой разновидности сделок.

Н.В. Козлова отмечала, что корпоративные акты (в том числе решения собраний) следует относить к многосторонним гражданско-правовым корпоративным сделкам⁴⁷. Аналогичной точки зрения придерживались К.И. Труханов⁴⁸, Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева⁴⁹.

⁴⁴ Егоров А.В. Закон и практика: от борьбы к единству // ЭЖ-Юрист. 2004. № 3. Приведено по СПС "КонсультантПлюс". Автор также поддержал указанную позицию после проведения реформы в совместном труде с А.А. Громовым. См.: Громов А.А., Егоров А.В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. М., 2014. С. 128, 129.

⁴⁵ Bartholomeyczik H. Der Körperschaftsbeschuß als Rechtsgeschäft // Zeitschrift für das gesamte Handels- und Konkursrecht (ZHR). Bd. 105. 1938; Boecken W. BGB - Allgemeiner Teil. W. Kohlhammer Verlag, 2007. S. 70 – 71; Bohn M. Wesen und Rechtsnatur des Gesellschaftsbeschlusses. S.99-100, 108-140; Bork R. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuchs. Mohr Siebeck, 2006. S. 167.; Casper M. Die Heilung nichtiger; Beschlüsse im Kapitalgesellschaftsrecht. Köln: O. Schmidt, 1998. S. 32. Emde R. Die Bestimmtheit von Gesellschafterbeschlüssen // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht (ZIP). 2000. 21,1. S.59- 60; Flume W. Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. Bd. I (2). Berlin, 1983. S.248-250; Hüffer U. Aktiengesetz. 7. Aufl. München, 2006. S.724; Larenz K. Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. 9. Aufl. (fortgeführt von M.Wolf). München, 2004. S.406-408; Lindemann B.S. Die Beschlusfassung in der Einmann GmbH. Heidelberg: V. Decker, 1996. S. 36.; Noack U. Fehlerhafte Beschlüsse in Gesellschaften und Vereinen. Berlin, 1989. S.15-17; v. Tuhr A. Der Allgemeine Teil des deutschen bürgerlichen Rechts. Bd. I. S.514-517

⁴⁶ Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. С.128-180

⁴⁷ Козлова Н.В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 8. С. 55.

⁴⁸ Труханов К.И. Решения собраний – новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10. С. 130.

⁴⁹ Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7. С. 31, 46 – 50.

Позицию об отнесении решений собраний к односторонним сделкам занимал Б.П. Архипов⁵⁰.

Противоположной позиции придерживался Д.В. Ломакин, утверждая, что решение собрания является самостоятельным юридическим фактом, поскольку в отличие от сделки решение собрания влечет юридические последствия для лиц, не голосовавших за его принятие. Для того, чтобы признать решение собрания сделкой необходимо полностью переработать теорию и нормативное регулирование сделок⁵¹. А.В. Габов также поддерживал идею о том, что решения собраний не являются сделками в силу особенностей правовых последствий решений: они могут порождать не только гражданские, но и трудовые правоотношения; более того, решения могут быть индивидуальными или локальными нормативными правовыми актами⁵². Позиции о решении собрания как юридическом факте *sui generis* придерживался также В.С. Ем⁵³.

До проведения реформы гражданского законодательства точку зрения о самостоятельной правовой природе решений собраний высказывали Павлодский Е.А.⁵⁴, Телюкина М.В.⁵⁵, Добровольский В.И.⁵⁶, Шапкина Г.С.⁵⁷ и другие авторы.

Следует отметить, что и в немецкой доктрине позиция о решении собрания как юридическом факте *sui generis*, не являющегося сделкой, также имеет место⁵⁸.

⁵⁰ Архипов Б.П. Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества // Законодательство. 2002. № 3. С.54

⁵¹ Ломакин Д.В. Общее собрание акционеров // Законодательство. 2005. № 2. С. 49; Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М., 2005. С. 157-158. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. С. 447, 150 – 152.

⁵² Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

⁵³ Ем В.С. Основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений // Гражданское право: Учебник. Т.1 / Под ред. Е.А.Суханова. М., 2004. С.432- 433.

⁵⁴ Павлодский Е.А. Правовое содержание решения общего собрания акционеров // Право и экономика. 2003. N 6. С. 88 - 89

⁵⁵ Телюкина М.В. Проблемы недействительности решений собраний акционеров // ЭЖ-Юрист. 2005. N 41.

⁵⁶ Добровольский В.И. Проблемы корпоративного права в арбитражной практике. М.: Волтерс Клувер, 2006, С. 91 - 93

⁵⁷ Шапкина Г.С. Применение акционерного законодательства. М.: Статут, 2009. С. 116 - 117

⁵⁸ Horowitz H. Das Recht der Generalversammlungen der Aktiengesellschaften und Kommanditgesellschaften auf Aktien. Berlin, 1913. S.71.

Реформирование российского гражданского законодательства не разрешило спор о правовой природе решения: существуют сторонники как сделочной⁵⁹, так и самостоятельной природы решений собраний⁶⁰.

В соответствии со статьей 153 Гражданского кодекса РФ под сделками понимаются действия лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Решения собраний согласно статье 181.1 ГК РФ должны быть связаны нормой права с определенными гражданско-правовыми последствиями.

Различное описание правовых последствий сделок и решений послужило для В.К. Андреева ключевым основанием, по которому указанные юридические факты следует разграничивать: гражданско-правовые последствия – более широкая категория, чем права и обязанности, порождаемые сделкой⁶¹.

И.А. Минникес и У.Б. Филатова не согласились с данной точкой зрения, полагая, что гражданско-правовые последствия тождественны субъективным правам и обязанностям⁶².

Представляется, что гражданско-правовые последствия, действительно, шире, чем возникающие, изменяемые или прекращаемые субъективные права и обязанности. Например, если будет принято решение об изменении устава или утверждении годового отчета и годовой бухгалтерской отчетности, вряд ли уместно говорить о возникновении прав и обязанностей кого-либо.

⁵⁹ Сделки, представительство, исковая давность. Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / Сост и отв. ред. А.В. Егоров – М: ИЦЧП им С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. Автор главы – К.И. Труханов. С.89; Дегтярева А. Поправки в ГК РФ: анализ изменений. Новеллы о решении собраний // Административное право. 2014. № 2. Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁰ Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3.; Филиппова О.С. Последствия заключения сделок, основанных на недействительных решениях собраний корпораций // Право и экономика. 2014. № 5. С. 44; Мосин В.А. Недействительность решений органов управления корпораций: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2018. С. 48 - 50; Кривушева С.С. Решения собраний как юридические факты в российском гражданском праве. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 40.; Ткач А.В. Решение собрания как юридический факт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

⁶¹ Андреев В.К. Создание хозяйственного общества // Предпринимательское право. 2017. № 4. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

⁶² Минникес И.А., Филатова У.Б. Решение собрания как юридический факт: анализ легального определения // Гражданское право. 2018. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

Понятие сделки, установленное в нормах гражданского законодательства, не совершенно. Если обратиться к теории, то следует упомянуть позиции, согласно которым сделка признается волевым действием, направленным на юридический (не материальный) результат⁶³, а также волевым действием, целью которого является возникновение гражданско-правовых последствий⁶⁴. При этом сделка должна являться таким юридическим действием, которое создает именно те гражданско-правовые последствия, на которые оно направлено⁶⁵. Такой взгляд на сделку представляется более обоснованным, но он не соответствует буквальному прочтению текущего гражданского законодательства, хотя в судебной практике сделки определяются более широко. В этой части указанная ранее позиция Д.В. Ломакина вполне обоснована: для признания решения собрания сделкой, действительно, необходимо пересмотреть текущее нормативное правовое регулирование. Правда, указания на то, что сделки должны быть направлены на создание гражданско-правовых последствий, а не субъективных прав и обязанностей, будет явно недостаточно. Это связано с другими особенностями решений собраний, отличными от последствий их принятия и целевой направленности.

В.В. Витрянский, исследуя особенности решений собраний, выделяет следующие: (1) для того, чтобы решение собрания получило юридическую силу, не требуется изъявление на это воли всех субъектов, имеющих право на участие в голосовании, (2) при принятии решения должна быть соблюдена процедура и (3) оформлен протокол⁶⁶. Представляется, что первая особенность является для решений собраний ключевой и отличительной от сделок. Принятие решения собрания не всегда требует полного согласования воли лиц, принимающих

⁶³ Склоцкий К.И. Сделка и ее действие (2-е изд.). Комментарий главы 9 ГК РФ (понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М.: Статут, 2015. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

⁶⁴ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Раздел 2, глава 8 – автор главы – В.С. Ем.

⁶⁵ Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву (серия «Научное наследие»). Т.2. М., 2002. С.343-347, 359, 360.

⁶⁶ Витрянский В.В. Новеллы о сделках и решениях собраний // Хозяйство и право. 2016. № 1 (Приложение). Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

решение. На эту позицию обращали внимание И.С. Шиткина, С.Ю. Филиппова и Д.В. Ломакин в указанных ранее работах.

Кстати, С.Ю. Филиппова в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук высказывает крайне интересную точку зрения, согласно которой решение собрания не является особой разновидностью юридического факта. Оно представляет собой «всего лишь способ формирования и выражения воли на совершение юридического акта в тех случаях, когда исходя из характера правоотношения требуется формирование и выражение коллективной воли, при этом законодатель не требует совпадающего волеизъявления». В этом случае решение собрания выступает в качестве юридической процедуры, при которой коллективная воля формируется путем совмещения воли большинства при игнорировании воли меньшинства⁶⁷.

Согласимся с тем, что решение собрания можно рассмотреть и в качестве юридической процедуры. Однако, на наш взгляд, такой процедурой, скорее, выступает собрание как юридический состав. При этом решение собрания как совокупности лиц всё же может рассматриваться в качестве юридического факта и сопоставляться со сделками.

Вопрос неполного согласования воли исследует также Р.С. Бевзенко. Соглашаясь с тем, что решение собрания не является сделкой, ученый задается следующим вопросом: если решение собрания принимается единогласно, то происходит полное согласование воли. Можно ли в данном случае говорить о том, что решение собрания является сделкой?⁶⁸ Полагаем, что исходя из точки зрения о решении собрания как юридическом факте *sui generis*, установление необходимости голосования «за» всеми участниками собрания характеризует лишь порядок принятия решения. Правовая природа решения собрания при этом остается неизменной, как, например, договор простого товарищества не перестает быть многосторонней сделкой при его заключении между двумя лицами.

⁶⁷ Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дисс. докт. юрид. наук. Москва, 2021. С. 207.

⁶⁸ Бевзенко Р.С. Теория юридических фактов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 367 - 368

Д.И. Степанов в своем исследовании правовой природы корпоративных актов приходит к выводу, что решение собрания является сделкой. Наличие возможности принятия решения в отсутствие полного согласования воли участников ученый считает не корректным аргументом в пользу самостоятельной природы решения⁶⁹.

На наш взгляд, решение собрания все же не является сделкой. Отличительной особенностью, позволяющей признать за решением правовой режим юридического факта *sui generis* является возможность принятия решения без полного согласования воли всех участников, имеющих право голоса по вопросам повестки дня. Однако ключевой причиной, по которой решение собрания и сделка являются различными юридическими фактами, является не столько сама возможность принятия без полного согласования воли, сколько общее правило, положенное в основу этого правового инструмента. Если иное не предусмотрено законом или иным правовым актом (когда это допустимо в силу закона), решение собрания принимается простым большинством голосов. Именно такое регулирование установлено в пункте 1 статьи 181.2 Гражданского кодекса РФ. То есть, по умолчанию, меньшинство участников собрания как совокупности лиц не влияет на принятие или непринятие решения. Именно это общее правило делает указанный юридический факт создающим потенциальную угрозу существенного ущемления прав участников гражданского оборота – при некорректном толковании норм права или правоприменении, а потому подлежащим особому правовому регулированию.

Более того, при правовом регулировании сделок изначально не ставятся задачи по обеспечению интересов меньшинства и по недопущению оспаривания в связи с незначительными нарушениями, в частности, несущественными нарушениями процедурного характера. Это также является причиной, по которой решения собраний и сделки должны быть разграничены.

Применительно к решениям собраний обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ принцип большинства также

⁶⁹ Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права, 2009, №1. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

законодательно установлен по умолчанию (пункт 8 статьи 37 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью, пункт 2 статьи 49 ФЗ об акционерных обществах). Аналогичная регламентация решений собраний хозяйственных обществ лишний раз подчеркивает не только потенциальную угрозу меньшинству лиц, имеющих право голосовать на собрании, но и потребность законодателя установить принцип большинства как базовое регулирование. Законодатель исходит из того, что объединения лиц (гражданско-правовые сообщества) не всегда способны достичь единогласия при решении вопросов, затрагивающих сферу их интересов. Однако невозможность решения соответствующих вопросов может негативно повлиять как на общие интересы членов гражданско-правового сообщества, так и на интересы третьих лиц. Одним из правовых средств, позволяющих обеспечить баланс интересов отдельных членов объединения, их общих интересов, а также интересов третьих лиц, является квалификация соответствующего гражданско-правового сообщества в качестве собрания при принятии решений. Поэтому самостоятельное регулирование решений собраний и выделение их в качестве юридического факта *sui generis* – это не только инструмент защиты меньшинства, но и средство разрешения конфликтов и тупиковых ситуаций.

Следует согласиться с мнением А.В. Пермякова: законодатель выбрал путь компромисса, разместив главу о решениях собраний рядом с главой о сделках, но все-таки отдельно от них⁷⁰. На наш взгляд, обособленное регулирование в данном случае подразумевает установление самостоятельного правового режима для решений собраний. В то же время нельзя утверждать, что позиция о невозможности отождествления сделок и решений собраний полностью укрепилась в российском праве. В этой связи представляется целесообразным проанализировать судебную практику по указанному вопросу, а также установить возможность применения к решениям собраний положений о сделках по аналогии. На этом основании может

⁷⁰ Пермяков А.В. Корпоративное управление: баланс между императивностью и диспозитивностью // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

быть предпринята попытка сформулировать определение решения собрания и общего собрания участников хозяйственного общества – в частности.

2.2. Применение норм о сделках к решению собрания в российском праве.

Можно выделить три возможных варианта разрешения проблемы применимости норм о сделках к решениям: (1) нормы о сделках напрямую применяются к решениям собраний, (2) нормы о сделках применяются к решениям собраний по аналогии и (3) нормы о сделках не применяются к решениям собраний.

Решение собрания является одним из ключевых юридических фактов при осуществлении деятельности корпораций и неправосубъектных организаций. Принятие решений на собрании опосредует одобрение условий и структуры крупных инвестиционных сделок, избрание лиц, замещающих должности в органах корпораций, и выражение воли совокупности лиц по иным существенным вопросам. По этой причине нельзя допускать ситуации, при которой регулирование решений собраний находится в состоянии правовой неопределенности.

Для наглядной иллюстрации особой актуальности проблематики можно привести следующий пример. В российском праве исполнение ряда обязанностей по гражданско-правовому договору невозможно, поскольку они зависят от принятия решения общим собранием участников корпорации или советом директоров. К таким обязанностям по договору может быть отнесено, например, распределение дивидендов по итогам определенного периода (при наличии чистой прибыли), реорганизация или ликвидация корпорации и т.д. Невозможность исполнения обязанностей (и обязательства в натуре) обусловлено тем, что в российском праве отсутствует волезамещающее решение суда⁷¹. У кредитора нет возможности понудить корпорацию-должника осуществить принятие решения общего собрания или совета директоров, так как суды «не могут подменять

⁷¹ Молотников А., Янковский Р. Конвертируемый заем и перспективы его имплементации в российскую правовую систему // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. А.Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015. Вып. IV. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

юрисдикцию органа общества»⁷². В итоге, участники корпорации-должника могут безнаказанно злоупотреблять своими правами, не принимая соответствующее решение. Одним из вариантов разрешения данной проблемы является принятие решения под отлагательным условием (в том числе зависящим от воли кредитора). Такое решение принимается заранее, но вступление его в юридическую силу ставится в зависимость от ряда обстоятельств, например, истечения определенного срока и направления кредитором уведомления в адрес корпорации. Кстати, именно такой механизм был внедрен законодателем при создании гарантий исполнимости сделок конвертируемого займа в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах (статья 19.1 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью; статья 32.3 ФЗ об акционерных обществах).

Однако для того, чтобы принять решение под отлагательным условием для случаев, не связанных с конвертируемым займом, нужно, как минимум, признать возможность применения к решениям собраний норм об отлагательных условиях сделок или признать, что решения собраний являются сделками, поскольку для решений собраний соответствующее регулирование отсутствует.

Д.В. Новак полагает, что в данном случае возможно применение норм по аналогии, в законе отсутствуют препятствия для этого⁷³. Этой же точки зрения придерживается и А.Г. Карапетов⁷⁴.

Проблема применения норм о сделках к решениям касается не только отлагательных и отменительных условий, но также и положений о недействительности сделок.

В судебной практике до реформы (введения главы Гражданского кодекса РФ о решениях собраний) господствовала точка зрения о полной обособленности решений собраний: суды отказывались признавать решения сделками и применять

⁷² Определение Верховного Суда РФ от 02.07.2015 № 308-ЭС15-7730 по делу № А32-36033/2014; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.10.2016 № Ф08-7341/2016 по делу № А53-30867/2015.

⁷³ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Автор комментариев к статьям 181.1-181.5 – Д.В. Новак. М.: М-Логос, 2018. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

⁷⁴ Карапетов А.Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. ст. 157 и 327.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С.82.

к ним соответствующее правовое регулирование, ограничиваясь нормами специальных законов⁷⁵.

В судебной практике после реформы изначально была воспринята позиция, согласно которой также поддерживалась самостоятельность решения собрания и невозможность прямого применения норм о сделках⁷⁶. Однако в 2020 году было принято Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делу «Яна Тормыш»⁷⁷.

В указанном деле истец обратился, в частности, с требованием о признании недействительным положения устава общества с ограниченной ответственностью, устанавливающего преимущественное право покупки участниками общества доли в уставном капитале по номинальной стоимости. При этом для отчуждения доли другим участникам необходимо было получить согласие самого общества или участников.

Таким образом, истец утратил фактическую возможность произвести отчуждение доли в уставном капитале по справедливой цене и возможность покинуть корпорацию.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ признала решение собрания, утвердившее редакцию устава с бессрочным ограничением выхода участника без возможности возврата своих инвестиций, ничтожной сделкой, противоречащей существу законодательного регулирования и являющейся

⁷⁵ Определение ВАС РФ от 28.10.2008 № 13377/08 по делу № А40-23720/07-132-229; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2013 по делу № А41-33404/12; Постановления ФАС Поволжского округа от 13.04.2010 по делу № А12-16026/2009; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 14.04.2008 по делу № А66-168/2007; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 15.06.2007 по делу № А17-2125/1-2006; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.12.2006 по делу № А56-41849/2005; Постановление ФАС Центрального округа от 06.12.2005 № А48-1200/05-9; Постановление ФАС Уральского округа от 25.10.2005 № Ф09-3355/05-С5 по делу № А60-16747/03; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 23.10.2003 по делу № Ф04/5420-945/А75-2003; Постановление ФАС Центрального округа от 28.02.2003 по делу № А14-8255/02/272/19.

⁷⁶ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.05.2017 № Ф01-1618/2017 по делу № А17-84/2016; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.08.2016 № Ф06-10312/2016 по делу № А57-24513/2015; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.03.2015 № Ф04-13279/2014 по делу № А46-8081/2014; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2018 № 09АП-44760/2018 по делу № А40-104140/17; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2016 № 09АП-10098/2016, 09АП-1197/2016 по делу № А40-79071/14; постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2018 № 10АП-1890/2018 по делу № А41-4370/13; постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 04.04.2017 № 10АП-12935/2016 по делу № А41-90998/15

⁷⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 по делу N А65-3053/2019

недействительной в соответствии с пунктом 2 статьи 168 Гражданского кодекса РФ.

Важно подчеркнуть, что в данном деле Судебная коллегия признала решение собрания «специальным видом сделок» и допустила не просто прямое применение норм о сделках, а применение норм о недействительности сделок при параллельном существовании оснований оспоримости и ничтожности для решений собраний, выделенных в рамках отдельной главы Гражданского кодекса РФ.

По мнению А.А. Кузнецова⁷⁸, Судебная коллегия в данном споре приняла решение, соответствующее сложившейся ранее судебной практике, в соответствии с которой, в частности, положения устава, противоречащие закону, не подлежат применению⁷⁹. По предположению ученого, в указанном деле Судебная коллегия решила уделить особое внимание догматическому обоснованию невозможности применения соответствующих положений устава.

На наш взгляд, позиция Судебной коллегии о признании решения собрания особой разновидностью сделок является категорически неприемлемой.

Во-первых, представляется, что кардинальный перелом ранее сложившейся и устоявшейся судебной практики требует хотя бы минимального обоснования. В определении достаточно большое внимание было уделено описанию существа законодательного регулирования применительно к бессрочному «закрытию» участника в обществе с ограниченной ответственностью. Однако объяснение причин, по которым решение собрания является специальной сделкой, отсутствует полностью.

Во-вторых, для решений собраний законодатель установил самостоятельный перечень оснований недействительности. Причем некоторые из них полностью дублируют те основания, которые влекут недействительность сделок. Например, противоречие основам правопорядка и нравственности является основанием

⁷⁸ Кузнецов А.А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 8. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

⁷⁹ Абз. 3 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 90, Пленума ВАС РФ N 14 от 09.12.1999 "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью"

ничтожности как сделок (статья 169 ГК РФ), так и решений собраний (пункт 4 статьи 181.5 ГК РФ). Из этого следует, на наш взгляд, абсолютно однозначная невозможность прямого применения норм об основаниях недействительности сделок к решениям собраний.

В-третьих, Судебная коллегия имела возможность установить ничтожность решения собрания по причине отсутствия нотариального удостоверения факта принятия решения и состава участников. По этой причине можно было констатировать отсутствие большинства голосов, необходимого для принятия решения (пункт 6 статьи 43 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью). Таким образом, обращение к нормам о ничтожности сделок не являлось необходимым.

Категорически, на наш взгляд, нельзя согласиться с мнением И.С. Чупрунова о том, что определение Судебной коллегии ВС РФ по указанному делу должно оставить споры о сделочной природе решения собрания в прошлом, поскольку высшей инстанцией дан четкий сигнал о возможности применения к решениям собраний норм о сделках⁸⁰. В данном случае мы, скорее, имеем дело с далеко не самой удачной попыткой обоснования принятия соответствующего судебного постановления, а не прорывом в развитии российского частного права. Определение Судебной коллегии, напротив, ставит правоприменителя и участников имущественного оборота в неопределенное положение, учитывая ранее сложившуюся судебную практику, что является абсолютно недопустимым.

Как ранее нами было отмечено, решение собрания является самостоятельным юридическим фактом в силу действия принципа большинства как правила по умолчанию. Последствия, порождаемые решением собрания – это крайне деликатная сфера регулирования, поскольку интересы лиц, представляющих меньшинство, могут быть ущемлены без их волеизъявления. В этой связи решения

⁸⁰ Чупрунов И.С. Начало "новой жизни" в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 8. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

собрания требуют особой правовой регламентации, а прямое применение к ним норм о сделках недопустимо.

Правда, это еще не позволяет поставить точку в разрешении вопроса о применении к решениям собраний норм о сделках по аналогии. В соответствии со статьей 6 Гражданского кодекса РФ в случаях, когда отношения прямо не урегулированы нормами права, если это не противоречит их существу, применяются нормы, регулирующие сходные отношения (аналогия закона).

Исследование возможности применения норм по аналогии следует начать с анализа двух крайне интересных позиций Верховного Суда РФ, изложенных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 года №25⁸¹.

Во-первых, согласно пункту 110 Постановления решение собрания может быть признано недействительным в части, если оно «могло бы быть принято и без включения в него недействительной части (пункт 1 статьи 6, статья 180 ГК РФ, пункт 2 статьи 181.2 ГК РФ)». Сто восьмидесятая статья Гражданского кодекса РФ регулирует последствия недействительности части сделки, а пункт один статьи шесть – аналогию закона.

Во-вторых, в соответствии с пунктом 107 Постановления решения очных собраний, не удостоверенные нотариусом или регистратором (в случае, когда необходимость удостоверения предусмотрена законом), ничтожны «применительно к пункту 3 статьи 163 ГК РФ» (нотариальное удостоверение сделки).

Интерес данные позиции представляют не столько по своему содержанию, сколько по применимым нормам. В первой позиции Верховный Суд РФ прямо допускает применение норм о недействительности решения собрания в части по аналогии (закона) с нормами о сделках.

Вторая позиция содержит весьма сомнительные формулировки. Верховный Суд РФ, разъясняя вопрос о ничтожности неустверенного решения, ссылается на нормы о сделках без отсылки к положениям Гражданского кодекса РФ об

⁸¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации".

аналогии закона. Вероятно, при составлении проекта Постановления Пленума №25 на это упущение не было обращено внимание. Но ведь решение, не удостоверенное нотариусом, может быть ничтожно не в силу того, что так указано в положениях о сделках, а в силу того, что состав участников не подтвержден надлежащим образом. То есть нельзя утверждать о наличии кворума на собрании или наличии необходимого большинства, если не применен императивно установленный законодателем способ подтверждения числа лиц, присутствующих на момент принятия решения. Отсутствие кворума или отсутствие необходимого большинства голосов являются самостоятельными основаниями ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ, которые далее будут рассмотрены более подробно. По этой причине прямое применение норм о сделках к решениям собрания в данном случае не только противоправно, но и неуместно, как и в случае с делом «Яна Тормыш». Представляется целесообразным привести мнение А.А. Кузнецова о том, что список оснований ничтожности решений собраний является закрытым (*numerus clausus*), то есть не подлежит расширительному толкованию⁸².

При такой ситуации, когда даже на уровне Верховного Суда РФ нет последовательной позиции и детализации случаев применения положений о сделках по аналогии, не стоит ожидать, что участники имущественного оборота будут использовать инструменты решений собраний максимально эффективно, поскольку опасаются рисков признания решений недействительными. Сама по себе необходимость применения нормы по аналогии является аномальной и крайне нежелательной для развития оборота, хотя и допустимой при отсутствии прямого запрета.

На наш взгляд, аналогию закона при применении норм о сделках к решениям собраний в целом – исключать нельзя. Однако в каждом конкретном случае судьям необходимо осуществлять поиск баланса интересов, а именно – устанавливать, насколько существенно применение положения о сделках может ущемлять

⁸² Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020.

интересы лиц, для которых решение собрания порождает определенные правовые последствия. Представляется, например, что применение оснований недействительности оспоримых или ничтожных сделок к решениям собраний по аналогии категорически неприемлемо, поскольку законодателем установлен обособленный перечень оснований недействительности для решений, что не подразумевает возможность обращения к аналогии.

На основании исследования доктрины и практики правоприменения может быть предпринята попытка сформулировать определение термина «решение собрания», а далее – «решения общего собрания участников хозяйственного общества».

По нашему мнению, под решением собрания необходимо понимать акт коллективного волеизъявления (акт собрания), порождающий правовые последствия и, если в законе или уставе не установлено иное, не требующий достижения единогласия лиц, уполномоченных на голосование. Именно применение принципа большинства в качестве правила по умолчанию отличает такие юридические факты, как решение собрания и сделка. Сделка по умолчанию требует единогласного волеизъявления её сторон.

Указанное определение дано с учетом понимания собрания как установленной законом совокупности лиц, имеющих право голосовать при принятии решений по вопросам, включенным в компетенцию. Как ранее было отмечено, общее собрание участников хозяйственного общества осложнено элементом трансформации воли, то есть преобразования воли участников хозяйственного общества в волю самого хозяйственного общества. При этом участники хозяйственного общества при принятии решений образуют собрание как совокупность лиц (гражданско-правовое сообщество).

По этой причине решение общего собрания участников хозяйственного общества представляет собой акт коллективного волеизъявления группы участников хозяйственного общества, порождающий определенные гражданско-правовые последствия и, по умолчанию, не требующий полного согласования воли лиц, уполномоченных на голосование, по результатам которого происходит

трансформация воли участников хозяйственного общества в волю самого хозяйственного общества.

В определении решения собрания была подчеркнута направленность на определенные правовые последствия, без которых любой юридический факт не имеет никакой ценности. В этой связи представляется целесообразным дальнейший анализ решений собраний и решений общих собраний участников хозяйственных обществ, в частности, продолжить именно с исследования гражданско-правовых последствий указанных актов коллективного волеизъявления.

§3. Правовые последствия решения общего собрания участников хозяйственных обществ

3.1. Общая характеристика гражданско-правовых последствий решения общего собрания участников хозяйственных обществ

Определение гражданско-правовых последствий решения собрания возможно при ответе на два ключевых вопроса. Во-первых, какой правовой эффект порождает решение собрания? Во-вторых, на кого направлен этот правовой эффект (иначе говоря – для кого решение собрания является обязательным)?

В настоящем разделе мы будем, в первую очередь, акцентировать внимание на гражданско-правовых последствиях решения общего собрания участников хозяйственных обществ в отличие от исследований, осуществленных в предыдущих разделах. Однако суждения и выводы, сделанные далее, могут быть экстраполированы на решения собраний в целом.

3.2. Правовой эффект решения общего собрания участников хозяйственного общества

Представляется, что правовой эффект решения определяется и ограничен компетенцией собрания. Решения, принятые за рамками компетенции собрания, не будут порождать правового эффекта. Указанное правило применимо не только к общим собраниям хозяйственных обществ, но и к любым другим собраниям. Именно поэтому решения, принятые по вопросам, не относящимся к компетенции собрания, признаются ничтожными, то есть не порождают правовых последствий независимо от наличия судебного постановления (пункт 4 статьи 181.5 Гражданского кодекса РФ).

Таким образом, для определения правового эффекта, порождаемого решением, необходимо установить компетенцию собрания.

Как было отмечено ранее, под компетенцией понимается круг вопросов, по которым собрание уполномочено принимать решения⁸³. При этом важно учитывать следующее. Вопрос, входящий в компетенцию собрания, практически всегда сформулирован более абстрактно, чем принимаемое решение. Если в компетенцию общего собрания хозяйственного общества входит, в частности, «образование исполнительных органов общества», то в протоколе общего собрания будет использована, например, формулировка «избрать Иванова Ивана Ивановича Генеральным директором Общества». Решение собрания порождает именно те правовые последствия, которые детализированы в конкретном протоколе. Это означает, что участникам собрания в пределах его компетенции предоставлена некоторая свобода усмотрения в формулировании объема правового эффекта решения.

В результате анализа действующего российского законодательства о хозяйственных обществах можно выделить две модели установления компетенции: императивную и диспозитивную.

В публичных акционерных обществах используется императивная модель. Общее собрание акционеров ПАО может принимать решения только по тем вопросам, которые отнесены к компетенции собрания в силу прямого указания закона (пункт 3 статьи 48 ФЗ об акционерных обществах). Компетенция общего собрания акционеров ПАО в рамках императивной модели зависит и от содержания устава, но лишь в тех случаях, которые также определены в силу прямого указания закона. Например, образование исполнительного органа уставом может быть отнесено к компетенции совета директоров, а не общего собрания акционеров (подпункт 8 пункта 1 статьи 48 ФЗ об акционерных обществах).

В непубличных акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью, напротив, используется диспозитивная модель. Компетенция общих собраний участников указанных корпораций может быть установлена как в законе, так и в уставе (пункт 4 статьи 48 ФЗ об акционерных обществах, подпункт

⁸³ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. (глава XII, автор главы – И.С. Шиткина). Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

13 пункта 2 статьи 33 Федерального закона об обществах с ограниченной ответственностью).

В рамках диспозитивной модели расширение компетенции общего собрания в уставе не подразумевает обязательное упоминание в законодательстве конкретных (новых) вопросов, по которым принимаются решения (в отличие от императивной модели). Однако сама по себе диспозитивная модель установления компетенции может применяться лишь в случае прямого указания в законе. Это обусловлено, во-первых, высоким риском необоснованного ущемления интересов меньшинства решением, принятым собранием. Во-вторых, императивная модель закреплена законодателем в качестве общего правила. Ведь именно закон (по умолчанию) определяет те правовые последствия, которые возникают в результате принятия собранием решения (пункт 2 статьи 181.1 Гражданского кодекса РФ).

Как можно заметить, российское законодательство о хозяйственных обществах допускает, как минимум, два случая диспозитивности при установлении правовых последствий, порождаемых решением общего собрания участников хозяйственных обществ: во-первых, возможность определения формулировок в протоколе при общем недопущении выхода за пределы компетенции (во всех хозяйственных обществах) и, во-вторых, возможность расширения компетенции общего собрания участников (в непубличных акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью)⁸⁴.

Очевидно, что любая диспозитивность не может быть безграничной. Даже свобода договора, наиболее известный принцип проявления диспозитивного регулирования в гражданском праве, имеет определенные пределы. В 2014 году Высший Арбитражный Суд РФ установил так называемый пятиступенчатый тест свободы договора⁸⁵: в тех случаях, когда норма права не содержит прямо выраженный императивный запрет, свобода договора не действует, если исходя из

⁸⁴ К случаю проявления диспозитивности можно также отнести возможность перераспределения в уставе компетенции от общего собрания к совету директоров даже в публичных акционерных обществах (альтернативная компетенция), однако варианты выбора для ПАО прямо поименованы в законе (например, исполнительный орган формируется либо общим собранием, либо советом директоров, если это отнесено к его компетенции уставом).

⁸⁵ Пункт 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах"

целей законодательного регулирования это необходимо для (1) защиты интересов слабой стороны, (2) третьих лиц или (3) публичных интересов, (4) недопущения грубого нарушения баланса интересов, либо если (5) императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования. Конечно, указанные положения небесспорны и, безусловно, являются результатом судебного правотворчества. Однако их выработка – яркий показатель того, что диспозитивность должна иметь границы, и мы с такой позицией согласны.

Корпоративное право остается и будет оставаться оплотом обеспечения защиты интересов различных лиц: самой корпорации; учредителей и участников; лиц, осуществляющих функции органов управления и контроля и др. Необходимость разнонаправленной защиты особенно подчеркивает актуальность установления границ диспозитивности. В частности, это касается правового эффекта решения собрания, если участникам предоставлена свобода усмотрения в определении формулировки решения или расширении компетенции общего собрания в уставе.

При установлении границ диспозитивности участники хозяйственного общества, прежде всего, должны иметь в виду действующие основания недействительности решения собрания (в том числе – недопустимость противоречия решения основам правопорядка и нравственности). Условия, при которых решение собрания может быть признано недействительным, однозначно ограничивают возможную диспозитивность.

Если основания недействительности решений собраний являются достаточно очевидным пределом свободы усмотрения участников корпорации, то больший интерес представляет следующий вопрос. Имеют ли место в определении правового эффекта решения собрания ограничения диспозитивности, аналогичные пятиступенчатому тесту свободы договора, рассмотренному выше? Можно ли утверждать, что участники хозяйственного общества при формулировании решения общего собрания в протоколе или при расширении компетенции собрания в уставе должны учитывать цели законодательного регулирования и подразумеваемую императивность?

Представляется, что адаптация пятиступенчатого теста свободы договора, выработанного Высшим Арбитражным Судом РФ, в данном случае невозможна, по крайней мере, потому, что договор и решение собрания – различные по своей природе правовые инструменты. Однако в рамках пятиступенчатого теста используется категория «существа отношений» (пятая ступень) и ее применение может быть обосновано для решений собраний.

Законодатель устанавливает, что решение собрания обладает правовым эффектом не только для лиц, поименованных в законе, но и для лиц, возможность создания правовых последствий для которых вытекает из существа отношений (пункт 2 статьи 181.1 Гражданского кодекса РФ). Подробнее круг таких субъектов будет исследован далее, однако применительно к указанному положению законодательства целесообразно допустить расширительное толкование. Из существа отношений может вытекать не только то, что решение собрания порождает правовые последствия для определенных лиц, но и то, что решение собрания такие последствия для ряда лиц не порождает. Исходя из буквального толкования закона «существо отношений» применяется лишь для определения круга лиц, для которых решение собрания **обязательно**, а исходя из расширительного – также для определения круга лиц, для которых решение собрания **не обязательно (выделено мной – А.Т.)**. При расширительном толковании анализ «существа отношений» выступит в качестве теста диспозитивности применительно к определению правовых последствий, порождаемых решением собрания.

Чтобы проиллюстрировать актуальность расширительного толкования можно привести два примера.

Первый пример – участники общего собрания публичного акционерного общества принимают решение о назначении в качестве лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, Иванова И.И., не дававшего на это согласия и не имеющего ни малейшего представления о данном публичном акционерном обществе (например, акционеры руководствуются преступным умыслом). В этом случае – компетенция общего собрания акционеров формально

не нарушена. Однако формулировка в протоколе, очевидно, недопустимая, ведь с Ивановым И.И. предварительно не было достигнуто соответствующей договоренности. Отношений, при которых решение собрания будет для него обязательным, не сложилось, то есть существо имеющихся отношений не позволяет сделать вывод о возможности возникновения правового эффекта для конкретного лица.

Второй пример – в уставе общества с ограниченной ответственностью закреплена возможность общего собрания участников принимать решения об установлении минимальных нормативов поставок продукции для контрагентов по гражданско-правовым договорам. Если для лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, такие решения могут быть обязательными, то для самих контрагентов – едва ли (если только обязательность решений общего собрания напрямую не закрепляется в договорах поставки). Это обусловлено тем, что существо корпоративно-правовых отношений, порождаемых решением собрания, само по себе не позволяет создавать или изменять обязательственные отношения между корпорацией и третьими лицами. Общее собрание хозяйственного общества – волеобразующий, но не волеизъявляющий (за редким исключением) орган. Как и в приведенном выше примере, диспозитивность в установлении компетенции общего собрания непубличных корпораций ограничена не в силу прямого законодательного запрета, а в силу невозможности создания правовых ограничений и обременений для определенных лиц.

Именно конструкция существа отношений в пункте 2 статьи 181.1 действующей редакции Гражданского кодекса РФ и её расширительное толкование позволяют задать, как представляется, справедливые границы диспозитивности.

Следует согласиться с мнением С.Ю. Филипповой, согласно которому категория «существа отношений» («существа законодательного регулирования») призвана обеспечить вмененный интерес участников экономического оборота. Применительно к невозможности возникновения определенных правовых последствий существо отношений выступает в качестве инструмента не создания, а, напротив, ограничения правового эффекта, таким образом позволяя защитить

вмененный интерес тех, для кого решение собрания не может являться обязательным. Именно поэтому расширительное толкование существа отношений в данном случае представляется допустимым⁸⁶.

Российскую практику судебных споров по вопросу решений собраний еще нельзя признать достаточно масштабной, как, например, практику договорных споров. В настоящей работе нами, скорее, выражается предложение: учитывать существо отношений не только в целях установления возможности возникновения правового эффекта решения собрания для определенного круга лиц, но и для установления невозможности такого возникновения. И, в частности, предлагается применять конструкцию существа отношений при фиксации границ предоставляемой законодателем диспозитивности (как при формулировании решения общего собрания в повестке дня и протоколе, так и при расширении компетенции общих собраний непубличных хозяйственных обществ).

3.3. Лица, для которых решения общего собрания участников хозяйственного общества являются обязательными

Как было отмечено ранее, для определения гражданско-правовых последствий решения собрания необходимо установить не только содержание создаваемого им правового эффекта, но и круг лиц, для которых решение является обязательным.

В соответствии с пунктом 2 статьи 181.1 Гражданского кодекса РФ решение собрания порождает правовые последствия для трех категорий субъектов: (1) для лиц, имеющих право участвовать в собрании, (2) лиц, указанных в законе, и (3) лиц, создание правовых последствий для которых вытекает из существа отношений.

Представляется, что под участием в первом случае следует понимать не столько право присутствия на собрании, сколько право голосования за принятие тех или иных решений. Уставом и внутренними документами хозяйственного общества, например, может быть установлено право любого лица посещать

⁸⁶ Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дисс. докт. юрид. наук. Москва, 2021. С. 190.

заседания общего собрания корпорации. Едва ли решения, принимаемые таким открытым и прозрачным собранием, будут обязательны для любого субъекта, не имеющего отношения к корпорации, но обладающего правом присутствия.

На первый взгляд, может показаться, что узкое толкование «участия» не учитывает необходимость создания правовых последствий для членов корпорации, не обладающих правами голоса. Такими субъектами могут, в частности, являться владельцы привилегированных акций. Однако не стоит забывать про наличие двух других категорий лиц, для которых решение собрания является обязательным: лиц, указанных в законе, и лиц, создание правовых последствий для которых вытекает из существа отношений. Члены корпорации, не обладающие правами голоса, относятся к одной из двух указанных категорий (в зависимости от ситуации).

Яркий пример создания правовых последствий решения собрания для лиц, указанных в законе – это выплата дивидендов в акционерном обществе. Правом на выплату дивидендов обладают не акционеры, принимающие решение собрания, а лица, обладающие акциями определенной категории (типа) на фиксированную дату (пункт 7 статьи 42 ФЗ об акционерных обществах).

Под указанием в законе субъектов, для которых решение собрания является обязательным, понимается прямое упоминание таких лиц или описание порядка их определения в федеральном законе.

Порождение правовых последствий решения собрания для конкретных лиц в силу существа отношений является наиболее неопределенной, но в то же время – необходимой правовой конструкцией.

«Существо отношений» не позволяет заранее установить перечень субъектов, что вызывает необходимость индивидуального исследования каждого случая принятия собранием решения. Тем не менее следует иметь в виду наличие ранее упомянутых ограничений, которые могут сдерживать потенциальные злоупотребления участников собрания. Во-первых, любое собрание не вправе выйти за рамки своей компетенции. Во-вторых, законодатель установил основания оспоримости и ничтожности решения собрания.

Сложность современного экономического оборота делает практически нереализуемой задачу фиксации всех лиц, для которых решение собрания будет являться обязательным. Особенно это касается решений общих собраний и советов директоров коммерческих корпораций. Поэтому конструкция существа отношений позволяет исключить ситуацию упущения со стороны законодателя и умаления компетенции собрания. Кроме того, по нашему мнению, указанному ранее, существо отношений позволяет устанавливать границы диспозитивности участников собрания при формулировании конкретных решений (протоколов) и расширении компетенции собрания в уставах непубличных хозяйственных обществах. То есть указанная конструкция может рассматриваться не только как почва для злоупотреблений, но и как инструмент защиты от них.

Для того, чтобы придать дальнейшему исследованию наглядность и практическую значимость, представляется целесообразным проанализировать обязательность решений общего собрания участников хозяйственного общества для конкретных субъектов, а именно – для лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа; членов иных органов управления корпорацией и контроля за ее деятельностью; самой корпорации; участников, не обладающих правами членства на момент принятия решения; работников по трудовому договору и контрагентов по гражданско-правовому договору.

Российское законодательство не содержит прямой оговорки об обязательности решений общих собраний участников хозяйственного общества для единоличного исполнительного органа, а также для иных органов управления и контроля. Следует согласиться с мнением С.Ю. Филипповой о том, что оговорка законодателя об общем собрании как высшем органе управления подчеркивает лишь значимость вопросов, отнесенных к его компетенции, а не наличие какой-либо иерархии между органами⁸⁷. Каждый из органов корпоративного управления или контроля обладает собственной компетенцией и не находится в подчинении у другого органа, хотя законодательством о хозяйственных обществах установлена

⁸⁷ Филиппова С.Ю. Корпоративный конфликт: возможности правового воздействия. М., 2009. С. 72.

подотчетность единоличного исполнительного органа общему собранию или совету директоров (пункт 4 статьи 32 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью, пункт 1 статьи 69 ФЗ об акционерных обществах).

Несмотря на отсутствие иерархии между органами хозяйственного общества, разумным представляется констатировать обязательность решений общего собрания участников для лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа – **по общему правилу (выделено мной – А.Т.)**. Такая обязательность обусловлена существом отношений, складывающихся в корпорации. Как волеизъявление общего собрания, так и волеизъявление лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа корпорации, трансформируются в волеизъявление самой корпорации. Поэтому, если общее собрание участников хозяйственного общества принимает решение в рамках своей компетенции, то такое решение, будучи актом волеизъявления самой корпорации, предполагается обязательным для единоличного исполнительного органа этой корпорации в силу существа сложившихся отношений.

При этом законодатель установил для единоличного исполнительного органа обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица (пункт 3 статьи 53 Гражданского кодекса РФ). Представляется, что указанная обязанность единоличного исполнительного должна иметь приоритет над обязательностью решений общего собрания в силу существа отношений. Данная позиция поддерживается в современной судебной практике⁸⁸. Однако также представляется, что в ряде случаев следование единоличного исполнительного органа решению общего собрания участников само по себе является признаком добросовестности и разумности его действий. В этих случаях могут учитываться

⁸⁸ «...лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества, поскольку наличие указаний общего собрания акционеров не освобождает такое лицо от обязанности действовать добросовестно и разумно. При этом единоличный исполнительный орган не может ссылаться на то, что он действовал во исполнение решения общего собрания, поскольку оценка в ходе управления обществом насколько те или иные действия выгодны для общества и не причинят ли они вреда, составляет часть его обязанностей» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 N 305-ЭС19-8975 по делу N А40-5992/2018).

история внутригрупповых отношений, внутригрупповой интерес, источник инициативы в заключении сделок и другие обстоятельства⁸⁹.

Если, к примеру, в хозяйственном обществе установлена система бюджетирования, а годовые бюджеты утверждаются общим собранием участников, то лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, обязано действовать в рамках указанного бюджета. Однако в случае возникновения кризисной или непредвиденной ситуации от директора может потребоваться осуществление расходов, значительно выходящих за рамки бюджета, но соответствующих минимальному стандарту добросовестного и разумного поведения в интересах корпорации (то есть непринятие указанных расходов будет либо недобросовестным, либо неразумным). В этом случае лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, должно соблюдать прямо установленные в законодательстве обязанности, которые повлекут невозможность применения конструкции существа отношений, действующей в качестве общей презумпции. Если, например, кризисная или непредвиденная ситуация отсутствует, то, напротив, решение общего собрания, утвердившее годовой бюджет, исходя из существа отношений (пункт 2 статьи 181.1 ГК РФ), будет являться обязательным для единоличного исполнительного органа. Прямое следование бюджету также должно быть признано добросовестным и разумным поведением, поэтому противоречия между существом отношений, с одной стороны, и добросовестностью/разумностью, с другой, - не возникает.

Аналогичное правило должно быть применимо к иным лицам, осуществляющим функции членов органов управления или контроля корпорации. Например, члены совета директоров обязаны учитывать утвержденный общим собранием годовой бюджет при принятии решения о согласовании совершения крупной сделки. Однако если совершение указанной сделки с высокой степенью вероятности должно привести к улучшению экономических показателей

⁸⁹ Позиция подтверждена Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2021 по делу N А40-5992/2018 (указанное Постановление вынесено после направления Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ дела А40-5992/2018 на новое рассмотрение).

корпорации, то выход за пределы бюджета может быть проигнорирован членом совета директоров, действующим добросовестно и разумно в интересах хозяйственного общества. При этом важно учитывать, что отказ от согласования совершения крупной сделки в этом случае обязательно должен соответствовать либо критерию недобросовестного, либо критерию неразумного поведения. Если отказ не будет соответствовать хотя бы одному критерию, то член совета директоров обязан действовать в рамках бюджета, поскольку отказ не приведет к нарушению прямо установленной в законе обязанности, а значит, будет применяться конструкция существа отношений, что повлечет установление приоритета исполнения бюджета над потенциально выгодным проектом для корпорации. В этом случае совет директоров может инициировать созыв внеочередное общее собрание для корректировки годового бюджета.

Обязательность решения общего собрания участников для хозяйственного общества также обусловлена существом возникающих отношений.

Участники конкретного общего собрания при принятии решения образуют собрание как совокупность лиц. Если собрание правомочно, а голосование по вопросам повестки дня осуществлялось в рамках компетенции, то решение собрания как совокупности лиц в момент принятия становится решением общего собрания корпорации как органа и, как следствие, актом самой корпорации. В этой ситуации происходит трансформация коллективной воли участников в волю юридического лица, поэтому любое решение общего собрания участников порождает гражданско-правовые последствия для хозяйственного общества.

Примером обязательности решения общего собрания участников хозяйственного общества для корпорации является выплата объявленных дивидендов (пункт 1 статьи 42 ФЗ об акционерных обществах). Обязанность по выплате возникает именно у корпорации.

При установлении обязательности решения общего собрания для участников, которые не обладали правами членства на момент принятия решения, сложно однозначно определить существо складывающихся отношений. С одной стороны, участник, приобретающий акции (долю в корпорации), должен проанализировать

все исторические риски, связанные с объектом покупки, а при отсутствии достаточного доступа к информации – рассчитывать на заверения об обстоятельствах от продавца в целях возможного расторжения договора купли-продажи или взыскания убытков. С другой стороны, участники корпорации могут, действуя недобросовестно, создать ряд скрытых обременений для покупателя акций или доли в обществе с ограниченной ответственностью.

Представляется, что, по общему правилу, ранее принятые решения общего собрания участников хозяйственного общества прежнего состава должны быть обязательны для новых членов корпорации. Это, в очередной раз, обусловлено трансформацией воли. Решение общего собрания – это не только результат волеизъявления членов корпорации как совокупности лиц, но и, в конечном итоге, волеизъявление самого общества, в котором новый участник приобретает права членства. Если из существа отношений не вытекала бы обязательность решений собраний для покупателей акций или долей в уставном капитале, то такие покупатели имели бы возможность игнорировать ранее принятые общим собранием внутренние документы, назначения определенных кандидатов на должности членов органов корпоративного управления (совета директоров или правления, например), а также иные факты жизни корпорации, которые обусловлены принятием решений общим собранием. Риск незнания и отсутствия должного информирования о принятии соответствующих решений со стороны продавца следует возлагать именно на покупателя, поскольку сложившиеся в корпорации правоотношения являются частью приобретаемого бизнеса.

Однако во избежание намеренного и недобросовестного создания правовых ограничений для приобретателя акций или доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью новому участнику также следует предоставить возможность ссылаться на пункт 2 статьи 10 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которым «суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично».

Рассуждая об обязательности решений общих собраний участников хозяйственного общества для сотрудников корпорации, следует признать, что правоотношения, порождаемые решением, по общему правилу, являются корпоративными, а не трудовыми, поскольку компетенция общего собрания устанавливается гражданским (корпоративным) законодательством.

В этой связи решение общего собрания может порождать правовые последствия для сотрудника лишь в случае прямого указания в законе. Например, работник обязан соблюдать такой локальный нормативный правовой акт, как правила внутреннего трудового распорядка (статья 189 Трудового кодекса РФ), которые могут быть утверждены общим собранием в качестве внутреннего документа, регулирующего деятельность общества (подпункт 19 пункта 1 статьи 48 ФЗ об акционерных обществах; подпункт 8 пункта 2 статьи 33 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью).

Вопрос создания правовых последствий решением общего собрания для контрагентов был частично затронут ранее. Существо корпоративно-правовых отношений, порождаемых решением собрания, само по себе не позволяет создавать или изменять обязательственные отношения между корпорацией и третьими лицами. То есть в качестве общего правила следует признать невозможность порождения правовых последствий решения общего собрания хозяйственного общества для контрагентов по гражданско-правовым договорам.

Однако законодательством предусмотрен ряд случаев, когда решение общего собрания может порождать определенные правовые последствия для контрагентов.

Например, статьей 173.1 Гражданского кодекса РФ установлена возможность признания недействительной сделки, совершенной в отсутствие согласия органа юридического лица, если другая сторона сделки знала или должна была знать о необходимости получения такого согласия. Таким органом юридического лица может являться общее собрание, в частности, при одобрении крупных сделок, цена которых превышает более 50% от балансовой стоимости активов (пункт 3 статьи 79 ФЗ об акционерных обществах). В этом случае нельзя утверждать, что согласие

общего собрания в виде решения не порождает правового эффекта для контрагента по гражданско-правовому договору, который знал о получении согласия.

Также законодатель в пункте 2 статьи 51 Гражданского кодекса РФ устанавливает опровержимую презумпцию достоверности данных, содержащихся в ЕГРЮЛ, для третьих лиц. Если, к примеру, контрагент осведомлен о назначении общим собранием участников нового директора, информация о котором еще не внесена в ЕГРЮЛ, то контрагент не вправе недобросовестно ссылаться на необходимость подписания договора прежним директором. В этой связи также можно констатировать возникновение правового эффекта решения общего собрания для контрагента в силу закона.

Итак, правовой эффект решения собрания определяется компетенцией самого собрания. По общему правилу, компетенция общего собрания хозяйственного общества установлена в законе. Однако в ряде случаев допускается диспозитивное регулирование: в формулировании конкретного решения (без выхода за пределы компетенции) и в расширении компетенции общих собраний непубличных акционерных обществ или обществ с ограниченной ответственностью в уставе. Указанная диспозитивность ограничена основаниями недействительности решений собраний и перечнем субъектов, для которых решение собрания является обязательным (порождает правовой эффект). При определении границ диспозитивности предлагается учитывать существо возникающих отношений в целях предотвращения бесосновательного создания правовых последствий и ограничений для лиц, для которых решение собрания (исходя из существа отношений) не может породить такие правовые последствия и ограничения.

Решение общего собрания участников хозяйственного общества порождает правовые последствия (1) для лиц, имеющих право решающего голоса на собрании, (2) лиц, прямо определенных в законе или порядок определения которых указан в законе, а также (3) лиц, создание правовых последствий для которых обусловлено существом отношений. Конструкция существа отношений позволяет исключить

ситуации упущения со стороны законодателя и неполноценной реализации компетенции собрания.

Глава 2. Правовые проблемы, связанные с принятием решения общим собранием участников хозяйственного общества в российском праве

§1. Правовая природа голосования участников общего собрания хозяйственных обществ

Как ранее было отмечено, по нашему мнению, любое решение собрания не является сделкой, следовательно, прямое применение к решениям норм о сделках невозможно.

Однако вопрос правовой квалификации возникает также применительно к голосованию участников общего собрания за принятие конкретных решений. Ответ на вопрос о том, является ли сделкой выражение участником собрания воли в пользу или против того или иного решения, позволит оспаривать факт волеизъявления (голосования) по правилам о признании сделок недействительными, а также ставить под угрозу действительность решения собрания в целом.

Проблема актуальна как в отношении голосования на заседаниях собраний (в том числе в дистанционной форме), так и в отношении заочного голосования. Применение норм о недействительности сделок может позволить расширить перечень аргументов и способов защиты прав лица, намеревающегося оспорить решение собрания.

В современной юридической литературе можно встретить позицию, согласно которой голосование на собрании признается односторонней сделкой⁹⁰. Если исходить из буквального толкования статьи 153 Гражданского кодекса РФ, то в качестве сделки можно понимать любое действие лица, направленное на установление гражданских прав и обязанностей.

Когда участники общего собрания выражают волю за принятие того или иного решения, возникают определенные гражданско-правовые последствия.

⁹⁰ Коваленко Ю.Н. Развитие альтернативных форм проведения общих собраний собственников // Гражданское право. 2022. № 1. Приведено по СПС «КонсультантПлюс»; Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

Например, в соответствии с пунктом 2 статьи 63 ФЗ об акционерных обществах в протоколе общего собрания должна содержаться информация об итогах голосования. То есть лицо, осуществляющее ведение протокола, обязано учесть голос участника собрания и зафиксировать итоговый результат.

Однако гражданско-правовая сделка, на наш взгляд, представляет собой гораздо более сложное явление. Наиболее ярко этот тезис может быть проиллюстрирован дискуссией о правовой природе исполнения обязательств.

По мнению С.В. Сарбаша, действия лиц по исполнению обязательств и принятию исполнения могут быть квалифицированы в качестве односторонних сделок, а вместе – образуют самостоятельную сделку по прекращению обязательственного правоотношения⁹¹.

Не соглашаясь с этой позицией, Е.Я. Мотовиловкер подчеркнул, что акт сделочного волеизъявления является особой разновидностью волевого акта, представляющей собой чисто юридическое действие. Как следствие, не любой осуществленный в сфере гражданского права поведенческий акт, связанный с малейшим проявлением воли, может рассматриваться как волеизъявление⁹².

Развивая эту позицию, А.В. Егоров оперирует категориями «фактическая воля» (воля к действию) и «правовая воля» (воля к достижению правовых последствий), которые обязательно нужно разделять или хотя бы не отождествлять между собой. Для того, чтобы квалифицировать исполнение обязательства в качестве сделки необходимо установить именно правовую волю лица. В качестве примера такой сделки А.В. Егоров приводит уступку прав требований во исполнение договора⁹³.

На наш взгляд, указанная позиция является справедливой. Конкретное волевое действие можно признать сделкой только в том случае, если именно это действие создаст тот итоговый правовой эффект, на который направлена воля лица.

⁹¹ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

⁹² Мотовиловкер Е.Я. Спорные вопросы теории сделок // Вестник гражданского права. 2011. № 4. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

⁹³ Егоров А.В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

С критикой позиции С.В. Сарбаша выступил также Е.А. Суханов, возражая против квалификации любых односторонних актов по исполнению обязательств в качестве сделок, поскольку это не способствует укреплению имущественного оборота ввиду появления возможности оспорить дополнительную сделку. При этом, по мнению Е.А. Суханова, в российском праве такое действие во исполнение обязательства, например, как передача вещи (традиция) – является юридическим актом⁹⁴. Представляется, что из указанной позиции следует важный вывод. Если конкретное действие не может быть квалифицировано в качестве сделки, это еще не означает, что действие не является юридическим актом и не может получить правовую оценку (в том числе на уровне суда). Непризнание действия сделкой влечет лишь невозможность применения норм о сделках, прежде всего, положений о недействительности.

Возвращаясь к анализу правовой природы голосования за принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества, по нашему мнению, признаки гражданско-правовой сделки у голосования отсутствуют.

Для простоты восприятия голосование за принятие решения можно сравнить с подписанием гражданско-правового договора. На первый взгляд, может показаться, что постановка лицом подписи на договоре является сделкой, поскольку по результатам подписания договор приобретает юридическую силу. Однако указанное предположение является неверным. Когда лицо подписывает договор, его правовая воля направлена не на вступление договора в юридическую силу, а на создание обязательственных правоотношений. Обязательственные правоотношения возникают не из подписи на договоре, а из договора как гражданско-правовой сделки. Как следствие, действие по подписанию договора нельзя квалифицировать в качестве сделки, однако можно признать юридическим актом, порождающим определенные юридические последствия, а именно – вступление договора в силу.

⁹⁴ Суханов Е.А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. N 2 // СПС "КонсультантПлюс"

По этой же причине нельзя признать гражданско-правовой сделкой голосование участника общего собрания за принятие того или иного решения, ведь его правовая воля направлена на создание правовых последствий решения (например, на возникновение у корпорации обязанности выплатить дивиденды). Однако ситуация с голосованием за принятие решения общего собрания все же отличается от ситуации с подписанием договора. При подписании договора сделка будет иметь место, когда договор будет заключен. Такой сделкой выступит сам договор. При голосовании за принятие решения собрания сделки не будет вовсе, поскольку решение собрания является актом коллективного волеизъявления, порождающим определенные гражданско-правовые последствия и, по умолчанию, не требующим полного согласования воли принимающих его лиц. В силу действия принципа большинства как общего правила подсчета голосов для установления факта принятия решения собрания, последнее не может быть признано сделкой.

Кстати, невозможность оспаривания голосования за принятие решения в качестве сделки лишь на первый взгляд ограничивает возможности лиц при защите своих прав. Если посмотреть на проблему с другой стороны, то можно констатировать, что голосование является юридическим актом, который получает правовую оценку (например, на уровне суда) при оспаривании решений общих собраний по соответствующим основаниям. Такая правовая оценка не будет ограничена основаниями недействительности сделок, сокращенными сроками исковой давности и так далее. Суд, например, может установить, что голосование конкретного лица как юридический акт не имело место, как следствие, не могло учитываться при подсчете голосов, что может повлиять на оспоримость и даже ничтожность решения общего собрания участников. При этом для установления данного обстоятельства сторонам судебного процесса не потребуется заявлять отдельное требование о признании голосования недействительной сделкой.

Рассмотрение голосования в качестве юридического акта допустимо, поскольку, как справедливо отмечается в германской литературе, последствием голосования является прекращение права голоса и связанность лица своим же

голосом⁹⁵. То есть акт голосования, в любом случае, порождает определенные юридические последствия.

Итак, признаки гражданско-правовой сделки у голосования за принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества отсутствуют, поскольку правовая воля голосующего члена корпорации направлена на создание правовых последствий решения, а не правовых последствий голосования. Сам по себе факт непризнания голосования сделкой влечет лишь невозможность применения к голосованию норм о сделках, в частности, об их оспаривании. Однако голосование в этом случае не перестает являться юридическим актом, а потому может быть предметом судебной оценки.

⁹⁵ Bartholomeyczik H. Die Stimmabgabe im System unserer Rechtshandlungen. Diss. Würzburg, 1937. S.1

§2. Проблема возможности наступления правового эффекта решения общего собрания участников хозяйственных обществ под условием или по истечении срока.

Решение общего собрания участников хозяйственного общества представляет собой акт коллективного волеизъявления, порождающий определенные гражданско-правовые последствия. При этом может возникнуть ситуация, когда указанные последствия необходимы участникам не сразу, а через определенное время или при наступлении некоторых обстоятельств. Например, участники общего собрания хозяйственного общества могут быть заинтересованы в том, чтобы лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, вступило в полномочия не в день избрания, а со следующего дня (для кадровых и бухгалтерских целей).

В этой связи крайне актуальным представляется вопрос о возможности установления для гражданско-правовых последствий решения общего собрания срока, а также отлагательных или отменительных условий.

Срок и условия являются различными по своей правовой природе категориями. Срок может исчисляться календарной датой или истечением периода времени, а также определяться указанием на неизбежное событие, которое рано или поздно наступит.

Условия же являются обстоятельствами, которые могут как наступить, так и не наступить. По основаниям возникновения условия можно разделить на случайные, потестативные и смешанные. По правовым последствиям – на отлагательные (суспензивные) и отменительные (резолютивные).

Если признать решение общего собрания участников хозяйственного общества сделкой, то к такому решению можно применить положения статей 157 и 190 Гражданского кодекса РФ, регулирующих сделки, совершенные под условием, и установление сделкой срока.

Полагая, что решение собрания является сделкой, К.И. Труханов допускает прямое применение к решениям норм об отлагательных и отменительных условиях. При этом автор подчеркивает, что не каждое решение собрания может

быть принято под условием, поскольку это «способно существенно нарушить принцип правовой определенности и стабильности оборота». К таким решениям К.И. Труханов относит, например, решение об избрании лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, а также решение о заключении мирового соглашения при банкротстве⁹⁶.

По указанным ранее доводам мы не можем признать решение собрания сделкой, а потому – допустить прямое применение к решениям норм об отлагательных и отменительных условиях. По этой же причине прямое применение норм о сроке, установленном в сделке (статья 190 ГК РФ), также невозможно. Однако следует согласиться с мнением А.Г. Карапетова о том, что даже в случае непризнания решения собрания сделкой применение норм об отлагательных и отменительных условиях по аналогии допустимо⁹⁷.

А.Г. Карапетовым выдвинут ряд тезисов, которые, как нам представляется, справедливы также и для решений собраний. Во-первых, важно разграничивать условия и срок. Во-вторых, применительно к положениям статьи 157 Гражданского кодекса РФ под отлагательное условие ставится не сама сделка, а порождаемый ею правовой эффект (права и обязанности). То есть сделка с отлагательным условием как юридический факт возникает с момента ее заключения, однако, правовой эффект (полностью или частично) может возникнуть позднее – с момента наступления отлагательного условия. В-третьих, не любой правовой эффект сделки можно поставить под отлагательное или отменительное условие. Это может противоречить законодательству или существу сделки.

Однозначно следует признать, что необходимость применения аналогии как общего правила, является правовой аномалией и признаком недостаточного регулирования. В этой связи положения Гражданского кодекса РФ о решениях собраний требуют включения норм, устанавливающих возможность создания правового эффекта решения собрания в зависимости от наступления отлагательных

⁹⁶ Труханов К.И. Решения собраний - новая категория в Гражданском Кодексе РФ // Закон. 2013. N 10. Приведено по СПС "КонсультантПлюс"

⁹⁷ Карапетов А.Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. ст. 157 и 327.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. N 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс»

или отменительных условий, а также в зависимости от истечения определенного срока.

Представляется целесообразным проанализировать, насколько срок, отлагательные или отменительные условия в целом допустимы для правового эффекта решений собраний, а также предположить, какие ограничения могут иметь место при установлении условий или срока.

Для общих собраний участников хозяйственных обществ срок или условия не являются чем-то новым или чуждым. Например, в решении о согласии на совершение крупной сделки в акционерном обществе может быть указан срок действия согласия, а также установлено, что такое согласие дается при условии совершения нескольких сделок одновременно (пункт 4 статьи 79 Федерального закона об акционерных обществах).

Наиболее ярким примером постановки правового эффекта решения общего собрания под условие является механизм исполнения сделки конвертируемого займа в хозяйственных обществах (статья 19.1 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью, статья 32.3 ФЗ об акционерных обществах). Указанный механизм подразумевает, что члены корпорации дают предварительное согласие на заключение договора конвертируемого займа посредством принятия решения об увеличении уставного капитала. При этом уставный капитал будет увеличен в пользу кредитора по конвертируемому займу, если этот кредитор в необходимый срок заявит требование о конвертации денежного долга в акции или долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда правовые последствия решения собрания ставятся в зависимость от так называемого чистого потестативного условия, зависящего лишь от воли кредитора. При предъявлении кредитором требования корпорация вправе возразить против конвертации, что может снизить риск злоупотребления со стороны займодавца. Однако, если все условия для конвертации имеют место, кредитор добьется увеличения уставного капитала в свою пользу в арбитражном суде.

Поскольку срок и условия для ряда правовых последствий решения собрания уже предусмотрены, мы не видим политико-правовых оснований для невозможности применения по аналогии статей 157 и 190 ГК РФ, а также не видим препятствий для включения в раздел о решениях собраний самостоятельных норм о сроке, отлагательных и отменительных условиях. Тем более, что законодатель в ряде случаев допускает постановку правового эффекта решения собрания даже в зависимость от чистого потестативного условия.

Однако также представляется справедливой ранее озвученная позиция К.И. Труханова о том, что постановка правовых последствий решения собрания под условие не должна приводить к нарушению принципа правовой определенности и стабильности оборота. Эту точку зрения, на наш взгляд, отлично дополняет указанное выше мнение А.Г. Карапетова, согласно которому недопустимость постановки сделок под условие может вытекать как из законодательства, так и из существа самой сделки.

Решения собрания (общего собрания участников хозяйственного общества, в частности) являются актом коллективного волеизъявления, правовые последствия которого могут поставить под удар интересы лиц, воздержавшихся от голосования или голосовавших «против», а также интересы различных третьих лиц, например, участников корпорации, получивших права членства после принятия решения под условием.

В этой связи проблема ограничения возможности постановки правового эффекта решения собрания в зависимость от условия представляется даже более актуальной, чем для правовых последствий сделки. Более того, фиксация соответствующих ограничений необходима не только для условий, но и для срока наступления правовых последствий решения собрания.

На наш взгляд, возможность поставить решение под условие или в зависимость от истечения срока не следует допускать для случаев, когда установление условий или срока будет противоречить законодательству или существу отношений. Конструкция существа отношений уже используется

законодателем при определении лиц, для которых решение собрания является обязательным (пункт 2 статьи 181.1 ГК РФ).

Например, следует признать противоречащим законодательству и существу отношений принятие общим собранием участников хозяйственного общества решения, правовые последствия которого должны быть отражены в ЕГРЮЛ, если указанные правовые последствия наступят или могут наступить по истечении срока, установленного для сообщения корпорацией о соответствующих изменений в регистрирующий орган. Такой срок, по общему правилу, составляет семь рабочих дней с момента изменения сведений (пункт 5 статьи 5 Федерального закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей⁹⁸).

Устанавливая ограниченный срок для уведомления об изменениях в ЕГРЮЛ (например, о смене директора или принятия устава в новой редакции) законодатель исходит из необходимости наиболее оперативного обеспечения действия принципа публичной достоверности. В этой связи, например, установление начала действия полномочий директора со следующего дня после принятия решения или через день представляется допустимым. Однако возложение полномочий через три месяца после принятия решения или при условии прекращения полномочий прежнего директора будет противоречить как законодательству, так и существу отношений. Аналогичные выводы применимы для внесения изменений в устав.

Итак, положения Гражданского кодекса РФ о решениях собраний требуют включения норм, устанавливающих возможность создания правового эффекта решения собрания в зависимости от наступления отлагательных или отменительных условий, а также в зависимости от истечения определенного срока.

Поскольку срок и условия для ряда правовых последствий решения собрания уже предусмотрены, мы не видим политико-правовых оснований для невозможности применения по аналогии статей 157 и 190 ГК РФ, а также не видим препятствий для включения в раздел о решениях собраний самостоятельных норм

⁹⁸ Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" // СЗ РФ, 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3431,

о сроке, отлагательных и отменительных условиях. Тем более, что законодатель в ряде случаев допускает постановку правового эффекта решения собрания даже в зависимость от чистого потестативного условия.

На наш взгляд, возможность поставить решение под условие или в зависимость от истечения срока следует не допустить для случаев, когда установление условий или срока будет противоречить законодательству или существу отношений.

§3. Проблема отмены решения общего собрания участников хозяйственного общества последующим решением

У членов корпорации, принявших решение на общем собрании, по тем или иным причинам может возникнуть необходимость такое решение отменить. Например, если участники поторопились с выплатой дивидендов, назначением директора, одобрением сделки, изменением устава и так далее.

Вопрос о возможности отмены последующим решением общего собрания предыдущего решения является дискуссионным и крайне актуальным. К сожалению, законодательство ответ на указанный вопрос не дает, а устойчивая и сложившаяся судебная практика отсутствует.

Тем не менее, в ряде судебных постановлений проблема отмены решения собрания затрагивалась. А.А. Кузнецов, анализируя Определение ВС РФ от 26 апреля 2018 г. N 305-ЭС17-17321, делает вывод о том, что в российском праве институт отмены решения собрания существует и границы его применения установлены⁹⁹. В указанном Определении Верховный Суд РФ допустил возможность отмены решения собрания кредиторов (в банкротстве) по выбору арбитражного управляющего, если такая отмена не имеет признаков злоупотребления правом и совершена до того момента, пока отмененное решение не начало влиять на права и законные интересы третьих (по отношению к участникам собрания) лиц. Верховный Суд РФ отмену решения рассматривает как отзыв согласия, который прямо не запрещен законодательством¹⁰⁰.

Следует отметить, что позиция Верховного Суда РФ является значимой и крайне востребованной с практической точки зрения. Возникают ситуации, когда участникам корпорации необходимо отменить свое решение для целей поддержания юридического лица. Например, все акционеры непубличного акционерного общества могут проголосовать за отмену решения о выплате

⁹⁹ Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.04.2018 N 305-ЭС17-17321 по делу N А40-48876/2015

дивидендов в связи с развитием экономического кризиса. В тех случаях, когда интересы третьих лиц отменой решения затронуты не будут, именно позиция Верховного Суда РФ может стать едва ли не единственной правовой опорой для участников корпорации. Однако также необходимо признать, что применение данной позиции не лишено существенных рисков.

Любое собрание, в том числе общее собрание участников хозяйственного общества или собрание кредиторов, имеет свою компетенцию¹⁰¹. Компетенция, по общему правилу, фиксируется в законе или в иных актах, если это разрешено законом (например, в уставе общества с ограниченной ответственностью можно расширить компетенцию общего собрания участников). При этом решение собрания, принятое с выходом за пределы компетенции, является ничтожным (пункт 3 статьи 181.5 Гражданского кодекса РФ).

Для случаев, когда членам корпорации или участникам иных собраний необходимо прекратить правовой эффект решения собрания, установленная компетенция может предоставить такую возможность. Например, если участники хозяйственных обществ намерены прекратить полномочия директора, компетенция допускает досрочное прекращение полномочий (подпункт 4 пункта 2 статьи 33 ФЗ об ООО, подпункт 8 пункта 1 статьи 48 ФЗ об АО). Если участники хозяйственных обществ желают прекратить действие прежней редакции устава (прежнего решения об утверждении редакции устава) – компетенция позволяет утвердить устав в новой редакции (подпункт 2 пункта 1 статьи 33 ФЗ об ООО, подпункт 1 пункта 1 статьи 48 ФЗ об АО).

Если компетенция общего собрания не позволяет прекратить правовой эффект решения, участники общего собрания, разумеется, могут попытаться пойти по неурегулированному законом пути – отменить ранее принятое решение собрания. Однако фактически такая отмена может быть рассмотрена в качестве обхода установленной компетенции собрания (даже если она осуществлена с

¹⁰¹ Подробнее о компетенции собрания, ее роли в принятии решения и пределах диспозитивности установления см. Телешинин А.А. Гражданско-правовые последствия решения общего собрания участников хозяйственного общества в российском праве // Право и экономика, 2022, №9. С.37-44.

благими намерениями). Как следствие, любое решение по отмене ранее принятого решения потенциально может быть признано ничтожным. Формальным исключением из этого правила представляются случаи, когда отмена ранее принятого решения включена в компетенцию собрания (например, в уставе общества с ограниченной ответственностью). При этом упомянутые ранее возможности прекратить полномочия директора или принять устав в новой редакции отменой ранее принятого решения не являются, поскольку не обладают ретроспективным эффектом.

Наиболее актуальной проблема отмены ранее принятого решения участников общего собрания хозяйственного общества может являться для отмены решения о выплате дивидендов. Применительно к указанной проблеме следует отметить судебные постановления, в которых отмена ранее принятого решения признавалась незаконной.

Так, в 2004 году ФАС Северо-Западного округа признал, что целью участия лица в обществе с ограниченной ответственностью является извлечение прибыли, как следствие, принятие решения об отмене выплаты дивидендов нарушает его право участия в распределении прибыли¹⁰².

Арбитражный суд Московского округа в 2016 году постановил, что ФЗ об ООО не содержит положений, наделяющих общее собрание участников полномочиями отменять ранее принятые решения, поскольку иное могло бы породить правовую неопределенность¹⁰³. Иными словами, Арбитражный суд Московского округа не установил наличие у общего собрания возможности отмены ранее принятого решения в рамках установленной законом компетенции, что подтверждает наши опасения относительно возможной ничтожности решения в связи с выходом за пределы полномочий собрания.

¹⁰² Постановление ФАС Северо-Западного округа от 01.12.2004 N А66-3719-04. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2016 N Ф05-3047/2016 по делу N А40-80953/2015. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

В ряде случаев доводом в пользу невозможности отмены ранее принятого решения может выступать не только отсутствие компетенции, но и возникновение обязательств, отказ от которых в одностороннем порядке невозможен.

По справедливому замечанию Д.В. Ломакина, принятие общим собранием решения о выплате дивидендов создает производное корпоративное правоотношение, являющееся классическим обязательством. Сторонами такого обязательства выступают корпорация и участники, управомоченные на получение денежных средств из чистой прибыли¹⁰⁴.

При этом в соответствии с пунктом 3 статьи 307.1 Гражданского кодекса РФ к требованиям, вытекающим из корпоративных отношений, применяются общие положения об обязательствах. Согласно пункту 1 статьи 310 Гражданского кодекса РФ односторонний отказ от исполнения обязательства не допускается, за исключением случаев, установленных законом и иными правовыми актами.

Таким образом, отмена ранее принятого решения может рассматриваться как односторонний отказ корпорации от исполнения обязательств перед лицами, уполномоченными на получение дивидендов, а потому – признаваться совершенной с нарушением норм действующего законодательства. Однако следует также учитывать возможность членов непубличных хозяйственных обществ расширить компетенцию общего собрания единогласным решением и, в частности, включить полномочие об отмене ранее принятого решения собрания о выплате дивидендов (подпункт 9 пункта 3 статьи 66.3 Гражданского кодекса РФ). В этой связи члены корпорации могут установить основание для одностороннего отказа от исполнения обязательства в уставе. Если же такое полномочие в уставе отсутствует, то помимо риска ничтожности решения, вышедшего за пределы компетенции, участники, намеренные отменить решение, могут столкнуться с риском невозможности одностороннего отказа от исполнения обязательства в тех случаях, когда такое обязательство возникает.

¹⁰⁴ Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

Очевидно, что возможность отмены ранее принятого решения общего собрания участников хозяйственного общества является проблемой, требующей разрешения на законодательном уровне. В качестве двух, по нашему мнению, обязательных условий для отмены решения можно рассматривать следующие. Во-первых, за отмену решения единогласно должны проголосовать все участники общества с ограниченной ответственностью или все акционеры, присутствующие на собрании (при наличии кворума). Во-вторых, отмена решения не должна затрагивать законные интересы третьих лиц, не голосующих за соответствующую отмену.

До внедрения механизма отмены решений собраний в ГК РФ или специальные законы о хозяйственных обществах, любую отмену следует рассматривать как операцию с высоким риском признания решения собрания ничтожным.

§4. Непропорциональное распределение голосов участников обществ с ограниченной ответственностью при принятии решения общим собранием

По общему правилу, участники общества с ограниченной ответственностью имеют на общем собрании количество голосов, пропорциональное размеру их доли (абзац 4 пункта 1 статьи 32 ФЗ об ООО). В акционерных обществах при голосовании действует иной принцип: одна голосующая акция – один голос, за исключением кумулятивного голосования, предусмотренного законом (статья 59 ФЗ об АО).

Возникает следующий вопрос. Можно ли в уставе хозяйственного общества изменить установленное законом распределение числа голосов? Применительно к публичным акционерным обществам такая возможность законом не предусмотрена, однако, для непубличных хозяйственных обществ подпунктом 5 пункта 3 статьи 66.3 Гражданского кодекса РФ установлено право участников (учредителей) единогласно установить иной порядок принятия решения общего собрания, при условии, что это не лишит членов корпорации права на участие в заседаниях (заочном голосовании) и на получение информации о них.

Если допустить широкое толкование термина «порядок принятия решения», то в непубличных хозяйственных обществах можно установить непропорциональный механизм распределения числа голосов участников. Однако такое толкование «порядка принятия решений» является достаточно рискованным в силу отсутствия точного определения «порядка принятия решений». Например, в делах о банкротстве суды разграничивают «порядок принятия решений» собранием кредиторов и «порядок определения числа голосов» кредиторов на собрании¹⁰⁵.

Более того, по нашему мнению, в непубличных акционерных обществах изменение порядка определения числа голосов в уставе невозможно, поскольку правило «одна акция – один голос» является императивным, а правовой режим акций (бездокументарных ценных бумаг) определяется решением о выпуске

¹⁰⁵ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.04.2014 N 18АП-2349/2014 по делу N А76-8282/2010

(статьи 142 Гражданского кодекса РФ). Противоречие между правовым режимом акций в уставе и правовым режимом акций в решении о выпуске недопустимо.

Представляется, что невозможность изменения порядка определения числа голосов для непубличных акционерных обществ не является проблемой, поскольку у акционеров имеется возможность выпустить привилегированные акции особого типа, в том числе предоставляющие права голоса, а также возможность выпустить привилегированные акции, номинальная стоимость которых ниже стоимости обыкновенных акций, что позволяет минимизировать последствия ограничения возможности выпуска привилегированных акций общим номиналом не более 25% от уставного капитала общества (пункт 6 статьи 32, пункт 2 статьи 25 ФЗ об АО).

Для обществ с ограниченной ответственностью помимо подпункта 5 пункта 3 статьи 66.3 Гражданского кодекса РФ, устанавливающего возможность изменения порядка принятия решений, применима также норма, содержащаяся в абзаце 5 пункта 1 статьи 32 ФЗ об ООО. Согласно этой норме по единогласному решению членов корпорации (на собрании учредителей или общем собрании) в устав могут быть включены положения, устанавливающие «иной порядок определения числа голосов участников общества». Для удобства восприятия в дальнейшем мы будем именовать этот правовой инструмент, как «экстраординарный порядок определения числа голосов».

Можно предположить, что положение закона об обществах с ограниченной ответственностью об экстраординарном порядке определения числа голосов позволяет участникам отойти от принципа пропорциональности и перераспределить соотношение голосов участников не в прямой зависимости от размера доли, а на основе иных критериев, определяемых единогласным решением (а далее – уставом). В этой связи возникает проблема допустимых пределов определения критериев экстраординарного порядка.

Стоит отметить, что проблема непропорционального порядка определения числа голосов в обществах с ограниченной ответственностью достаточно содержательно и емко исследовалась в совместном труде И.С. Шиткиной и Ю.С.

Харитоновой¹⁰⁶. Справедливой представляется позиция авторов указанной работы о том, что непропорциональный порядок определения числа голосов участников общего собрания ООО является допустимым, поскольку излишний патернализм может мешать развитию корпоративного права и предпринимательства. С учетом того, что решение о непропорциональном порядке принимается единогласно, а устав является документом, который без ограничения может быть запрошен любым третьим лицом, в том числе покупателем доли в ООО, политико-правовых оснований для невозможности отклонения от принципа пропорциональности мы также не усматриваем.

Отклонение от принципа пропорциональности также, по нашему мнению, не является нарушением принципа равенства акционеров (членов корпорации). Во-первых, пунктом 1 статьи 32 Федерального закона об ООО напрямую установлена возможность непропорционального распределения голосов участников общества с ограниченной ответственностью в случаях, предусмотренных законодательством. Во-вторых, сам по себе принцип равенства не должен, по нашему мнению, рассматриваться как полное тождество объема прав каждого члена корпорации при любых обстоятельствах.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1999 году приняла Принципы корпоративного управления¹⁰⁷. Указанный документ является одной из основ для разработки и совершенствования принципов корпоративного управления на национальном уровне. Среди выделяемых ОЭСР принципов можно отметить принцип равного отношения к акционерам, но не принцип равенства. На наш взгляд, указанная формулировка является более точной, поскольку подразумевает недопущение ущемления прав и интересов членов корпорации при прочих равных условиях. Очевидно, что участник общего собрания хозяйственного

¹⁰⁶ Харитонова Ю.С., Шиткина И.С. Состав и компетенции руководящих органов управления общества с ограниченной ответственностью: комментарий к ст. ст. 32 и 33 Закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2020. N 4. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

¹⁰⁷ URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264252035_ru.pdf?expires=1650485115&id=id&accname=guest&checksum=0875D250FA210C3DE8D7A2B33DEFD758 (дата обращения – 10.01.2023).

общества, имеющий большую долю в уставном капитале, чем другой участник, будет также иметь большее число голосов, что не будет являться нарушением принципа равного отношения к членам корпорации (акционерам).

В случае с установлением непропорционального порядка распределения голосов на общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью такой порядок закрепляется в уставе на основе единогласного решения, что исключает возможность непринятия во внимание возражений лиц с наименьшей долей в уставном капитале.

Полагаем, что следует предусмотреть обязательное нотариальное удостоверение факта принятия указанного решения и состава участников, присутствующих при его принятии, как это предусмотрено для решений об увеличении уставного капитала (пункт 3 статьи 17 ФЗ об ООО). Однако необходимость единогласного одобрения непропорционального порядка определения числа голосов само по себе, на наш взгляд, снимает дискуссию о нарушении базовых принципов корпоративного управления.

Целесообразным представляется проанализировать судебную практику по вопросу установления экстраординарного порядка определения числа голосов участников на заседании общего собрания и обратить внимание на позиции судов по указанному вопросу.

В судебной практике чаще всего встречаются два вида экстраординарных порядков определения числа голосов. Во-первых, это порядок, при котором один участник имеет один голос независимо от вклада в уставный капитал («голосование по головам»)¹⁰⁸. Во-вторых, это порядок, при котором решающий голос имеет председательствующий на собрании при равенстве голосов «за» и «против» по вопросу повестки дня¹⁰⁹. Разумеется, председательствующий на собрании может

¹⁰⁸ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2017 N 11АП-18752/2016 по делу N А55-16723/2016; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2008 по делу N А56-3342/2007; Постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда Свердловской области от 7 июля 2006 г., 6 июля 2006 г. по делу N А60-37838/05-С2.

¹⁰⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2008 N 09АП-9028/2008-ГК по делу N А40-7947/08-83-80; Постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 23 апреля 2003 г. по делу N А40-45412/02-49-329.

получить право решающего голоса только в том случае, если он является участником общества с ограниченной ответственностью. Суды не усматривают нарушений законодательства при установлении в обществах с ограниченной ответственностью экстраординарных порядков определения числа голосов такого типа.

Кстати, так называемое «голосование по головам» применяется по умолчанию в хозяйственных товариществах (пункт 2 статьи 71 ГК РФ), а порядок с решающим голосом председательствующего может быть установлен, например, при проведении заседаний совета директоров акционерного общества (пункт 3 статьи 68 ФЗ об АО). То есть любой порядок определения числа голосов из указанных выше не является новым для российского права.

Однако на практике встречаются и весьма необычные экстраординарные порядки определения числа голосов участников собрания. Так, в одном из дел рассматривалось положение устава, согласно которому решающий голос предоставлялся члену корпорации, принимающему наибольшее фактическое участие в деятельности общества¹¹⁰. Хотя законность этого условия не оспаривалась, суд косвенно подчеркнул правомерность такого порядка голосования, а в качестве фактического участия в деятельности общества усмотрел, в частности, личное трудовое участие.

Справедливости ради отметим, что данное положение устава в другом деле было признано недействительным, поскольку решение о его утверждении принималось одновременно с решением о принятии третьего лица в состав участников общества, а согласие этого третьего лица на установление экстраординарного порядка определения числа голосов отсутствовало¹¹¹. Однако речь шла о нарушении процедуры, а не о законности закрепления такого порядка распределения голосов в уставе.

¹¹⁰ Решение Арбитражного суда Мурманской области от 06.02.2017 по делу № А42-7244/2016

¹¹¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2018 N Ф07-1122/2018 по делу N А42-1925/2017.

В любом случае, при построении системы корпоративного управления, включающей экстраординарный порядок принятия решения, вряд ли следует использовать такие оценочные критерии, как «трудовой вклад», «фактическое участие» или «финансовое участие». Дело не только в рисках признания подобных порядков недействительными, но также и в опасности возникновения корпоративных конфликтов и неразрешимых тупиковых ситуаций. В рассматриваемых делах, например, встал вопрос о соотношении личного трудового участия одного участника и финансирования деятельности общества со стороны другого. Каким образом можно определить ценность каждого из указанных вкладов и соотнести их между собой? Ответ на этот вопрос однозначно вызывает споры и создает ситуацию правовой неопределенности.

При установлении экстраординарного порядка также возникает следующая проблема. Насколько допустимо персонифицировать конкретных участников общества с ограниченной ответственностью при перераспределении числа голосов? Можно ли зафиксировать в уставе за конкретным участником, например, решающий голос по определенному вопросу?

Сам по себе термин «порядок» подразумевает, на наш взгляд, некоторую нормативность. Следовательно, персонификация участника посредством указания фамилии, имени, отчества или ИНН может вступить в противоречие с этой нормативностью.

Если обратиться к судебной практике, то можно отметить рассмотренное еще в 2007 году дело, в котором ФАС Северо-Кавказского округа сформулировал запрет наделения дополнительными правами одних участников общества за счет ограничения прав других участников. В нем суд признал недействительным положение устава (точнее — решение об утверждении устава в соответствующей редакции), предоставляющее конкретным (поименованным) участникам исключительное право на избрание единоличного исполнительного органа¹¹². Таким образом, при установлении экстраординарного порядка определения числа

¹¹² Решение ФАС Северо-Кавказского округа от 05.04.2007 № Ф08-1716/2007 по делу N А32-66585/2006-45/54.

голосов посредством персонификации конкретных участников существует риск квалификации такого порядка в качестве дополнительных прав участников, установленных за счет ограничения прав других членов корпорации.

Иную позицию в судебной практике следует отметить применительно к экстраординарному порядку определения числа голосов, который можно поименовать в качестве косвенной персонификации.

В одном из дел суд анализировал устав общества, согласно которому участник, имеющий наибольшую долю в уставном капитале, мог утвердить или не утвердить кандидатуру единоличного исполнительного органа, если голоса по вопросу об избрании директора разделялись 50 на 50. Такое положение было признано законным¹¹³.

Очевидно, что все участники корпорации были осведомлены о том, кто обладает наибольшей долей, но в силу отсутствия в уставе указания на конкретное лицо нельзя было говорить о возникновении дополнительных прав участника. Следовательно, косвенная персонификация (как минимум по критерию размера доли) при экстраординарном порядке определения числа голосов была признана допустимой, что, на наш взгляд, вполне справедливо.

Обобщая результаты приведенного анализа, представляется целесообразным сделать вывод о возможности установления в обществах с ограниченной ответственностью, по общему правилу, любого экстраординарного порядка определения числа голосов участников общего собрания. При этом членам корпорации следует избегать неоднозначных критериев (например, привязки решающего голоса к степени финансового или трудового участия в деятельности общества) и критериев прямой персонификации конкретных участников в уставе.

Более того, не стоит забывать про ограничения, установленные подпунктом 5 пункта 3 статьи 66.3 Гражданского кодекса РФ для экстраординарного порядка принятия решения общего собрания непубличного хозяйственного общества. Даже если в спорах о банкротстве порядок определения голосов и порядок принятия

¹¹³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2012 года N 09АП-35846/11 по делу № А40-51354/11-104-409

решений разграничиваются, существует риск расширительного толкования экстраординарного порядка принятия решения в корпоративных спорах и применения соответствующих ограничений для экстраординарного порядка определения числа голосов.

Напомним, что ограничения экстраординарного порядка принятия решения связаны с невозможностью лишения члена корпорации права на участие в собрании и получении информации о нем.

В этой связи, на наш взгляд, участникам общества с ограниченной ответственностью при установлении экстраординарного порядка определения числа голосов следует воздержаться от полного лишения члена корпорации права голосовать за принятие тех или иных решений. При этом уменьшение количества голосов, разумеется, допустимо.

§5. Определение правовой природы протокола общего собрания участников хозяйственных обществ и его оформление

Протокол общего собрания участников хозяйственного общества является ключевым документом, оформляющим принятые членами корпорации решения. Помимо указанного протокола законодательством об акционерных обществах предусмотрен такой документ, как протокол об итогах голосования (статья 62 ФЗ об АО). Протокол об итогах голосования оформляет не сами решения собрания, а результат (итог) подсчета голосов.

Следует согласиться с мнением В.А. Белова, согласно которому в законодательстве отсутствует расшифровка определения протокола собрания¹¹⁴. В этой связи представляется целесообразным, с одной стороны, определить правовую природу этого документа, а с другой стороны, проанализировать порядок его оформления.

Установление правовой природы протокола общего собрания является задачей не столь очевидным решением, как может показаться на первый взгляд. В пункте 3 статьи 181.2 Гражданского кодекса РФ законодателем установлена возможность составления протокола с помощью электронных и иных технических средств. При этом для детализации указанных средств используется отсылочная норма – указывается на применение абзаца второго пункта 1 статьи 160 ГК РФ (письменная форма сделки). Исходя из этой позиции законодателя можно предположить, что протокол собрания рассматривается как гражданско-правовая сделка.

По нашему мнению, указанное предположение является неверным по тем же причинам, по которым мы не можем признать сделкой голосование участников за принятие решения. Правовая воля лиц, принимающих решение общего собрания участников хозяйственного общества, направлена не на оформление протокола, а на создание определенных гражданско-правовых последствий. Такие гражданско-

¹¹⁴ Белов В.А. Юридические факты в гражданском праве: учебное пособие. М., 2017. Приведено по СПС «КонсультантПлюс»

правовые последствия создаются не протоколом, а решением как юридическим фактом. В этой связи оснований для квалификации протокола общего собрания в качестве сделки не имеется, хотя, безусловно, нельзя утверждать об отсутствии у протокола каких-либо правовых свойств.

Согласимся с мнением С.Ю. Филипповой, согласно которому «протокол собрания по своей правовой природе является документом, фиксирующим принятое решение, но не самим юридическим актом»¹¹⁵. Протокол собрания нельзя признать юридическим фактом, поскольку эта категория находится в иной системе координат. Юридическим фактом (но опять же не сделкой) выступает подписание протокола, например, председательствующим на заседании и секретарем собрания. Протокол же – это форма решения собрания (или решений собраний) и форма фиксации иных юридически значимых обстоятельств (например, сведений о ходе проведения заседания). Протокол собрания можно сравнить с договором как документом.

Для принятия решения общего собрания участников хозяйственного общества надлежащее оформление протокола имеет важное значение, поскольку существенное нарушение правил составления протокола является основанием оспоримости решения (подпункт 3 пункта 1 статьи 181.4 ГК РФ). В этой связи лица, ответственные за составление протокола, должны обеспечить указание всех обязательных реквизитов, установленных как Гражданским кодексом РФ, так и специальным законодательством о хозяйственных обществах (например, статьей 63 ФЗ об АО).

Поскольку протокол выступает, прежде всего, формой фиксации решений собраний, возникает следующий вопрос: должны ли участники общего собрания хозяйственного общества ставить свою подпись в протоколе? Исходя из содержания действующего российского законодательства и, в частности, из анализа обязательных реквизитов – подписание протокола участниками, голосующими за или против принятия тех или иных решений, не требуется.

¹¹⁵ Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дисс. докт. юрид. наук. Москва, 2021. С. 206.

Более того, законодательство не устанавливает в качестве обязательного требования к протоколу фиксацию волеизъявления каждого участника общего собрания. С критикой такого подхода выступает П.З. Иванишин, отмечая, что для оценки действительности решения собрания определяющим критерием выступает именно волеизъявление участников¹¹⁶.

Отсутствие в протоколе подписей участников общего собрания и детализации волеизъявления каждого из членов корпорации, действительно, может осложнить последующую правовую оценку пороков воли или фальсификации протокола. Однако, на наш взгляд, такой подход законодателя обоснован как с доктринальной, так и практической точки зрения.

Ранее нами было отмечено, что решение собрания – это акт коллективного волеизъявления. Именно воля и волеизъявление совокупности лиц является основополагающей категорией любого решения собрания, а потому – фиксация в протоколе общего собрания индивидуальных волеизъявлений и подписей каждого участника не признается необходимой, с доктринальной точки зрения. Индивидуальная воля может быть зафиксирована иначе – например, в бюллетени для голосования или посредством видеосъемки на заседании общего собрания.

С практической точки зрения, сложно представить подписание протокола общего собрания публичного акционерного общества, состоящего из ста тысяч акционеров. Лицами, ответственными за составление протокола, в этом случае будет выполняться сизифов труд, особенно если волеизъявление акционеров уже зафиксировано на отдельных документах или электронных носителях. С другой стороны, далеко не для каждого общего собрания участников хозяйственного общества оформление бюллетеней или объективная фиксация волеизъявления участников являются обязательными. Например, такое требование, по общему правилу, отсутствует для обществ с ограниченной ответственностью и общих собраний акционерных обществ, проводимых в форме очного голосования, если число владельцев голосующих акций не превышает пятидесяти лиц (статья 60 ФЗ

¹¹⁶ Иванишин П.З. Решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Гражданское право. 2011. N 2. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

об АО). В случае отсутствия оформления бюллетеней или иных документов и файлов, содержащих информацию о волеизъявлении участников корпорации на общем собрании, представляется целесообразным фиксировать индивидуальные волеизъявления в протоколах самих собраний.

Применительно к протоколу общего собрания участников хозяйственного общества возникает также вопрос формы самого протокола. Из анализа пункта 3 статьи 181.2 Гражданского кодекса РФ следует, что протокол подтверждает проведение заседания и результаты голосования (в том числе заочного) и составляется в письменной форме, в частности, с помощью электронных и иных технических средств. При этом единогласным решением участников гражданско-правового сообщества или в уставе может быть предусмотрен иной способ подтверждения проведения заседания или результатов голосования. По мнению К.А. Корсика указанная норма позволяет составлять протокол в форме электронного документа, а также посредством аудио- и видео-фиксации¹¹⁷.

Такое толкование приводит к выводу о том, что протокол собрания не обязательно должен представлять собой бумажный документ. Возможно также принятие протокола в качестве электронного документа или аудио- или видеофайла. Учитывая развитие цифровых технологий, подход законодателя к вариантам оформления протокола представляется современным и актуальным. Однако нельзя утверждать, что специальное законодательство о хозяйственных обществах полностью адаптировано к такому подходу.

Например, в соответствии с пунктом 1 статьи 63 ФЗ об АО протокол общего собрания акционеров оформляется в двух экземплярах. Согласно пункту 6 статьи 37 ФЗ об ООО – протоколы общих собраний участников подшиваются лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа, в книгу протоколов. Очевидно, что указанные положения специального законодательства изначально разрабатывались с ориентиром на оформление протокола в бумажном виде. Впрочем, первые шаги к оформлению цифровых протоколов общих собраний

¹¹⁷ Корсик К.А. Законодательные новеллы о корпоративных процедурах и исполнительной надписи // Нотариальный вестник. 2021. № 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

сделаны и можно выразить надежду о дальнейшем развитии права в указанном направлении.

Итак, оснований для квалификации протокола общего собрания в качестве сделки не имеется, поскольку правовая воля лиц, принимающих участие в собрании, направлена на создание правовых последствий не самим протоколом, а решением общего собрания. Протокол общего собрания также нельзя признать юридическим фактом, поскольку эта категория находится в иной системе координат. Протокол общего собрания представляет собой форму решения собрания (или решений собраний) и форму фиксации иных юридически значимых обстоятельств (например, сведений о ходе проведения заседания). Протокол общего собрания не обязательно должен представлять собой бумажный документ. Современное российское право позволяет составить протокол общего собрания в виде электронного документа или аудио- видеофайла, однако соответствующее законодательство требует дальнейшего совершенствования и развития в направлении цифровизации.

§6. Фиксация волеизъявления участников при голосовании за принятие решения общим собранием участников хозяйственного общества

Как было отмечено ранее, подписание протокола общего собрания участников хозяйственного общества, по умолчанию, не является обязательным. Однако решение собрания принимается в результате голосования участников по вопросам повестки дня. В этой связи фиксация их волеизъявления является крайне важным вопросом, поскольку лица, ответственные за подсчет голосов или составление протокола общего собрания, могут допустить ошибку или, в худшем случае, умышленно сфальсифицировать итоги голосования. Кроме того, протокол как итоговый документ, фиксирующий коллективную волю, может быть подвергнут недобросовестному внешнему воздействию третьих лиц после проведения собрания.

Решение проблемы фиксации волеизъявления участников при голосовании должно быть, прежде всего, направлено на минимизацию указанных выше рисков. Результатом надлежащей фиксации должно являться создание объективного доказательства фактов соответствующих волеизъявлений при голосовании. Аналогичную функцию в российском частном праве выполняет институт подтверждения факта принятия решения и состава участников, однако, в настоящем параграфе подтверждение рассматриваться не будет. Во-первых, подтверждение не всегда является обязательным и возможным при принятии решений общих собраний, а зафиксировать волеизъявление при голосовании можно в любом случае. Во-вторых, подтверждение является институтом последующего удостоверения, в то время как волеизъявление участника и фиксация этого волеизъявления может совпадать во времени или иметь минимальный временной разрыв и, в этом аспекте, обладать потенциалом большей объективности. В-третьих, институт подтверждения будет рассмотрен нами в следующем параграфе.

Начать исследование проблемы фиксации волеизъявления участников следует с краткого анализа способов принятия решений, поскольку именно способ может напрямую влиять на форму волеизъявления при голосовании.

Традиционными способами считаются принятие решений в очной или заочной форме¹¹⁸. Очная форма подразумевает совместное присутствие акционеров или участников общества с ограниченной ответственностью. Заочная – направление участниками общего собрания (без совместного присутствия) документов, содержащих результаты голосования. На уровне Верховного Суда РФ была закреплена также смешанная (очно-заочная) форма, при которой комбинируется совместное присутствие и направление документов с результатами голосования без непосредственного участия в собрании¹¹⁹.

Российский законодатель изначально придерживался традиционной классификации, однако в последующем изменил терминологический подход. Федеральным законом от 28.06.2021 N 225-ФЗ термин «собрание» в Гражданском кодексе РФ был заменен на «заседание» (в тех случаях, когда под «собранием» подразумевалось «очное собрание» с совместным присутствием)¹²⁰. Решения собраний могут приниматься на заседаниях, посредством заочного голосования и при совмещении двух указанных способов.

Такой подход был выработан с целью прямого регулирования возможности проведения собраний в дистанционном формате, когда участники физически не находятся в месте проведения заседания, но и также не голосуют заочно (абзац 2 пункта 1 статьи 181.2 ГК РФ). Справедливым представляется мнение И.С. Шиткиной и Ю.С. Харитоновой, согласно которому дистанционные собрания приравниваются к собраниям в форме совместного присутствия¹²¹. Ранее можно было обосновать, что дистанционное голосование является одной из форм

¹¹⁸ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. Глава – XII. Автор главы – И.С. Шиткина. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁹ Пункт 105 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"

¹²⁰ Федеральный закон от 28.06.2021 N 225-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ, 05.07.2021, N 27 (часть I), ст. 5053

¹²¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону "Об обществах с ограниченной ответственностью": в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2021. Т. 2. 486 с.

совместного присутствия, следовательно, может осуществляться в рамках собрания, проводимого в очной форме. Такой подход до реформы был воспринят в пункте 11 статьи 49 ФЗ об АО. Однако законодателем был избран путь упрощения восприятия норм и минимизации доктринальных споров, что однозначно соответствует принципу правовой определенности. Например, закон об ООО не содержал и не содержит положений о дистанционном голосовании на очных собраниях. Лишь после реформы Гражданского кодекса РФ¹²² такой способ принятия решений для участников общества с ограниченной ответственностью стал однозначно доступным.

Дистанционное участие в заседании может осуществляться посредством электронных и иных технических средств. Такое участие допустимо, если одновременно соблюдается три условия: (1) используются способы, позволяющие достоверно установить лицо, участвующее в заседании, (2) такие способы должны обеспечивать участнику возможность обсуждать вопросы повестки дня и (3) возможность голосовать.

Прямое регулирование дистанционных собраний является прогрессивным шагом законодателя в условиях цифровизации экономики. Кроме того, указанный способ принятия решений позволяет участникам оптимизировать график и вести собственную деятельность более эффективно. Однако возможность дистанционного участия в заседании общего собрания хозяйственного общества придает еще большую актуальность проблеме надлежащей фиксации волеизъявления участников общего собрания при голосовании.

Доступ к программному обеспечению, позволяющему принять участие в собрании дистанционно, как правило, осуществляется по логину и паролю, что уже создает риск недобросовестного завладения данными для входа в систему. Аналогичная проблема возникает при входе в программу посредством электронной почты участника.

¹²² Федеральный закон от 28.06.2021 N 225-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ, 05.07.2021, N 27 (часть I), ст. 5053

Какие же формы фиксации волеизъявлений участников при голосовании являются наиболее эффективными? Под наиболее эффективными формами фиксации в дальнейшем мы будем подразумевать такие, которые, с одной стороны, обеспечивают защиту от фальсификации и, с другой стороны, являются удобными и понятными для самих членов корпорации. При этом необходимо учитывать, что поиск наиболее эффективных форм фиксации следует производить для случаев, когда участники физически присутствуют на собрании, принимают участие в заседании дистанционно или посредством заочного голосования.

Одним из способов фиксации волеизъявления участников является внесение в протокол общего собрания информации о соответствующем голосовании каждого лица, принимающего участие в собрании. Отсутствие в законодательстве обязанности указывать в протоколе индивидуальное волеизъявление каждого участника не является запретом такого указания. Однако у приведенного способа фиксации имеется ряд существенных недостатков. Во-первых, протокол, по общему правилу, не подписывается всеми участниками, что может поставить под сомнение объективность внесения данных в указанный протокол. Во-вторых, в хозяйственных обществах с большим количеством членов корпорации (особенно в ПАО) фиксация каждого индивидуального волеизъявления может привести к нерациональному увеличению объема протокола и повышению риска ошибки, обусловленной человеческим фактором. Поэтому мы не можем признать указанный способ фиксации волеизъявления наиболее эффективным.

Еще один способ, посредством которого может быть зафиксировано волеизъявление участников при голосовании на собрании – это аудио или видеосъемка. Съемка является актуальным способом для тех случаев, когда участники собрания голосуют жестами или, например, голосом, без заполнения каких-либо документов. Современные технологии позволяют также осуществлять съемку экрана, что имеет большое значение при проведении дистанционных собраний – можно зафиксировать голосовое волеизъявление или выражение воли посредством направления сообщения в чат.

Несмотря на преимущества съемки, признать её наиболее эффективным способом нельзя. Во-первых, всегда существует риск возникновения сбоя оборудования, что может повлечь полное отсутствие фиксации волеизъявления. Во-вторых, видео- и аудиофайлы могут выступить объектом монтажа, который направлен на искажение фактического волеизъявления участников. В-третьих, при аудио-фиксации возникает проблема идентификации лиц, голос которых записан при помощи устройства, а при видео-фиксации – проблема возможного отсутствия в кадре голосующего участника (особенно при большом количестве членов корпорации). В-четвертых, при заочном голосовании съемка позволит фиксировать лишь действия лиц, осуществляющих подсчет голосов и составляющих протокол общего собрания, но не волеизъявление самих участников. В целом – аудио- и видеосъемку следует признать эффективным вспомогательным, но не основным способом подтверждения факта индивидуального голосования по вопросам повестки дня.

На наш взгляд, наиболее эффективным способом фиксации волеизъявления участников общего собрания является заполнение бюллетеней. В ряде случаев голосование посредством бюллетеней для участников хозяйственных обществ может являться обязательным. Например, соответствующая обязанность закреплена для акционерных обществ с числом голосующих акционеров более 50 лиц или для ситуаций проведения акционерным обществом голосования в заочной форме (пункт 1 статьи 60 ФЗ об АО).

Изначально бюллетень рассматривался, прежде всего, как бумажный документ. Однако современное российское законодательство позволяет для любых хозяйственных обществ закрепить порядок заполнения бюллетеней в электронном виде на сайте в сети «Интернет».

Бюллетень является документом, который непосредственно отражает волеизъявление участника корпорации. При использовании этого инструмента не происходит временного разрыва между самим волеизъявлением и его фиксацией, что, очевидно, минимизирует риски искажения воли участников и позволяет снизить нагрузку на лиц, осуществляющих подсчет голосов или составление

протокола, поскольку каждый член корпорации самостоятельно обеспечивает фиксацию своей воли.

При этом нельзя утверждать, что любой бюллетень позволяет полностью исключить риски фальсификации. Например, уничтожение или случайная утеря бумажного бюллетеня, а также подделка подписи на нем уже являются рисками, в связи с которыми мы не можем признать заполнение бумажного бюллетеня наиболее эффективным способом фиксации волеизъявления участников.

Согласимся с мнением И.С. Шиткиной и К.В. Севеевой, согласно которому личные кабинеты акционеров могут являться одним из механизмов идентификации личности участников корпорации и площадкой для направления заполненных бюллетеней¹²³. Одна из особенностей отправки бюллетеней через личный кабинет состоит в том, что личный кабинет может использоваться членами корпорации, физически присутствующими на собрании, участвующими дистанционно или голосующими заочно. То есть указанный механизм является универсальным.

Риск взлома личного кабинета аналогичен риску фальсификации бумажного бюллетеня, поэтому члены корпорации заинтересованы в максимальном обеспечении защищенного доступа в личный кабинет и безопасного осуществления операций в нем, в том числе – операций по заполнению и отправке бюллетеней.

На наш взгляд, в современных реалиях задачи по обеспечению защищенного доступа и безопасной отправке бюллетеней наиболее эффективно позволяет решить усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП) с неэкспортируемым закрытым ключом.

УКЭП представляет собой группу файлов с зашифрованной уникальной информацией о личности физического или юридического лица. Указанные файлы размещаются на определенном носителе (например, флеш-накопителе или сертифицированном токене). Создание файлов и размещение их на носителе осуществляет независимое лицо – удостоверяющий центр или государственный

¹²³ Шиткина И.С., Севеева К.В. Формы проведения общих собраний участников хозяйственных обществ: новеллы законодательства // Хозяйство и право. 2021. N 8. С.15.

орган (например, ФНС РФ). До выдачи и размещения файлов независимое лицо устанавливает личность и проверяет необходимые документы.

Если закрытый ключ (ряд файлов электронной подписи) является неэкспортируемым, то каким-либо образом перенести файлы на другой носитель невозможно. Это защищает файлы от третьих лиц. При этом, если любое действие с УКЭП требует ввода пароля, то для недобросовестного использования чужой электронной подписи необходимо одновременно совершить два действия: (1) завладеть единственным носителем (флеш-картой, токеном, жестким диском) и (2) получить информацию о пароле.

Для участников хозяйственных обществ может быть настроен вход и подписание документов в личном кабинете при помощи УКЭП. Это позволяет сделать заполнение и отправку бюллетеней, содержащих волеизъявление участников по конкретным вопросам повестки дня, наиболее безопасными и защищенными.

Однако при установлении механизма отправки бюллетеней посредством УКЭП в качестве обязательного и единственно возможного корпорация должна обеспечить каждого участника подписью и необходимым программным обеспечением. В противном случае возникает риск нарушения равенства прав участников, голосующих на собрании. Это, в свою очередь, может привести к признанию решения собрания недействительным (подпункт 3 пункта 1 статьи 181.4 ГК РФ). Обеспечение каждого акционера или участника общества с ограниченной ответственностью УКЭП и необходимым программным обеспечением является достаточно затратной задачей для корпорации.

Кроме того, использование УКЭП для голосования в качестве обязательного и единственного способа заполнения бюллетеней возможно не для всех хозяйственных обществ. Например, в соответствии с пунктом 4 статьи 60 ФЗ об АО заполнение электронной формы бюллетеней в сети «Интернет» может осуществляться акционерами, если они не реализовали свое право на участие в собрании иным образом. Указанная формулировка не позволяет публичным акционерным обществам полностью перейти на электронный вариант заполнения

бюллетеней. Для непубличных акционерных обществ (как и для обществ с ограниченной ответственностью) указанная проблема может быть решена посредством внесения в устав изменений порядка принятия решений на основании подпункта 5 пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ. Однако для ПАО проблема сохраняется.

Тем не менее, хотелось бы выразить надежду на то, что дальнейшее развитие технологий позволит максимально упростить и удешевить получение УКЭП, а совершенствование законодательства – переходить любым хозяйственным обществам на исключительно электронный порядок заполнения и направления бюллетеней, поскольку их подписание и отправка с помощью УКЭП является наиболее эффективным способом фиксации волеизъявления участников.

В качестве предложения по совершенствованию законодательства об акционерных обществах нами предлагается изложить пункт 4 статьи 60 ФЗ об АО в новой редакции, а также дополнить указанную статью пунктами 4.1 и 4.2.:

«4. При проведении общего собрания акционеров в форме заседания в обществах, осуществляющих направление или вручение бюллетеней в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи либо опубликование бланков бюллетеней в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, лица, включенные в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, или их представители вправе зарегистрироваться для участия в таком собрании либо направить заполненные бюллетени в общество. При осуществлении голосования на общем собрании акционеров в заочной форме в обществах, осуществляющих направление или вручение бюллетеней в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи либо опубликование бланков бюллетеней в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, лица, включенные в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, или их представители вправе направить заполненные бюллетени в общество.

4.1. Уставом общества может быть предусмотрено заполнение электронной формы бюллетеней лицом, имеющим право на участие в общем собрании акционеров, на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», адрес которого указан в сообщении о проведении общего собрания акционеров.

Заполнение электронной формы бюллетеней на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может осуществляться акционерами в ходе проведения общего собрания акционеров как в форме заседания, так и при заочном голосовании. При заполнении электронной формы бюллетеней на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» должны фиксироваться дата и время их заполнения. Заполнение электронной формы бюллетеней на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может осуществляться акционерами в ходе проведения общего собрания акционеров, если они не реализовали свое право на участие в таком собрании иным способом.

4.2. Уставом общества может быть предусмотрено заполнение и направление электронной формы бюллетеней лицом, имеющим право на участие в общем собрании акционеров, исключительно на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», адрес которого указан в сообщении о проведении общего собрания акционеров. В случае заполнения и направления электронной формы бюллетеней исключительно на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» каждому лицу, имеющему право на участие в общем собрании акционеров, должны обеспечиваться доступ к указанному сайту, а также обеспечиваться возможность получения носителя с электронной подписью лица, имеющего право на участие в общем собрании акционеров, если носитель с электронной подписью необходим для заполнения и направления формы бюллетеней при голосовании. Обеспечение доступа к сайту в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также обеспечение возможности получения носителя с электронной подписью осуществляется за счет общества. В случае заполнения и направления электронной формы бюллетеней исключительно на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не допускается реализация акционерами права на участие собрания иным способом.»

Указанное предложение, по нашему мнению, позволит осуществить полный переход на электронный формат заполнения и направления бюллетеней не только в непубличных хозяйственных обществах, но и публичных акционерных

обществах. Разумеется, полный переход на электронный формат заполнения бюллетеней потребует от корпорации увеличения расходов на обеспечение, прежде всего, возможности получения носителя с электронной подписью. Однако переход на полностью электронный формат возможен при наличии соответствующей оговорки в уставе, которая не будет внесена, если корпорация не располагает финансовыми возможностями к обеспечению акционеров необходимыми техническими средствами.

Использование УКЭП при голосовании в личном кабинете практически полностью исключает риски фальсификации бюллетеней. Однако, помимо этого, важно обеспечить неприкосновенность и защиту от сбоев той системы, в которую поступают эти бюллетени. Если, например, информация с результатами голосования поступает и находится исключительно на сервере хозяйственного общества или на облачном хранилище третьего лица, то в результате технического сбоя или действий/бездействия владельца хранилища информация может быть уничтожена или удалена. Да, искажение результатов голосования в связи с применением УКЭП представляется маловероятным, однако, УКЭП каждого участника (акционера) не защищает итоговое хранилище данных.

На наш взгляд, проблему создания хранилища данных, защищенных от сбоев и взломов, позволяет решить технология «блокчейн» (от англ. block chain – цепь из блоков). Если сформулировать упрощенное определение указанного инструмента (опуская ряд технических тонкостей без искажения общего смысла), то блокчейн – это распределенный реестр данных, обладающий свойством неизменности.

Технология распределенного реестра подразумевает, что данные хранятся не на одном устройстве (сервере, облачном хранилище и т.д.), а на устройствах всех участников обмена информации. В этой связи удаление информации на одном или нескольких устройствах не повлечет ее утрату, поскольку она будет сохранена на других устройствах. Если излагать еще проще, на каждом устройстве участников системы хранится резервная копия данных.

Свойство неизменности связано с технологией, заложенной в основу блокчейна. При совершении участником конкретной операции (транзакции)

создается блок информации (block), который присоединяется к существующей цепочке (chain) таких блоков. При этом соединенные между собой блоки защищены криптографическими методами, что не позволяет кому-либо изменять ранее созданные блоки информации. Можно лишь создавать новые.

Распределенный реестр и его неизменность – те самые преимущества, позволяющие минимизировать риски сбоев или внешних вмешательств в систему, в которую направляются результаты голосования участников общего собрания хозяйственных обществ (например, электронные бюллетени, подписанные УКЭП). Именно поэтому технология блокчейна является крайне перспективным инструментом для сохранения результатов волеизъявления членов корпорации.

Более того, следует согласиться с мнением Л.А. Новоселовой и Т.М. Медведевой, согласно которому блокчейн позволяет в режиме реального времени увидеть, насколько учтены все голоса при подведении итогов¹²⁴. Если эта технология была задействована, акционер или участник общества с ограниченной ответственностью после принятия собранием решения может зайти в свой личный кабинет и получить информацию об итогах голосования, а также порядке распределения всех голосов. Это создает базу для независимого и объективного контроля за деятельностью регистратора, председателя или, например, секретаря собрания.

В Российской Федерации уже разработаны системы голосования на собраниях посредством технологии блокчейна. Например, одна из таких систем была создана по заказу НКО АО «Национальный расчетный депозитарий»¹²⁵. Ее концепция заключается в том, что каждому акционеру предоставляется доступ к специальному сайту, при регистрации на котором этот акционер получает электронный кошелек. До начала общего собрания регистратор, выступающий в качестве администратора системы, направляет на кошелек каждого акционера количество токенов, соответствующих количеству голосов (например, 10 токенов

¹²⁴ Новоселова Л.А., Медведева Т.М. Блокчейн для голосования акционеров // Хозяйство и право. 2017. N 10. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁵ Подробнее см. URL: <https://vc.ru/crypto/30533-akcionery-cmogut-provodit-sobraniya-na-blokcheyn-platforme> (дата обращения - 10.01.2023 года).

при наличии 10 голосующих акций). Токен выступает некоторой «разменной монетой» внутри системы блокчейна. Для различных вариантов ответа (в том числе «за» или «против») регистратор создает отдельные кошельки, в которые акционеры направляют свои токены посредством заполнения электронных бюллетеней. В результате указанных операций принимается решение общего собрания акционеров и осуществляется моментальный подсчет голосов с сохранением преимуществ распределенного реестра и неизменности.

В научной и практической литературе можно встретить некоторые критические замечания в адрес технологии блокчейна и современного российского законодательства при проведении общих собраний. Авторы этих замечаний подчеркивают преимущества технологии, но обращают внимание на ряд ее уязвимостей в современных российских реалиях.

Например, Л.В. Санникова полагает, что система регистраторов в акционерных обществах противоречит идее блокчейна, поскольку основным преимуществом технологии является отсутствие посредников, а система должна быть независимой¹²⁶. Действительно, регистратор является обязательной фигурой, осуществляющей подсчет голосов и ведущей учет прав на акции. В приведенной выше системе НКО АО «НРД» регистратор фактически создает «правила игры», что не характерно для блокчейна. Ведь именно он распределяет токены в кошельках, создает кошельки для голосования и так далее.

Однако, на наш взгляд, внедрение полностью децентрализованного блокчейна в систему голосования участников общего собрания нецелесообразно. Корпоративное управление нередко осложняется обстоятельствами, установить которые без вмешательства человека проблематично, а заранее создать под них готовые алгоритмы и вовсе невозможно. Например, если по некумулятивным привилегированным акциям не выплатят дивиденды, их владельцы могут приобрести права голоса (а значит – условные токены в своем кошельке). Отслеживание подобных факторов без участия человека не всегда возможно и

¹²⁶ Санникова Л.В. Блокчейн в корпоративном управлении: проблемы и перспективы // Право и экономика. 2019. N 4. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

целесообразно. Сама по себе фигура регистратора как администратора блокчейна не является угрозой для защищенности системы хранения информации, если задействованы свойства распределенного реестра и неизменности. Очевидно, что регистраторы не должны иметь возможность изменить блоки (голоса) в цепочке, то есть нарушить свойство неизменности системы. Также регистраторы не могут нарушить технологию распределенного реестра, то есть удалять информацию по собственному желанию или в связи с выходом из строя оборудования, поскольку информация хранится на устройствах всех участников системы.

Одной из уязвимостей блокчейна при голосовании на общем собрании А. Марков, Ю. Цыкало, Д. Базин считают текущие правила составления протокола об итогах голосования в акционерных обществах. Авторы полагают, что протокол об итогах голосования, составляемый и подписываемый регистратором, и данные об итогах голосования в личном кабинете акционера, формируемые объективно на основе функционирования блокчейна, могут вступить в противоречие между собой по содержанию. Это, в свою очередь, в некоторой степени нивелирует преимущества блокчейна, поскольку акционерам придется доказывать несоответствие протокола об итогах голосования фактическому распределению голосов¹²⁷.

На наш взгляд, указанное замечание, напротив, подчеркивает одно из основных преимуществ блокчейна в корпоративном управлении. Разумеется, можно поставить цель выстроить полностью независимую и автоматизированную систему подсчета голосов «под ключ» (от подачи электронных бюллетеней до формирования итоговых протоколов), нивелировав риск ошибки или недобросовестного поведения регистратора, как в предыдущем примере. Однако можно также поставить цель создания объективной и неискажаемой информации, которая может послужить весомым доказательством в суде, средством самоконтроля регистратора и даже барьером от злоупотреблений. Регистратор не

¹²⁷ Марков А., Цыкало Ю., Базин Д. Блокчейн в корпоративном управлении: можно ли использовать эту технологию для голосования на общих собраниях уже сейчас? // Корпоративные стратегии. 2018. N 43 (9759). URL: <https://www.eg-online.ru/article/384162/> (дата обращения: 05.02.2022).

допустит ошибку в протоколе об итогах голосования, если сверит информацию с данными блокчейна. Регистратор не будет рисковать своей репутацией или свободой своих контролирующих лиц, если его недобросовестные действия могут быть без особых сложностей выявлены на основе результатов объективного (параллельного) подсчета голосов.

Однако с одной из проблем блокчейна, выделяемых А. Марковым, Ю. Цыкало и Д. Базиным мы согласимся. Если акционеры ПАО решат голосовать бумажными бюллетенями, а не в электронном виде, то пункт 4 статьи 60 ФЗ об АО в текущей редакции позволит им это сделать¹²⁸. Это означает, что в системе блокчейна будут задействованы не все акционеры, что исказит объективные результаты голосования и вынудит регистратора сопоставлять волеизъявления, полученные при использовании технологии, и бумажные бюллетени. Данные в личном кабинете акционера не будут объективными, а голоса лиц, принимающих участие в собрании в традиционной форме, не получают преимуществ распределенного реестра и неизменности.

Впрочем, как и в случае с использованием УКЭП, можно выразить надежду на то, что в обозримом будущем законодатель позволит беспрепятственно использовать технологию блокчейна всем хозяйственным обществам, а не только непубличным. Предложение по совершенствованию законодательства, сформулированное нами ранее, позволит решить указанную проблему и внедрить блокчейн в качестве системы накопления и хранения данных о результатах голосования на общем собрании участников акционерных обществ.

Итак, на наш взгляд, наиболее эффективным способом фиксации волеизъявления участников общего собрания является заполнение бюллетеней. Бюллетень представляет собой документ, который непосредственно отражает волеизъявление участника корпорации. При использовании этого инструмента не происходит временного разрыва между самим волеизъявлением и его фиксацией, что, очевидно, минимизирует риски искажения воли участников и позволяет

¹²⁸ Марков А., Цыкало Ю., Базин Д. Указ. соч.

снизить нагрузку на лиц, осуществляющих подсчет голосов или составление протокола, поскольку каждый член корпорации самостоятельно обеспечивает фиксацию своей воли. В современных реалиях задачи по обеспечению защищенного доступа и безопасной отправке бюллетеней наиболее эффективно позволяет решить усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП) с неэкспортируемым закрытым ключом.

Проблему создания хранилища данных, защищенных от сбоев и взломов, позволяет решить технология «блокчейн» (от англ. block chain – цепь из блоков). Именно указанная технология является инструментом для сохранения результатов волеизъявления членов корпорации, в том числе полученных посредством заполнения бюллетеней. Указанная задача достигается за счет свойств распределенного реестра и неизменности, которыми обладает блокчейн.

§7. Правовая природа и перспективы развития института подтверждения состава участников и факта принятия решения общих собраний участников хозяйственных обществ

Институт подтверждения состава участников и факта принятия решения общим собранием хозяйственного общества получил прямое закрепление в российском законодательстве. В ряде случаев такое подтверждение является обязательным.

Пунктом 3 статьи 67.1 Гражданского кодекса РФ для ПАО, АО и ООО установлены индивидуальные способы подтверждения факта принятия решения и состава участников на заседании общего собрания. В ПАО подтверждение производит лицо, осуществляющее ведение реестра акционеров (регистратор). В непубличном АО – регистратор или нотариус. В ООО – по общему правилу, нотариус, однако, уставом или единогласным решением участников может быть установлен иной способ подтверждения.

Для обществ с ограниченной ответственностью на уровне судебной практики возможность выбора иного (альтернативного) способа подтверждения единогласием участников была в некоторой степени упразднена. Президиум Верховного Суда РФ в пункте 2 Обзора судебной практики от 25.12.2019 года выразил правовую позицию, согласно которой переход к альтернативному способу подтверждения (от нотариального) в любом случае подлежит нотариальному удостоверению¹²⁹. Согласимся с мнением Д.И. Степанова о том, что указанная правовая позиция Президиума ВС РФ явилась попыткой создать новые нормы права, противоречащие действующему законодательству¹³⁰, в связи с чем юридическая сила пункта 2 Обзора судебной практики от 25.12.2019 года может быть поставлена под сомнение¹³¹.

¹²⁹ Пункт 2 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019)

¹³⁰ Степанов Д.И. Опасность контрмэжоритаризма при оспаривании корпоративных решений // Закон. 2020. N 11. С. 63 - 75; N 12. С. 154 - 188; 2021. N 1. (Приведено по СПС «КонсультантПлюс»).

¹³¹ Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 9. (Приведено по СПС «КонсультантПлюс»).

Действительно, из буквального толкования российского законодательства, на наш взгляд, нельзя сделать вывод об обязательном нотариальном удостоверении факта принятия решения и состава участников общества с ограниченной ответственностью, если альтернативный способ подтверждения установлен единогласным решением участников общего собрания. Однако налоговые органы¹³² и нотариат¹³³ восприняли позицию Президиума Верховного Суда РФ и укрепили её собственными разъяснениями. Как следствие, необходимо учитывать, что положения законодательства о подтверждении состава участников и факта принятия решения общего собрания участников хозяйственных обществ на практике применяются в неотрывной связи с содержанием пункта 2 Обзора Президиума ВС РФ от 25.12.2019 года, несмотря на его дискуссионность.

Нашей задачей является не комментирование положений законодательства или правовых позиций, выработанных в судебной практике, а анализ правовой природы и значения института подтверждения состава участников и факта принятия решения. Однако без вводного описания законодательного регулирования такой анализ не был бы полноценным. Для удобства изложения в дальнейшем подтверждение состава участников и факта принятия решения общего собрания участников хозяйственного общества мы будем именовать в качестве «института подтверждения» или «подтверждения».

Институт подтверждения подразумевает, что при принятии решения собрания должно быть зафиксировано два факта: факт наличия состава участников на определенный момент времени и факт принятия самого решения. Согласимся с мнением И.В. Бакаевой, в соответствии с которым введение института подтверждения является инструментом борьбы с различного рода злоупотреблениями в области корпоративного права, в частности, подделкой протоколов, отражением неверных результатов голосования, включением вопросов

¹³² Письмо ФНС России от 31.12.2020 N KB-4-14/22005 "О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов N 4 (2020)" (Приведено по СПС «КонсультантПлюс»)

¹³³ Письмо ФНП от 15.01.2020 N 121/03-16-3 "О применении некоторых положений обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019" (Приведено по СПС «КонсультантПлюс»)

повестки дня, не являющихся предметом обсуждения, и так далее. Посредством совершения указанных действий нередко осуществлялись рейдерские захваты и незаконное приобретение корпоративного контроля¹³⁴.

Нотариус или, например, регистратор выступают в качестве третьих независимых лиц, верифицирующих факты, значимые для принятия решения собрания, что, конечно, создает дополнительный механизм обеспечения правовой безопасности корпоративного управления. В обществах с ограниченной ответственностью для снижения финансовых издержек корпорации институт подтверждения может быть реализован без обращения к третьим лицам. Например, устав ООО может содержать положения о подтверждении состава участников и факта принятия решения участников посредством подписания протокола всеми членами корпорации или посредством видео-фиксации хода собрания, на котором принимаются соответствующие решения.

Важно подчеркнуть, что в российском законодательстве институт подтверждения урегулирован лишь для очных собраний (заседаний). Если решение общего собрания участников принимается в заочной форме, то требование подтверждения состава участников и факта принятия решения не установлено. Однако не так просто понять логику законодателя, по которой, например, факт принятия решения в заочной форме не подлежит подтверждению. Возможно, это связано с полной документальной фиксацией волеизъявлений голосующих членов корпораций, в связи с чем подтверждение рассматривается как нецелесообразное, хотя защита от злоупотреблений лиц, осуществляющих подсчет голосов, в данном случае обеспечивается не в полной мере.

С доктринальной точки зрения, на наш взгляд, интерес представляет следующий вопрос: каким образом можно квалифицировать действия по подтверждению?

Если рассматривать операции, совершаемые нотариусом или регистратором при подтверждении, однозначно можно установить признаки юридического акта.

¹³⁴ Бакаева И.В. Подтверждение решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

Поскольку действия указанных лиц являются волевыми и создают определенные правовые последствия, то выступают в качестве юридического факта в рамках состава, направленного на принятие решение. При этом особый интерес вызывает вопрос – можно ли действия регистратора или нотариуса по подтверждению квалифицировать в качестве сделки?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос является отрицательным. Нотариус или регистратор, осуществляя подтверждение факта принятия решения или состава участников, исполняют свое обязательство, взятое перед корпорацией или иным лицом. Принятие общим собранием решения не является объектом правовой воли нотариуса или регистратора, в этой связи единственной причиной, по которой подтверждение, осуществленное указанными лицами, может потенциально рассматриваться в качестве сделки является квалификация надлежащего исполнения, поскольку надлежащее исполнение прекратит обязательство.

По нашему мнению, справедливым представляется позиция А.В. Егорова, согласно которой волевое действие по исполнению обязательства само по себе не может рассматриваться в качестве сделки, если наличие или отсутствие правовой воли на ее заключение не имеет значения¹³⁵. Правовая воля подразумевает желание лица создать определенные правовые последствия, за которым правопорядок признает юридическое значение. Сделка является юридическим фактом, зависящим от правовой воли. Если правовая воля отсутствует, а юридический факт все равно создает определенные правовые последствия, то такой юридический факт нельзя квалифицировать в качестве сделки.

Исполнение обязательств по подтверждению нотариусом или регистратором создаст определенные правовые последствия независимо от учета их правовой воли и независимо от того, желают ли они исполнения своих обязательств или нет. Обязательство будет выполнено, если действия лица совершены в соответствии с точным содержанием этого обязательства. Их намерения по исполнению правового значения не имеют. В этой связи действия нотариуса или регистратора по

¹³⁵ Егоров А.В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

подтверждению не могут быть квалифицированы и оспорены в качестве самостоятельных сделок.

Несколько иную квалификацию должны получить действия самих участников корпорации по подтверждению состава участников собрания и факта принятия решения. В обществах с ограниченной ответственностью, как ранее было отмечено, может быть предусмотрен, например, порядок подтверждения решений и состава посредством подписания протокола всеми членами корпорации. Являются ли их действия в этом случае самостоятельными сделками?

На наш взгляд, указанные действия не являются сделками по той же причине, по которой мы не можем признать сделками действия участников по голосованию за принятие решения собрания. Важно учитывать не только значение правовой воли в создании правовых последствий определенным действием, но и направленность правовой воли. В случае с подписанием участниками протокола в рамках подтверждения факта принятия решения или состава участников правовая воля членов корпорации направлена на создание юридических последствий решением собрания. Само по себе подписание протокола не создает таких правовых последствий. Их создает решение общего собрания как самостоятельный юридический факт.

Как было ранее отмечено, для обществ с ограниченной ответственностью законодательством установлен открытый перечень способов подтверждения факта принятия решения и состава участников общего собрания. Члены корпорации могут закрепить способ, отличный от нотариального, в уставе. Одним из таких способов может выступить, например, видео-фиксация.

Квалифицировать видео-фиксацию в качестве юридического акта, на наш взгляд, невозможно, поскольку она представляет собой технический процесс, обеспечивающий доказательства фактов принятия решения и фактов наличия состава участников на определенный момент времени. Однако в качестве юридических актов могут быть квалифицированы действия лиц, осуществляющих запуск видеосъемки, установление надлежащего ракурса, настройку оборудования и так далее.

Действия этих лиц не могут быть признаны сделками, так как при отсутствии у них статуса участников отсутствует правовая воля, направленная на юридические последствия, созданные подтверждением факта принятия решения или состава участников (за исключением случая исполнения ими обязательств, содержанием которого выступит подтверждение). При исполнении обязательств в виде подтверждения, как в случае с нотариусом и регистратором, правовая воля не имеет значения для создания правовых последствий, а потому признаки сделки также отсутствуют.

Если лица, осуществляющие запуск видеоборудования, сами являются участниками, то их правовая воля направляется не на запуск оборудования, а на принятие решения. В этой связи признаки сделки в их действиях также отсутствуют.

Несмотря на то, что институт подтверждения факта принятия решения и состава участников является инструментом дополнительной защиты от фальсификаций и злоупотреблений, нельзя не отметить ряд его изъянов.

А.А. Кузнецов высказывает мнение о том, что некоторые особенности регулирования института подтверждения практически сводят на нет свойства его превентивной защиты. Во-первых, подтверждение не обязательно для заочных собраний, на которых могут быть приняты решения практически по всем вопросам компетенции общего собрания участников хозяйственного общества. Во-вторых, в обществах с ограниченной ответственностью подтверждение фактически является диспозитивным, поскольку перечень способов подтверждения является открытым. В-третьих, подтверждение факта принятия решения и состава участников не подразумевают проверку законности принятия решения собрания¹³⁶.

Последняя особенность характерна не для всех способов подтверждения. Например, нотариус, удостоверяющий факт принятия решения и состав участников общего собрания, проверяет правоспособность юридического лица, компетенцию органа в части принятия решения, наличие кворума и устанавливает наличие

¹³⁶ Кузнецов А.А. Оспаривание реорганизации хозяйственных обществ // Вестник гражданского права. 2020. N 3. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

голосов, достаточных для принятия решения. Более того, нотариус вправе отказать в удостоверении, если для него очевидна ничтожность решения собрания¹³⁷.

Т.С. Яценко полагает, что нотариус дает гарантию того, что решение общего собрания непубличного хозяйственного общества не является недействительным и подтверждает его законность¹³⁸.

На наш взгляд, значение нотариального удостоверения факта принятия решения и состава участников не следует переоценивать. Конечно, круг обстоятельств, устанавливаемых нотариусом шире, чем при подтверждении, осуществляемом иными лицами. Однако нотариальное удостоверение не лишает членов корпорации или иных правомочных лиц возможности оспаривать решения собрания и ссылаться на нарушения, совершенные при его принятии. Нотариус может допустить ошибку даже при тщательном анализе всех имеющихся обстоятельств.

Анализируя институт подтверждения состава участников и факта принятия решения общего собрания участников, мы приходим к выводу о его важности для имущественного оборота и необходимости дальнейшего совершенствования.

Функционал этого института по ряду аспектов совпадает с функционалом обеспечения надлежащей фиксации волеизъявления членов корпорации при голосовании за принятие решения. В этой связи законодатель проявляет некоторый патернализм и исходит из того, что участники и менеджмент корпорации не всегда имеют возможность или познания для создания защищенной и независимой системы фиксации выражения воли при принятии решений, поэтому необходим дополнительный и, по общему правилу, объективный способ подтверждения состава участников и факта принятия решения.

Однако функционал института подтверждения не ограничивается лишь защитой самих участников корпорации. Например, если нотариус удостоверяет факт принятия решения и состав участников, такое решение вызывает большее

¹³⁷ Статья 103.10 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) // РГ, N 49, 13.03.1993.

¹³⁸ Яценко Т.С. Значение нотариального удостоверения корпоративных решений в системе гражданско-правовых мер охраны публичных интересов // Нотариус. 2014. N 7. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

доверие у регистрирующих органов и контрагентов корпорации. Разумеется, способы подтверждения, установленные в обществах с ограниченной ответственностью на основе принципа диспозитивности, вероятно, не будут обладать таким же репутационным эффектом, как нотариальный, однако, вряд ли повысят степень недоверия к решению (протоколу).

На наш взгляд, необходимо разрешить проблему противоречия законодательства и разъяснений Президиума Верховного Суда РФ, содержащихся в Обзоре судебной практики от 25.12.2019 года.

Либо следует внести изменения в подпункт 3 пункта 3 статьи 67.1 Гражданского кодекса РФ о том, что переход к альтернативному способу подтверждения факта принятия решения и состава участников подлежит нотариальному удостоверению и не может быть подтвержден единогласным решением участников общества.

Либо следует на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ подтвердить возможность перехода к альтернативному способу подтверждения единогласным решением всех участников корпорации без нотариального удостоверения, таким образом дав буквальное толкование закона. По нашему мнению, именно указанный вариант является наиболее целесообразным и правильным, поскольку в полной мере обеспечивает действие принципа законности и принципа правовой определенности.

Глава 3. Теоретические основы и основания недействительности решений общих собраний участников хозяйственных обществ в российском праве

§1. Теоретические основы недействительности решений общих собраний участников хозяйственных обществ

1.1. Понятие и правовые последствия недействительности решений общих собраний участников хозяйственных обществ.

В российском праве как применительно к решениям собраний, так и применительно к сделкам получил закрепление институт недействительности. Недействительность решения собрания подразумевает, что оно не порождает правовых последствий с момента его принятия. При этом недействительность может иметь место в силу оспоримости решения или в силу его ничтожности.

Если решение является оспоримым, то недействительность не наступит до вынесения соответствующего судебного постановления. При вынесении судебного постановления, устанавливающего факт оспоримости, недействительность возникнет с момента принятия решения собрания (то есть с ретроспективным эффектом).

Если решение является ничтожным, то недействительность наступит независимо от вынесения судебного постановления. То есть каждый участник имущественного оборота вправе будет исходить из того, что решение не создало правовых последствия, даже если основание ничтожности не подтверждено на судебном уровне.

Крайне важным представляется найти ответ на следующий вопрос: что означает отсутствие правовых последствий решения общего собрания участников хозяйственного общества? В.А. Мосин, выделяет минимум четыре возможных последствия признания недействительным решения органа управления корпорацией: (1) решение не влечет возникновения прав и обязанностей, (2) возврат исполненного на основании решения, (3) создание предпосылки для оспаривания других юридических фактов, (4) особые последствия

недействительности решения, установленные законодательством (например, признание реорганизации несостоявшейся)¹³⁹.

Первое из приведенных последствий (решение не влечет возникновение прав и обязанностей), в целом, не вызывает возражений. Например, если недействительным решением общего собрания было избрано лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, то лицо будет признано не приобретшим полномочий единоличного исполнительного органа с момента принятия решения. Однако в части отсутствия возникновения у лица обязанностей в силу недействительного решения необходимо в каждом конкретном случае обращать внимание на положения законодательства и сложившуюся судебную практику. Например, на уровне Высшего Арбитражного Суда РФ¹⁴⁰ и Верховного Суда РФ¹⁴¹ была выражена правовая позиция о том, что незаконное осуществление директором полномочий (в том числе на основе недействительного решения собрания) не отменяет необходимость действовать добросовестно и разумно в интересах общества¹⁴².

Формулировку о том, что недействительное решение собрания не влечет возникновения прав и обязанностей, следует признать не совсем точной. Если, к примеру, недействительным решением общего собрания утверждается новая редакция устава, то проблематично установить, какие конкретно права и обязанности должны быть аннулированы. В этой связи, на наш взгляд, наиболее правильным будет признать, что недействительное решение собрания не порождает правовых последствий с момента его принятия.

Второе из последствий недействительности решения органа корпоративного управления, которое выделяет В.А. Мосин, состоит в необходимости возврата исполненного. При этом автор подчеркивает, что для восстановления нарушенного

¹³⁹ Мосин В.А. Недействительность решений органов управления корпораций: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2018. С.80.

¹⁴⁰ Постановление Президиума ВАС РФ от 22.10.2013 N 1114/13 по делу N A09-3212/2010

¹⁴¹ Определение Верховного Суда РФ от 08.02.2016 N 309-ЭС15-18851 по делу N A60-54477/2014

¹⁴² Научно-практический комментарий к Федеральному закону "Об обществах с ограниченной ответственностью": в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2021. Т. 2. Автор комментария к статье – И.С. Шиткина (приведено по СПС «КонсультантПлюс»)

права (возврата полученного имущества на основании решения) может быть предъявлен виндикационный или кондикционный иск¹⁴³, а последствия возврата полученного имущества не наступают автоматически при признании решения собрания недействительным¹⁴⁴. Но ведь, если недействительность решения автоматически не повлечет обязанности возврата, полученного по этому решению, то на каком основании этот возврат следует признать последствием недействительности? Вероятно, лишь в части возникновения некоторого юридического факта в виде недействительности, который будет учтен судом при рассмотрении иного спора о праве. При этом указанный юридический факт будет связан именно с первым из рассмотренных результатов недействительности решения, а именно – отсутствием возникновения гражданско-правовых последствий.

Следует отметить, что проблема возврата полученного имущества по недействительному решению собрания участников хозяйственного общества является значимой с практической точки зрения. Например, на основании решения собрания может возникнуть право участников хозяйственного общества получить дивиденды или право участника общества с ограниченной ответственностью получить в натуральной форме действительную стоимость доли в процессе выхода (при согласии участника), если уставом закреплена возможность выхода из общества на основании решения общего собрания участников. Таким образом, решение общего собрания участников хозяйственного общества может выступать в качестве юридического факта-основания для получения как движимого, так и недвижимого имущества.

Разумеется, признание решения собрания недействительным создаст юридическое основания для подачи виндикационного или кондикционного иска. Однако также может возникнуть вопрос – применима ли к недействительному решению общего собрания участников хозяйственного общества реституция?

¹⁴³ Мосин В.А. Указ. соч. С.78.

¹⁴⁴ Мосин В.А. Указ. соч. С.79.

В российском праве реституция урегулирована исключительно для сделок (пункт 2 статьи 167 ГК РФ). Согласимся с позицией К.И. Скловского о том, что при признании сделки недействительной суд обязан применять реституцию, за исключением случаев, если у лица, заявляющего требование о признании ничтожной сделки, имеется охраняемый законом интерес в неприменении последствий возврата¹⁴⁵. То есть механизм реституции сам по себе является автоматическим, за рядом исключений, установленных законом. Если бы к решениям собраний применялся механизм реституции, то, например, оспаривание в суде решения о выплате дивидендов автоматически повлекло бы обязанность по возврату денежных средств, независимо от заявления кондикционного иска.

Современное российское законодательство не регулирует механизм реституции для решений собраний. Поскольку решение собрания сделкой не является, прямое применение положений пункта 2 статьи 167 ГК РФ к решениям общих собраний участников хозяйственных обществ невозможно. При этом применение норм о реституции по аналогии также представляется недопустимым, поскольку оспаривание и, в частности, правовые последствия недействительности решений собраний прямо урегулированы положениями Гражданского кодекса РФ (статьи 181.3 – 181.5 Кодекса).

Необходима ли российскому праву прямо урегулированная реституция как одно из правовых последствий недействительности решения собрания? Представляется, что прямое регулирование реституции может существенно снизить процессуальные издержки корпораций. Например, если решение собрания о выплате дивидендов десяти тысячам акционеров будет признано недействительным и автоматически повлечет обязанность возврата полученных денежных средств, то у корпорации не возникнет необходимости подавать кондикционный иск к каждому акционеру. Поскольку суд в решении прямо подтвердит обязанность по возврату, корпорация без каких-либо проблем сможет,

¹⁴⁵ Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. Раздел II, подраздел Некоторые аспекты соотношения реституции и кондикции, автор подраздела – К.И. Скловский. Москва: Статут, 2020.

например, в следующем году произвести односторонний зачет при очередной выплате дивидендов.

Возвращаясь к анализу предложенных В.А. Мосиным последствий недействительности решения органа управления корпорации, следует сделать вывод, на наш взгляд, о нецелесообразности отдельного выделения третьего последствия (создание предпосылки для оспаривания других юридических фактов) и четвертого последствия (особые последствия недействительности, установленные законодательством – например, признание реорганизации несостоявшейся).

Примером юридического факта, предпосылка оспаривания которого создана недействительностью решения собрания, может послужить сделка, заключенная во вред корпорации и на совершение которой было получено неправомерное согласие общего собрания, о чем другая сторона сделки знала. В данном случае создание предпосылки для оспаривания сделки вытекает из первого и основного последствия недействительности решения собрания – признания отсутствия создания гражданско-правовых последствий, которое будет учитывать суд при рассмотрении спора о признании недействительной сделки. В этой связи выделение создания такой предпосылки как самостоятельного последствия недействительности решения собрания нецелесообразно.

Аналогичный вывод можно сделать применительно к особым последствиям недействительности решений собраний, установленным законом (несостоявшаяся реорганизация и так далее). Каждое из особых последствий недействительности решений собраний фактически является самостоятельным способом защиты права, при реализации которого будет учтено отсутствие создания правовых последствий недействительным решением собрания.

Как следствие, можно прийти к выводу о том, что в современном российском праве регламентирован лишь один результат недействительности решения общего собрания участников хозяйственных обществ – признание отсутствия (не возникновение) гражданско-правовых последствий, порождаемых решением.

Институт недействительности решений собраний является крайне важным, а в некоторых случаях – единственно возможным инструментом защиты прав участников хозяйственных обществ. А.А. Кузнецов полагает, что указанный институт является маргинальным для англо-американских порядков в силу преобладающей дисперсной структурой уставного капитала¹⁴⁶. На наш взгляд, даже если бы в Российской Федерации не преобладала концентрированная структура уставного капитала – институт недействительности решений не утратил бы свою актуальность. Это обусловлено историческим развитием отечественных способов защиты права. Для признания решений собраний об утверждении новой редакции устава, получении согласия на совершение сделки, увеличении уставного капитала и т.д. используется именно инструмент недействительности. Какие-либо альтернативные способы защиты прав (признание незаконным решения о государственной регистрации, недействительным положения устава, увеличения уставного капитала несостоявшимся и т.д.) являются недостаточными, а зачастую – ненадлежащими или несуществующими вовсе.

В научной доктрине можно встретить точку зрения о том, что недействительное решение собрания следует отграничивать от непринятых (несостоявшихся), когда такое решение собрания отсутствует как юридический факт, например, если его нельзя объективно установить¹⁴⁷. Против необходимости выделения института признания решения собрания непринятым выступали, в частности, А.В. Егоров¹⁴⁸, А.А. Маковская¹⁴⁹, А.А. Кузнецов¹⁵⁰ и Д.И. Степанов¹⁵¹, полагая, что несостоявшееся решение является ничтожным.

¹⁴⁶ Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁷ Мосин В.А. Недействительность решений органов управления корпораций: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2018. С.64.

¹⁴⁸ Егоров А.В. Решения собраний кредиторов при банкротстве: комментарий к Обзору судебной практики Верховного суда // Журнал РШЧП. 2019. N 5. С. 61 - 64

¹⁴⁹ Маковская А.А. Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества. С. 355

¹⁵⁰ Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

¹⁵¹ Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021.

С одной стороны, целесообразной представляется аргументация противников несостоявшегося решения, поскольку ничтожный юридический факт не порождает правовых последствий, следовательно, юридическим фактом не является.

С другой стороны, в выделении и развитии института непринятого решения можно обнаружить рациональное зерно. Признание решения собрания несостоявшимся может быть актуально именно как юрисдикционный, а точнее – судебный способ защиты права, когда заинтересованное лицо намерено подтвердить отсутствие факта возникновения решения собрания посредством судебного постановления (например, если директор при обосновании разумного поведения ссылается на несуществующее решение общего собрания участников хозяйственного общества о получении согласия на совершение сделки). К тому же, тезис о том, что недействительное (в том числе ничтожное) решение собрания перестает быть юридическим фактом является бесспорным. К.И. Скловский, исследующий правовые последствия недействительности сделок, отмечает, что лишение сделки действия превращает ее в другой юридический факт. Недействительная сделка может, например, прервать исковую давность¹⁵². Аналогичные рассуждения могут быть применимы и к решениям собраний в части отсутствия ситуации полного аннулирования юридического факта при недействительности.

По нашему мнению, поддержать следует позицию авторов, выступающих против института признания решения собрания непринятым. Если лицо обладает материально-правовым интересом, который защищается или может быть защищен в суде посредством существующих способов защиты права, то достаточно сослаться на ничтожность несостоявшегося решения без заявления отдельного искового требования. Например, если директор в обоснование своей разумности указывает на несуществующее решение собрания – суд проигнорирует указанный довод и рассмотрит спор о привлечении к ответственности за неразумное

¹⁵² Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. Москва: Статут, 2019. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

поведение так, как будто соответствующий довод в обоснование позиции не заявлялся вовсе.

Если лицо не обладает материально-правовым интересом, который защищается или может быть защищен в судебном порядке, то суд превращается в справочную службу, выносящую постановление по той лишь причине, что истец вознамерился получить документ о несуществующем решении собрания. Справедливым представляется мнение советских процессуалистов о том, что требования, не основанные на правовых нормах, и интерес, не защищаемый правом, не могут быть предметом судебного разбирательства. Если нет предмета судебной защиты, процесс лишается цели¹⁵³. Само по себе желание получить подтверждающий документ в суде не должно являться исчерпывающим основанием для удовлетворения иска, как следствие, для всех случаев, когда якобы существующее решение общего собрания препятствует защите прав и законных интересов, ссылки на ничтожность такого решения будет достаточно. Внедрение в российское право института несостоявшегося решения собрания создаст проблему разграничения оснований такого решения и оснований недействительного решения, а также проблему возможного отказа в иске в связи с выбором ненадлежащего способа защиты права.

Для тех случаев, когда правовой интерес лица состоит именно в получении судебного постановления об отсутствии возникновения правовых последствий решения собрания – институт признания ничтожного решения общего собрания недействительным, который будет рассмотрен далее, успешно справится с этой задачей.

Если же анализировать аргумент о том, что недействительное (в том числе ничтожное) решение собрания является трансформированным юридическим фактом, а несостоявшееся решение юридическим фактом не является вовсе, то в очередной раз возникает вопрос в целесообразности выделения института несостоявшегося решения. Если суд констатирует отсутствие юридического факта

¹⁵³ Чечина Н.А. Судебная деятельность и предмет судебного решения // Вестник Ленинградского университета. N 5. Серия экономики, философии и права. 1959. Вып. 1. С. 91.

и это не влечет никаких правовых последствий (например, как в случае с недействительностью), то иск сводится либо к признанию права, либо признанию права отсутствующим. Но ведь недействительность решения собрания также позволяет решить любую из указанных задач.

Несмотря на то, что институт недействительности решений собраний в силу оспоримости и ничтожности получил прямое закрепление в Гражданском кодексе РФ лишь в 2013 году¹⁵⁴, для хозяйственных обществ оспоримость и ничтожность решений собраний были урегулированы значительно раньше.

При вступлении в силу ФЗ об акционерных обществах (в 1996 году) в изначальной редакции пункта 8 статьи 47 указанного закона была закреплена возможность акционера оспаривать в суде решения общих собраний, принятые с нарушением закона. Аналогичная возможность была установлена для участников обществ с ограниченной ответственностью при вступлении в силу ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью (в 1998 году) пунктом 1 статьи 43 указанного закона.

На уровне совместных постановлений Пленумов Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ для акционерных обществ (в 1997 году)¹⁵⁵, а затем - для обществ с ограниченной ответственностью (в 1999 году)¹⁵⁶ была регламентирована обязанность суда исходить из того, что решения общих собраний, принятые с рядом нарушений (например, при отсутствии необходимого большинства или кворума), не имеют юридической силы независимо от их оспаривания кем-либо из участников. Позднее, в 2009 году¹⁵⁷, указанные правила были закреплены в пункте 10 статьи 49 ФЗ об АО и пункте 6 статьи 43 ФЗ об ООО.

Хотя в специальных законах о хозяйственных обществах до настоящего времени отсутствует прямое упоминание терминов «оспоримость» и

¹⁵⁴ Федеральный закон от 07.05.2013 N 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ, 13.05.2013, N 19, ст. 2327.

¹⁵⁵ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 4, Пленума ВАС РФ N 8 от 02.04.1997 "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об акционерных обществах"

¹⁵⁶ Пункт 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 90, Пленума ВАС РФ N 14 от 09.12.1999 "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью"

¹⁵⁷ Федеральный закон от 19.07.2009 N 205-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ, 20.07.2009, N 29, ст. 3642

«ничтожность», возможность оспаривания решений общих собраний в суде является полным аналогом «оспоримости», а отсутствие юридической силы решения общего собрания независимо от обжалования в судебном порядке – полным аналогом ничтожности.

В российском праве параллельно существует два перечня оснований оспоримости и ничтожности. Один регламентирован в Гражданском кодексе РФ для решений любых собраний, а не только общих собраний участников. Второй регламентирован в специальных законах об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью соответственно.

В этой связи возникает проблема соотношения указанных перечней и приоритетного применения оснований. Например, в статье 181.4 ГК РФ установлены такие основания оспоримости решений собраний, как нарушение прав равенства участников или существенное нарушение правил составления протокола. В статье 181.5 ГК РФ регламентировано такое основание ничтожности решения собрания, как противоречие основам правопорядка и нравственности. В специальных законах о хозяйственных обществах приведенные основания отсутствуют.

Если исходить из буквального толкования пункта 1 статьи 181.1 Гражданского кодекса РФ – положения о решениях собраний, предусмотренные Кодексом, применяются, если специальными законами не предусмотрено иное. Однако Верховный Суд РФ в пункте 104 Постановления Пленума №25 от 23.06.2015 года разъяснил, что положения Гражданского кодекса РФ о решениях собраний применяются не только в части, не урегулированной специальными законами, но и в части, конкретизирующей их. В частности, Верховным Судом РФ была прямо закреплена возможность применять основания оспоримости и ничтожности, установленные Гражданским кодексом РФ, для общих собраний хозяйственных обществ.

Таким образом, на уровне Верховного Суда РФ была подтверждена возможность применения при оспаривании решений общих собраний участников хозяйственных обществ оснований недействительности, установленных

Гражданским кодексом РФ, но не предусмотренных специальными законами (например, основания ничтожности в силу противоречия решения собрания основам правопорядка и нравственности).

Тем не менее нельзя утверждать, что Верховный Суд РФ посредством разъяснений, выраженных в Постановлении Пленума №25, разрешил все проблемы, касающиеся соотношения норм о недействительности решений собраний, установленных Гражданским кодексом РФ и специальными законами. В частности, не разрешена проблема противоречия в формулировках так называемого принципа каузальности (более подробно этот принцип будет раскрыт далее при исследовании подходов к регулированию оснований недействительности решений собраний).

Принцип каузальности подразумевает, что нарушение признается достаточным для оспаривания решения собрания, если такое нарушение соответствует ряду критериев. Указанный принцип применяется лишь при заявлении требований о признании недействительными оспоримых решений, но не ничтожных.

В соответствии с пунктом 4 статьи 181.4 Гражданского кодекса РФ решение собрания не может быть признано недействительным, если (1) голосование заинтересованного лица не могло повлиять на результаты голосования и (2) решение собрания не влечет для этого лица существенные неблагоприятные последствия. То есть в соответствии буквальным толкованием положений ГК РФ одновременное наличие двух указанных обстоятельств свидетельствует о невозможности удовлетворения иска о признании оспоримого решения недействительным.

Иной подход к формулировке принципа каузальности воспринят в специальных законах о хозяйственных обществах. Например, в соответствии с пунктом 7 статьи 49 ФЗ об акционерных обществах акционер вправе оспорить решение общего собрания, если таким решением нарушены его права и/или законные интересы (не указано, что нарушение должно повлечь существенные неблагоприятные последствия). При этом суд с учетом всех обстоятельств дела

вправе оставить решение общего собрания в силе, если (1) голосование акционера не могло повлиять на результаты голосования, (2) допущенные нарушения не являются существенными и (3) решение не повлекло за собой причинение убытков акционеру. Аналогичный подход воспринят в пункте 2 статьи 43 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью. Как можно заметить, применение оснований 1 – 3 для отказа в удовлетворении исковых требований является правом, а не обязанностью суда (в отличие от положений ГК РФ). Более того, принцип каузальности в специальных законах подразумевает, что существенным должно быть само нарушение, а не его последствия. Таким образом, если суд будет применять положения о принципе каузальности из специальных законов о хозяйственных обществах, то для удовлетворения исковых требований о признании оспоримого решения общего собрания недействительным достаточно установить, что решение нарушило права и/или законные интересы члена корпорации.

Очевидно, что между формулировками принципа каузальности в ГК РФ и специальных законах имеют место противоречия, которые по буквальному толкованию пункта 1 статьи 181.1 ГК РФ должны разрешаться в пользу формулировок из специальных законов.

Д.И. Степанов на основе анализа судебной практики¹⁵⁸ приходит к выводу о том, что, в целом, из двух формул толкования, а именно *lex specialis derogat generali* и *lex posterior derogat priori* – победила первая, то есть специальный закон получил

¹⁵⁸ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 1 апреля 2015 г. по делу N А82-653/2014; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 сентября 2017 г. по делу N А24-5092/2016; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 января 2016 г. по делу N А51-6152/2015; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 июня 2015 г. по делу N А51-30498/2014; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 ноября 2018 г. по делу N А70-13808/2017; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 октября 2018 г. по делу N А46-16740/2017; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 января 2016 г. по делу N А45-6715/2014; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 сентября 2015 г. по делу N А27-21465/2014; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 сентября 2015 г. по делу N А27-18096/2014; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 сентября 2019 г. по делу N А21-2226/2018; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 апреля 2017 г. по делу N А56-22247/2016; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 октября 2016 г. по делу N А42-157/2016; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 января 2016 г. по делу N А13-3371/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 сентября 2017 г. по делу N А32-5178/2017; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 8 сентября 2015 г. по делу N А76-28946/2014.

приоритет над тем законом, что принят позднее¹⁵⁹. На наш взгляд, применительно к решениям собраний и недействительности, в частности, формула *lex posterior derogate priori* не должна применяться в силу содержания самого закона, принятого позднее (то есть в силу оговорки из пункта 1 статьи 181.1 ГК РФ о том, что положения Гражданского кодекса РФ о решениях собраний применяются, если иное не предусмотрено законом). Поэтому конкуренция между этими формулами возникать не может в принципе.

Однако Д.И. Степанов справедливо обращает внимание на следующее обстоятельство: чем позднее принят судебный акт относительно введения в Гражданский кодекс РФ положений о решениях собраний, тем чаще суды ссылаются лишь на положения ГК РФ, игнорируя нормы специального законодательства или указывая эти нормы на втором месте. Такая тенденция, действительно, прослеживается, особенно – в части ссылки на содержание принципа каузальности из Гражданского кодекса РФ при рассмотрении споров о признании недействительными решений общих собраний хозяйственных обществ¹⁶⁰. Применение положений пункта 4 статьи 181.4 ГК РФ в спорах о недействительности решений общих собраний хозяйственных обществ формально невозможно. Как следствие, проблема соотношения норм Гражданского кодекса РФ и специальных законов применительно к недействительности решений собраний сохраняется. В качестве способа урегулирования проблемы может выступить унифицированная регламентация положений о недействительности решений собраний с ликвидацией противоречий между положениями Гражданского кодекса РФ и специальными законами о хозяйственных обществах.

Проблему соотношения норм ГК РФ и специальных законов о хозяйственных обществах необходимо учитывать при дальнейшем исследовании недействительности решений общих собраний, в том числе – возможных подходов

¹⁵⁹ Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁰ Определение Верховного Суда РФ от 08.02.2016 N 309-ЭС15-18851 по делу N А60-54477/2014; Определение Верховного Суда РФ от 28.01.2019 N 307-ЭС18-25121 по делу N А56-10685/2018; Определение Верховного Суда РФ от 30.07.2018 N 303-ЭС18-9881 по делу N А37-1226/2017; Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2017 N 305-ЭС17-13156 по делу N А41-90998/2015.

к регулированию недействительности и допустимых оснований оспоримости или ничтожности.

1.2. Применение оснований недействительности сделок к решениям общих собраний участников хозяйственных обществ

Как ранее неоднократно отмечалось, решение собрания не является сделкой, а потому прямое применение норм о сделках к решениям собраний невозможно. Это обусловлено не только формальным разграничением двух юридических фактов. Самостоятельное и независимое (от сделок) регулирование решений собраний связано со спецификой правоотношений, складывающихся при их принятии.

По умолчанию, решения общих собраний участников хозяйственных обществ (как и любые другие решения собраний) принимаются простым большинством голосов, то есть воля меньшинства игнорируется. Это обуславливает необходимость создания ряда механизмов, гарантирующих меньшинству защиту от злоупотреблений большинства и возможность полноценного участия в собрании.

Особое значение создание таких механизмов приобретает для акционерных обществ, поскольку подсчет голосов за принятие решений осуществляется от числа голосующих акций лиц, принимающих участие в собрании. При этом для того, чтобы собрание состоялось, по общему правилу, достаточно установить кворум, составляющий 50% голосующих акций, поэтому решение общего собрания акционеров может быть потенциально принято даже меньшинством всех голосующих акционеров корпорации (если, к примеру, явка составит 51%, а за принятие решений проголосует 60% от числа присутствующих). Кроме того, для акционерных обществ предусмотрен институт повторного общего собрания, кворум для которого составляет 30%, а в акционерных обществах с числом акционеров более 500 000 лиц уставом может быть предусмотрен меньший кворум (пункт 3 статьи 58 ФЗ об акционерных обществах).

Подсчет голосов от числа голосующих акций присутствующих лиц, а не от числа всех голосующих акций конкретной корпорации существенно повышает важность решения задачи надлежащего уведомления члена корпорации о собрании, а также соблюдения процедуры учета и подсчета голосов. Следует отметить, что механизм принятия решений общих собраний акционеров (с кворумом и подсчетом голосов от числа присутствующих), по умолчанию, установлен для всех решений собраний (пункт 1 статьи 181.2 Гражданского кодекса РФ).

Подобный порядок и условия принятия для сделок не предусмотрены, по крайней мере – в качестве общего правила. Для заключения сделки необходимо полное согласование воли ее сторон

С другой стороны, нельзя не отметить, что принятие решений общих собраний – это, зачастую, трудоемкий, длительный и дорогостоящий процесс, в особенности если речь идет об общих собраниях публичных акционерных обществ. В этой связи особенностью регулирования решений собраний является недопущение его оспаривания в связи с незначительными нарушениями, в частности, несущественными нарушениями процедурного характера. Если на законодательном уровне соответствующая задача не будет решена, то это может, в частности, привести к увеличению числа случаев так называемого корпоративного шантажа или «гринмейла».

По емкому и лаконичному определению Д.О. Бирюкова гринмейл является разновидностью миноритарного активизма и представляет собой формально законные действия членов корпорации, но совершаемые с неразумными, несправедливыми или неэтичными целями¹⁶¹. А.В. Габов и А.Е. Молотников отмечают, что гринмейл исторически являлся ответом миноритариев на произвол мажоритариев, но не получил широкого распространения в силу существенного ограничения прав, принадлежащих отдельному акционеру¹⁶².

¹⁶¹ Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / Вступ. сл. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2020. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶² Габов А.В., Молотников А.Е. Корпоративный шантаж как правовое явление // Журнал российского права. 2008. № 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

По нашему мнению, именно ограничения ряда прав и возможностей членов корпорации является эффективным способом борьбы против корпоративного шантажа. Однако такие ограничения должны быть соразмерными и излишне не умаляющими права меньшинства. В этой связи при регулировании решений общих собраний участников хозяйственных обществ важен поиск баланса между, во-первых, минимизацией риска оспаривания решений собраний по несущественным основаниям или при осуществлении корпоративного шантажа и, во-вторых, созданием гарантий для лиц, голосующих против принятия решения, воздержавшихся от голосования или не присутствующих на общем собрании. Очевидно, что подобные задачи при регулировании сделок не возникают и не реализуются, что, в очередной раз, подчеркивает необходимость самостоятельного регулирования недействительности решений общих собраний. Кстати, проблема недопущения оспаривания решений собраний по несущественным основаниям имеет место не только в хозяйственных обществах, но и других корпорациях или неправосубъектных образованиях, например, при проведении собраний собственников жилья, где гринмейл также может иметь место.

Еще одной особенностью принятия решений собраний, обуславливающей необходимость отдельного от сделок регулирования, является реализация определенной процедуры. В подавляющем большинстве случаев принятие решения собрания – это достаточно подробно регламентированная последовательность действий, отклонение от которой может привести к недействительности решения. Заключение же сделки, как правило, представляет собой процесс, не сопровождающийся строгой процедурой. Конечно, заключение сделки с дорогостоящим встречным предоставлением или, например, в стратегических сферах нельзя признать примитивными операциями. Однако процедура заключения сделки на уровне законодательства чаще всего не регламентирована и, скорее, является исключением из правила.

Наличие же процедуры при принятии решения собрания (уведомление участников, предоставление информации о повестке дня, регистрация на заседании, учет и подсчет голосов, составление протокола и т.д.) – обуславливает

необходимость особого регулирования, в том числе в части оснований недействительности.

Однако центральным вопросом соотношения сделок и решений собраний является возможность применения оснований недействительности сделок к решениям.

Ранее нами уже было упомянуто рассмотренное в 2020 году Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делу «Яна Тормыш»¹⁶³.

В указанном деле решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, утвердившее редакцию устава с бессрочным ограничением выхода участника без возможности возврата своих инвестиций, было признано ничтожной сделкой, противоречащей существу законодательного регулирования и являющейся недействительной в соответствии с пунктом 2 статьи 168 Гражданского кодекса РФ.

Таким образом, Верховный Суд РФ допустил прямое применение оснований недействительности сделок к решениям собраний, что на наш взгляд, является абсолютно неприемлемой практикой, угрожающей стабильности имущественного оборота, поскольку суды в дальнейшем могут воспринять правовую позицию, выраженную ВС РФ. Неприемлемость применения оснований недействительности сделок к решениям собраний, прежде всего, обусловлена ранее выдвигаемыми тезисами о причинах раздельного регулирования сделок и решений собраний.

Однако если применение к решениям собраний некоторых норм о сделках можно обосновать, обращаясь к аналогии закона (например, норм о частичной недействительности), то применение оснований недействительности сделок к решениям недопустимо как напрямую, так и по аналогии.

Дело в том, что на законодательном уровне (а именно – на уровне Гражданского кодекса РФ и специальных законов о хозяйственных обществах) установлен самостоятельный и независимый от сделок перечень оснований

¹⁶³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 по делу N А65-3053/2019

оспоримости и ничтожности (статьи 181.4 – 181.5 ГК РФ, статья 43 ФЗ об ООО, статья 49 ФЗ об АО). Причем некоторые основания недействительности решений собраний и основания недействительности сделок по своим формулировкам и содержанию пересекаются.

Например, в соответствии с пунктом 7 статьи 49 ФЗ об АО акционер вправе обжаловать решение общего собрания акционеров, если оно было принято с нарушением закона или устава и таким решением ущемлены права или законные интересы акционера. При этом пунктом 1 статьи 168 ГК РФ установлено такое основание оспоримости сделки как нарушение требований закона. Аналогичная ситуация имеет место применительно к такому основанию ничтожности, как противоречие основам правопорядка и нравственности, которое закреплено как для сделок (статья 169 ГК РФ), так и для решений собраний (пункт 4 статьи 181.5 ГК РФ).

Возникает, как представляется, риторический вопрос – если бы законодатель исходил из потенциальной возможности применения оснований недействительности сделок к решениям собраний, то с какой целью были введены два параллельно существующих перечня оснований, частично совпадающих между собой по содержанию?

Справедливости ради следует отметить, что дело «Яна Тормыш» является, к нашему сожалению, не первым случаем, когда на уровне Верховного Суда РФ было подтверждено применение оснований недействительности сделок к решениям собраний. Так, в пункте 107 Постановления Пленума ВС РФ №25 от 23.06.2015 года установлено, что «решения очных собраний участников хозяйственных обществ ..., не удостоверенные нотариусом ..., являются ничтожными применительно к пункту 3 статьи 163 ГК РФ». В указанном разъяснении Верховный Суд РФ также допустил прямое применение основания недействительности сделки к решению собрания даже без ссылки на аналогию. Такой шаг, разумеется, вызывает ряд возражений. Во-первых, удостоверению (подтверждению) подлежат не сами решения, а факты их принятия и состав участников. В этой связи строго говоря, нельзя признать, что для решений

собраний характерно разделение форм принятия на письменную и нотариальную. Во-вторых, если факт принятия решения или состав участников общего собрания участников хозяйственного общества подлежали подтверждению (в том числе нотариальному удостоверению), которое не было произведено, то может быть применимо специальное основание ничтожности, а именно – отсутствие большинства, необходимого для принятия решения собрания, а для акционерных обществ дополнительно – отсутствие кворума (пункт 6 статьи 43 ФЗ об ООО, пункт 10 статьи 49 ФЗ об АО). В этой связи ссылка Верховного Суда РФ на такое основание ничтожности сделки, как несоблюдение нотариальной формы, представляется неуместной и нецелесообразной.

А.А. Кузнецов, рассуждая о возможности применения оснований недействительности сделок к решениям собраний также пришел к выводу о недопустимости такого применения. Это, по мнению автора, обусловлено, во-первых, сложностью адаптации к решениям собраний оснований недействительности, связанных с дефектами волеизъявления, а во-вторых – отсутствием в основаниях недействительности сделок адекватного аналога, покрывающего пороки созыва и проведения собрания¹⁶⁴.

Д.И. Степанов, в целом, являясь сторонником сделочной природы решения собрания, высказывает свое удивление тем, как суды и приверженцы позиции самостоятельной природы решения собрания при возникновении пробелов в законодательстве обращаются к общему учению о сделках¹⁶⁵.

На наш взгляд, применение норм о сделках к решениям собраний и восприятие научных достижений доктрины о сделках – разнопорядковые действия, не вступающие с собой в какое-либо логическое противоречие.

Очевидно, что теория сделок как в российском, так и в зарубежном праве получила большее развитие и была разработана значительно обстоятельнее.

¹⁶⁴ Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁵ Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

Очевидно также, что сделка и решение собрания по своей правовой природе являются схожими категориями. Этот тезис можно подтвердить аналогичным регулированием в ряде областей (например, недействительностью в виде оспоримости или ничтожности). Если бы подобие юридических фактов не имело место, то не возникали бы споры по вопросу правовой природы решения собрания и применения к ним норм о сделках.

Концепция решения собрания как юридического факта *sui generis* является сравнительно молодой теорией и, как следствие, нуждается в глубокой доктринальной разработке. Категорический отказ от заимствования наработок из теории сделок приведет к тому, что исследователи будут «изобретать велосипед» и существенно замедлят развитие доктрины.

Другое дело, что восприятие доктринальных положений о сделках и их недействительности не должно осуществляться без учета специфики отношений, складывающихся при принятии решений собраний, и тех гарантий или механизмов, которые должны быть обеспечены, прежде всего, для лиц, уполномоченных голосовать за принятие решений и уполномоченных эти решения оспаривать.

1.3. Подходы к регулированию оснований недействительности решений общих собраний участников хозяйственных обществ.

Как ранее было отмечено, в российском праве недействительные решения собрания разделены на оспоримые и ничтожные. При этом как для оспоримости, так и ничтожности решений установлены самостоятельные перечни оснований.

Ничтожные решения являются недействительными независимо от признания их таковыми в судебном порядке. Для оспоримых решений собраний законодателем была воспринята концепция Годэмэ, в соответствии с которой недействительный акт, даже противоречащий законодательству, порождает те юридические последствия, на которые он направлен, до тех пор, пока

заинтересованное лицо не воспользуется правом на оспаривание и не опровергнет действительность этого акта в судебном процессе¹⁶⁶.

Пока основание оспоримости решения общего собрания участников не подтверждено в судебном порядке, никто не вправе отрицать возникновение гражданско-правовых последствий, порождаемых таким решением. При этом, если сроки исковой давности для признания решения оспоримым истекают, то ссылка ответчика на истечение срока должна приводить к отказу в удовлетворении исковых требований, а следовательно – к невозможности истца в дальнейшем сослаться на основание оспоримости в силу преюдиции. В российском праве для оспаривания решений общих собраний участников обществ с ограниченной ответственностью установлен срок исковой давности в два месяца, а для акционерных обществ – в три месяца (пункт 4 статьи 43 ФЗ об ООО, пункт 7 статьи 49 ФЗ об АО). Указанный срок начинает исчисление с момента, когда участник (акционер) узнал или должен был узнать о принятом решении и наличии оснований его недействительности. При этом срок восстановлению не подлежит, если только участник (акционер) не подавал иск под влиянием угрозы или насилия.

Для ничтожных решений общих собраний хозяйственных обществ воспринят иной подход. Любое лицо вправе исходить из недействительности ничтожного решения независимо от того, подтверждена ли судом недействительность или нет. Более того, Верховным Судом РФ в пункте 106 Постановления Пленума №25 от 23.06.2015 года выражена правовая позиция о том, что ссылка на ничтожность решения в судебном процессе возможна независимо от истечения срока исковой давности о признании ничтожного решения недействительным. То есть, в отличие от оспоримых решений собраний, срок исковой давности и ссылка стороны судебного процесса на его истечение не будет служить препятствием для указания на ничтожное решение при обосновании иных требований (например, требования о взыскании неосновательного обогащения).

¹⁶⁶ Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М., 1948. С. 153

Несмотря на то, что ссылка на ничтожность решения общего собрания участников хозяйственного общества возможна независимо от вынесения судебного акта и истечения срока исковой давности, возникает крайне значимый с практической точки зрения вопрос – может ли быть подан иск о признании недействительным ничтожного решения и применима ли к такому требованию исковая давность?

Д.И. Степанов полагает, что самостоятельный иск о признании решения собрания ничтожным – это «непозволительная роскошь для отечественной судебной системы», поскольку ничтожность может быть подтверждена при рассмотрении иных исков. В случае же с заявлением самостоятельного иска о признании решения ничтожным, по мнению автора, суд превращается в справочное бюро, устраняющее неопределенность. Отдельно Д.И. Степанов, ссылаясь на работу С.Е. Войнова¹⁶⁷, обращает внимание на то, что отказ в иске о признании решения ничтожным в силу истечения сроков исковой давности приведет к конвалидации ничтожного решения, что недопустимо, по его мнению, с позиции теории гражданского права¹⁶⁸.

С одной стороны, аргументация Д.И. Степанова представляется обстоятельной. Действительно, ссылка на ничтожность в качестве обоснования другого иска (виндикационного, кондикционного и т.д.) возможна, а отказ в удовлетворении иска о признании решения собрания ничтожным на основании истечения сроков исковой давности может привести к видимости конвалидации ничтожного решения. Однако, по нашему мнению, ученый не учитывает, что такой способ защиты права как признание решения собрания недействительным в ряде случаев может являться единственно возможным и целесообразным для истца. На указанное обстоятельство мы обращали внимание ранее.

Если для истребования имущества, переданного на основе ничтожного решения собрания, может быть найдена альтернатива иску о признании решения

¹⁶⁷ Войнов С.Е. Решение общего собрания участников ничтожно. Как валидировать его с помощью исковой давности // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 2. С. 93 - 94.

¹⁶⁸ Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

недействительным, то как быть, например, с принятием новой редакции устава хозяйственного общества, утвержденного ничтожным решением?

Вероятно, если придерживаться логики Д.И. Степанова, если бы новая редакция устава была принята посредством оспоримого решения, то необходимо было бы заявить иск о признании решения собрания недействительным, но, если такая редакция принята ничтожным решением, следовало бы заявить иск о признании лишь государственной регистрации устава незаконной.

Аналогично неопределенная ситуация возникает в случае с избранием единоличного исполнительного органа посредством ничтожного решения. Неужели следует признать корректной невозможность оспорить ничтожное решение, на основании которого недобросовестный директор продолжает взаимодействовать с контрагентами корпорации и заключать сделки? Если в этой корпорации образуется дедлок и невозможность избрать директора действительным решением, то единственным способом защиты права, в очередной раз, будет признание государственной регистрации незаконной или внесение в единый государственный реестр юридических лиц отметки о недостоверности сведений о директоре? Но по какой причине заинтересованные лица должны быть ограничены в способах защиты права, если это право нарушено не оспоримым, а ничтожным решением? Возникнет ситуация, когда режим оспоримости обеспечивает больше гарантий для участников имущественного оборота, чем режим ничтожности, хотя последний, на первый взгляд, должен являться более строгим к нарушителю.

На наш взгляд, политико-правовых оснований для отказа российского права от иска о признании ничтожного решения недействительным нет. Такой способ защиты права, как «признание недействительным решения собрания» поименован в качестве самостоятельного в статье 12 Гражданского кодекса РФ. При этом в статье отсутствует оговорка о том, что указанный способ защиты права применяется лишь к оспоримым решениям собраний. Как следствие, с формальной точки зрения, отрицание иска о признании ничтожного решения собрания недействительным противоречит законодательству.

Более того, если исходить из того, что в российском праве может быть отдельно урегулирована реституция для недействительных решений собраний, то иск о признании таких решений недействительными также будет необходим для возврата имущества, полученного по ничтожному решению (например, дивидендов).

Тем не менее, аргумент Д.И. Степанова о том, что отказ в иске о признании ничтожного решения собрания недействительным может приводить к конвализации (исцелению) ничтожного решения представляется вполне обоснованным. Более того, автор обращает внимание на то, что в пункте 106 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №25 от 23.06.2015 года возможность ссылки на ничтожность решения независимо от сроков исковой давности формально установлена только для ответчика, но не иных сторон процесса¹⁶⁹.

На наш взгляд, проблему потенциальной конвализации ничтожного решения общего собрания участников хозяйственного общества можно решить одним из трех способов. Либо допустить отмену сроков исковой давности для требований о признании решения собрания ничтожным, либо сохранить срок исковой давности для признания решения ничтожного решения собрания недействительным, но увеличить его (например, до трех лет), либо установить в законодательстве положение о том, что отказ в иске о признании решения собрания ничтожным по причине ссылки ответчика на истечение сроков исковой давности не лишает любое заинтересованное лицо права ссылаться на ничтожность решения собрания.

Первый способ, разумеется, может поставить под угрозу стабильность имущественного оборота. Законодатель не без оснований установил для оспаривания решений общих собраний участников хозяйственных обществ сокращенные сроки исковой давности (2 – 3 месяца) и невозможность их восстановления. С другой стороны, ссылка на ничтожность решения собрания уже допустима независимо от истечения сроков исковой давности. В этой связи, если учитывать наличие сроков исковой давности для требований, которые могут быть

¹⁶⁹ Степанов Д.И. Указ. соч. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

заявлены параллельно иску о признании решения ничтожным (виндикация, кондикция и т.д.), то указанный подход не кажется столь опасным для оборота.

Второй способ в виде увеличения сроков исковой давности для признания решения ничтожного решения собрания недействительным (например, до трех лет) является некоторым компромиссом между защитой стабильности имущественного оборота и недопустимости оперативной конвалидации ничтожного решения посредством ссылки на исковую давность.

Третий способ (возможность ссылки на ничтожное решение даже при вынесении судебного постановления об отказе в иске в связи с истечением сроков исковой давности), как представляется, уже подразумевается при текущем регулировании. Однако из-за отсутствия четких формулировок в законодательстве и судебной практике (на уровне Постановления Пленума ВС РФ №25 от 23.06.2015 года) необходимо буквальное закрепление соответствующей нормы, например, в положениях Гражданского кодекса РФ об оспаривании решений собраний. По нашему мнению, указанный инструмент является наиболее целесообразным, поскольку соответствует текущему правовому регулированию и позволяет полностью исключить конвалидацию ничтожного решения.

Второй способ (об увеличении сроков исковой давности), вероятно, встретит меньшее сопротивление среди сторонников стабильности имущественного оборота, хотя такая нестабильность, подчеркнутая при рассмотрении первого способа (об отказе от сроков исковой давности), может быть признана возможным историческим риском приобретателей долей участия в уставном капитале хозяйственных обществ и менеджмента, осуществляющего полномочия органов корпоративного управления. Контрагенты корпорации, на наш взгляд, достаточно защищены от оспаривания ничтожных решений публичной достоверностью реестра юридических лиц, частью которого является не только информация о лице, осуществляющем функции единоличного исполнительного органа, но и, например, информация о содержании устава корпорации.

Возвращаясь к анализу подхода законодателя к регулированию оспоримых и ничтожных решений собраний хозяйственных обществ, представляется

целесообразным обратить внимание на общую логику структурирования, с одной стороны, оснований ничтожности и, с другой стороны, оснований оспоримости.

Д.О. Тузов, исследуя недействительные сделки, использует такие категории, как «виртуальная» и «текстуальная» оспоримость/ничтожность¹⁷⁰. Например, законодатель воспринимает подход виртуальной ничтожности, если любая недействительная сделка, противоречащая закону, признается ничтожной, за исключением случаев, когда такая сделка прямо поименована в качестве оспоримой. При этом прямое и исчерпывающее перечисление оснований оспоримости является текстуальной оспоримостью. Указанный подход господствовал для сделок до реформы статьи 168 ГК РФ, осуществленной в 2013 году¹⁷¹. Если ранее любая сделка, противоречащая закону, признавалась ничтожной (виртуальная ничтожность), за исключением случаев, если из закона прямо не следовала оспоримость (текстуальная оспоримость), то после реформы 2013 года ситуация кардинальным образом изменилась. В настоящее время в российском праве закреплен подход оспоримости любых сделок (виртуальная оспоримость), противоречащих закону, если из закона прямо не следует их ничтожность (текстуальная ничтожность).

Если анализировать подходы законодателя по регулированию оснований оспоримости и ничтожности решений общих собраний хозяйственных обществ, то в российском праве (даже до реформы сделок) всегда господствовал подход виртуальной оспоримости и текстуальной ничтожности. Решения общих собраний не имели юридической силы независимо от вынесения судебного постановления лишь в прямо установленных случаях. Как ранее отмечалось, изначально основания ничтожности были регламентированы на уровне совместных постановлений Пленумов Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а далее – получили прямое закрепление в специальном законодательстве.

¹⁷⁰ Тузов Д.О. Lex "quasi" perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях // Закон. 2015. N 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷¹ Пункт 13 статьи 1 Федерального закона от 07.05.2013 N 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ, 13.05.2013, N 19, ст. 2327.

Указанный подход законодателя до настоящего момента не изменился. Причем важно отметить, что принцип виртуальной оспоримости ни в коем случае не подразумевает открытый перечень оснований оспоримости. Как для оснований оспоримости, так и для оснований ничтожности законодатель применяет исчерпывающий перечень (*numerus clausus*). Важной чертой виртуальной оспоримости является лишь то, что при установлении факта принятия решения собрания в нарушение закона, по общему правилу, суд будет исходить из его оспоримости, если не будет обнаружен факт наличия основания ничтожности, прямо поименованного в законодательстве.

Разумеется, когда упоминается принятие решения общего собрания в противоречие с законом, то предполагается, что такое решение нарушает права или законные интересы участника корпорации. Иначе отсутствовало бы общее основание оспоримости, предусмотренное специальным законодательством о хозяйственных обществах.

Кроме того, несмотря на то, что законодательством виртуальная оспоримость сформулирована достаточно широко (любое противоречие закону, нарушающее права или законные интересы члена корпорации), нельзя также забывать про действие ранее упомянутого принципа каузальности.

Справедливости ради следует отметить, что принцип каузальности не всегда рассматривается исследователями именно как создание ряда ограничений права на оспаривание решения собрания. Например, Г.С. Шапкина под принципом каузальности понимает возможность оспаривания решения собрания, повлекшего за собой существенное нарушение прав участника корпорации, который мог даже не иметь возможности повлиять на итоговые результаты голосования. То есть право на оспаривание предоставляется лицу независимо от объема его корпоративных прав, если нарушение является достаточно существенным¹⁷².

На наш взгляд, современный подход законодателя к реализации принципа каузальности в качестве основной своей цели все же ставит установление

¹⁷² Шапкина Г.С. Применение акционерного законодательства. М.: Статут, 2009. С. 112.

ограничений, а не предоставление возможностей. Однако, прежде чем переходить к его более детальному анализу, можно рассмотреть, например, один из зарубежных подходов к каузальности.

А.А. Кузнецов, исследуя правовое регулирование оспаривания решений собраний в Германии, отмечает, что изначально на уровне судебной практики была выработана позиция о возможности оспаривания решения собрания, если допущенное нарушение повлияло на конечный результат. В последующем такой подход, по замечанию автора, был модифицирован, что привело к адаптации концепции среднего человека¹⁷³. Например, нарушение права на получение информации может быть признано достаточным (релевантным) для оспаривания решения, если любой средний разумный человек требовал бы раскрытия такой информации, поскольку она потенциально могла повлиять на его голосование¹⁷⁴. Аналогичным образом признается достаточным (релевантным) процедурное нарушение, в результате которого лицо не было допущено до собрания, то есть лишилось права голоса¹⁷⁵.

В разработанной в 2009 году Советом по кодификации Концепции развития гражданского законодательства (пункт 4.2.2.) было отмечено, что принцип относимости (каузальности) нарушения состоит в том, что, если голосование лица, права которого нарушены, не могло повлиять на принятие решения, такое решение не должно признаваться недействительным¹⁷⁶.

Как нами было отмечено ранее, принцип каузальности получил свое закрепление в Гражданском кодексе РФ, однако еще ранее он был регламентирован в специальных законах о хозяйственных обществах, причем формулировки в ГК РФ и специальных законах отличаются. Поскольку специальный закон является

¹⁷³ Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁴ Gerner-Beuerle C., Schilling M. Comparative company law. Oxford University Press, 2019. P. 434 - 435.

¹⁷⁵ Gerner-Beuerle C., Schilling M. Op. cit. P. 434 - 435.

¹⁷⁶ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009). Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

приоритетным, положения о принципе каузальности из Гражданского кодекса РФ к хозяйственным обществам не подлежат применению.

Повторим, что участник хозяйственного общества вправе оспорить решение общего собрания, если таким решением нарушены его права и/или законные интересы. При этом суд с учетом всех обстоятельств дела вправе оставить решение общего собрания в силе, если (1) голосование участника не могло повлиять на результаты голосования, (2) допущенные нарушения не являются существенными и (3) решение не повлекло за собой причинение убытков участнику.

Можно заметить, что принцип каузальности в данном случае получил свое закрепление не как возможность лица оспорить решение собрания при существенности нарушения, а как право суда оставить оспариваемое решение в силе при одновременном наличии условий «1», «2» и «3». То есть, если суд не установит указанные обстоятельства, то он должен исходить из оспоримости противозаконного решения общего собрания участников хозяйственного общества, если таким решением нарушены права или законные интересы участников. Однако даже в случае, если суд установит одновременное наличие условий «1», «2» и «3», он вправе, но не обязан оставить в силе обжалуемое решение.

Представляется, что такое восприятие законодателем принципа каузальности не в полной мере отвечает интересам имущественного оборота. Более правильным было бы предусмотреть обязанность, а не право суда оставить в силе оспариваемое решение при одновременном наличии указанных оснований.

Такой подход не будет противоречить, на наш взгляд, справедливой точке зрения Г.С. Шапкиной на изначальный смысл принципа каузальности, ведь если нарушение прав участника будет являться существенным, то оно в любом случае не может быть оставлено судом в силе, даже если нарушены права миноритария, не имевшего возможность повлиять на результаты голосования.

Возвращаясь к исследованию логики законодателя при структурировании оснований оспоримости и ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ, следует задать, как представляется, крайне важный

вопрос. По каким критериям одни обстоятельства регламентированы как основания оспоримости, а другие – как основания ничтожности? Ответ на этот вопрос в доктрине не получил однозначного ответа. Исследователями неоднократно предпринимались попытки выявить критерии разграничения таких оснований. Прежде чем приступить к анализу указанных критериев, хотелось бы привести очень меткое и верное суждение В.С. Ема о том, что «законодатель должен быть внимателен и осторожен при внесении в закон в качестве нормы теоретических дефиниций ничтожных и оспоримых сделок»¹⁷⁷. Несмотря на то, что суждение было высказано именно в отношении сделок, оно также справедливо и для решений собраний. При формулировании оснований оспоримости или ничтожности необходима глубокая и внимательная доктринальная проработка этих оснований. Как следствие, вопрос выбора критериев разграничения оспоримых и ничтожных решений является не просто умозрительной и теоретической задачей, а задачей, в результате выполнения которой должны достигаться значимые с практической точки зрения цели. Также при выборе критериев, очевидно, нельзя допустить причинения вреда участникам имущественного оборота.

Рассуждая о возможных критериях разграничения оспоримых и ничтожных решений собраний А.А. Кузнецов предлагает в качестве варианта процедурные нарушения признавать оспоримыми, а содержательные ничтожными. Однако автор сразу же опровергает целесообразность такого подхода, поскольку, во-первых, значительное количество решений автоматически становилось бы ничтожными ввиду отсутствия учета характера нарушенной нормы, а во-вторых, имеет место ряд существенных процедурных нарушений, которые фактически должны вести к ничтожности¹⁷⁸.

Далее А.А. Кузнецов в качестве возможного варианта предлагает разграничивать оспоримые и ничтожные решения по защищаемому интересу. Если

¹⁷⁷ Ем В.С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству // Вестник гражданского права. 2018. № 4. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁸ Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

нарушается частный интерес, то решение оспоримо. Если нарушается интерес правопорядка или третьих лиц, то решение ничтожно. Оценивая указанный вариант, автор обращает внимание на то, что аналогичный способ разграничения уже был предметом дискуссии по вопросу поиска критерия разграничения оспоримых и ничтожных сделок и, в конечном счете, указанная дискуссия ни к чему не привела. Поэтому А.А. Кузнецов приходит к выводу об отсутствии строгого критерия в разграничении оспоримых и ничтожных решений¹⁷⁹.

Д.О. Тузов, рассуждая о критерии характера интереса, как основы для разграничения оспоримых и ничтожных **сделок** (выделено нами – А.Т.), приходит к выводу о том, что именно указанная классификация наиболее близко подошла к раскрытию сути деления недействительности на оспоримость и ничтожность, однако положенный в ее основу критерий все же не имеет универсального значения. Это обусловлено, по мнению автора, тем, что частный интерес может быть защищен как оспоримостью, так и ничтожностью (например, если речь идет о сделках недееспособных лиц)¹⁸⁰.

Критерии возможного разграничения недействительных решений собраний на оспоримые и ничтожные детально анализируются Д.И. Степановым. Автор в качестве базовых рассматривает два варианта разграничения. Первый вариант – разделить ничтожные и оспоримые решения собраний по фундаментальности нарушения. Если нарушение нормы права или правового принципа является существенным и опасным для правопорядка, то решение собрания должно признаваться ничтожным. Второй вариант, рассматриваемый автором, состоит в разделении ничтожных и оспоримых решений на основе сложности установления факта нарушения. Нарушение, которое верифицировать предельно просто (зачастую даже без судебной процедуры), должно приводить к ничтожности

¹⁷⁹ Кузнецов А.А. Указ. соч. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁰ Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. С. 281 - 300.

решения собрания. При этом неважно, насколько фундаментально для правопорядка соответствующее нарушение¹⁸¹.

На наш взгляд, Д.И. Степановым еще в 2005 году также был предложен заслуживающий внимания критерий выделения ничтожных решений собраний. По мнению автора, ничтожным должно быть решение, которое создает лишь видимость его принятия. Таким решением является акт волеизъявления участников, который фактически совершен не был (например, если не состоялось легитимное собрание или у органа юридического лица отсутствует компетенция)¹⁸².

Вряд ли можно утверждать, что кем-либо из исследователей был выработан универсальный критерий разграничения оспоримых и ничтожных решений собраний. Однако из этого не следует, что рассмотренные критерии не имеют никакого значения, в том числе для развития законодательства.

Отсутствие единого универсального основания, по которому можно разделить ничтожные и оспоримые решения собраний, в действительности, не является проблемой. Дело в том, что разграничивать недействительные решения по единому критерию необязательно.

Если обратиться к современным работам в области российского гражданского процесса, можно обратить внимание на возможный подход к формированию перечня дел, рассматриваемых в порядке особого производства, существующего параллельно с исковым. Высказана идея о возможности использования так называемой «теории списка», идея которой состоит в том, что особое производство не обладает каким-либо единством, а представляет собой конгломерат непохожих друг на друга правил рассмотрения определенных вопросов¹⁸³.

¹⁸¹ Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸² Степанов Д. Ничтожность решений общих собраний акционеров // Корпоративный юрист. 2005. N 1. С. 30.

¹⁸³ Аргунов В.В. Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве на примере дел особого производства // Журнал российского права. 2020. N 12. С. 127; Аргунов В.В. Развитие особого производства в гражданском процессе: смена идей, взглядов, понятий // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. N 1. С. 73 - 86.

Теорию списка можно адаптировать для разграничения оснований ничтожности и оспоримости решений собраний, поскольку выработать единый научный критерий разделения недействительных решений вряд ли возможно. При этом приведенные ранее критерии можно в совокупности использовать в качестве некоторых индикаторов или «тестов» при отнесении определенного основания к оспоримости или ничтожности. Такой подход представляется наиболее целесообразным, так как наличие лишь одного критерия разграничения может приводить к тому, что некоторые нарушения (основания недействительности решений) будут автоматически либо переоценены и необоснованно включены в список ничтожности, либо недооценены и включены в список оспоримости, оставляя недостаточно защищенными интересы участником имущественного оборота.

Отказ от единого универсального критерия, тем не менее, оставляет нерешенной крайне сложную задачу отнесения тех или иных оснований недействительности к ничтожности и оспоримости. Целесообразным представляется применение одновременно двух критериев для установления оснований ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ. Такими критериями выступают существенность нарушения и возможность выявления нарушения без обязательной судебной оценки. Если нарушение не соответствует обоим критериям одновременно, то такое нарушение должно влечь оспоримость решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

Оспоримость и ничтожность – это изначально теоретические конструкции. Их закрепление на уровне норм права должно преследовать цель защиты участников имущественного оборота, не навредив его стабильности и не создавая излишние формальные препятствия при оспаривании решений собраний. Ключевой особенностью института ничтожности является отсутствие обязательного её признания на судебном уровне. Для констатации же оспоримости вмешательство суда в качестве компетентной и независимой третьей стороны необходимо.

С учетом цели внедрения разновидностей недействительных решений и их ключевых особенностей, по нашему мнению, к ничтожным решениям собраний необходимо относить те, что не состоялись как факт коллективного волеизъявления (здесь мы полностью поддерживаем идею Д.И. Степанова, высказанную еще в 2005 году). В то же время установление факта наличия основания ничтожности не должно являться неопределенным и неоднозначным, поскольку вмешательство суда в случае с ничтожностью не является обязательным. При этом для ничтожности фундаментальность или существенность нарушения сама по себе не должна являться основополагающим критерием. Тем не менее несущественное нарушение также нецелесообразно признавать основанием ничтожности.

Все остальные нарушения должны являться основаниями оспоримости. В отличие от ничтожности, критерии фундаментальности и ущемления интересов здесь должны приниматься во внимание. Но учитывать их следует не для разграничения оспоримости и ничтожности, а для разграничения оспоримого и действительного решения собрания. В этой связи, по умолчанию, при оценке любого основания оспоримости должен применяться принцип каузальности, который нерелевантен для ничтожных решений собраний.

Важно подчеркнуть, что принцип каузальности, по нашему мнению, следует использовать именно по умолчанию. Можно допустить существование таких нарушений (оснований оспоримости), которые в любом случае должны влечь недействительность решения собрания независимо от судебной оценки существенности нарушения и ущемления чьих-либо интересов, но с обязательной судебной оценкой наличия основания недействительности.

Исходя из этой логики в дальнейшем нами будет предпринята попытка определить целесообразные для имущественного оборота основания оспоримости и ничтожности. Прежде чем перейти к разбору конкретных оснований, нельзя оставлять без анализа общий подход российского законодателя, воспринятый при установлении перечней оснований оспоримости и ничтожности.

Основания недействительности решений общих собраний хозяйственных обществ в российском праве представляют собой закрытые списки (*numerus clausus*) на основе виртуальной оспоримости и текстуальной ничтожности. Оспоримым признается любое решение общего собрания хозяйственного общества, противоречащее закону и нарушающее права или законные интересы члена корпорации (виртуальная оспоримость), если не установлено основание его ничтожности (текстуальная ничтожность).

В качестве альтернативы могут быть рассмотрены иные подходы. Во-первых, виртуальная ничтожность и текстуальная оспоримость. Во-вторых, текстуальная оспоримость и текстуальная ничтожность. Подход с виртуальной оспоримостью и виртуальной ничтожностью невозможен с точки зрения формальной логики.

Подход с виртуальной ничтожностью и текстуальной оспоримостью привел бы регламентацию решений общих собраний к состоянию регулирования сделок до реформы 2013 года. В этом случае любое противоречащее закону и ущемляющее права или интересы члена корпорации решение признавалось бы ничтожным, за исключением случаев, если бы из закона не следовала его оспоримость. На наш взгляд, если применимость такого подхода к сделкам допустима, то к решениям собраний - однозначно нет. Решение общего собрания участников хозяйственного общества в большинстве случаев затрагивает интересы нескольких лиц – самих участников, которых минимум двое, корпорации как субъекта права, лиц, осуществляющих функции органов корпоративного управления и контроля (исходя из существа отношений, как ранее было указано, решение общего собрания для них, по общему правилу, обязательно). В ряде случаев решение общего собрания также затрагивает интересы контрагентов, например, когда они устанавливают полномочия единоличного исполнительного органа на заключение сделки, действуя на основании протокола общего собрания об избрании директора.

Автоматическая ничтожность в силу любого (не предусмотренного для оспоримости) противоречия закону и ущемления прав или законных интересов хотя бы одного члена корпорации приведет к возможности необоснованного ущемления интересов всех указанных выше лиц. Кроме того, если противоречие

закону без судебного разбирательства установить в ряде случаев возможно, то ущемление прав и законных интересов уже является категорией, требующей оценки компетентного и независимого третьего лица, в качестве которого выступает суд.

Подход с текстуальной оспоримостью и текстуальной ничтожностью решений общих собраний участников хозяйственных обществ ориентирован на обеспечение правовой определенности и стабильности имущественного оборота. Указанный подход подразумевает, что законодатель отказывается от такого широкого по своему содержанию основания недействительности, как принятие решения с любым нарушением закона, если это повлекло ущемление прав или законных интересов одного из членов корпорации.

С одной стороны, может показаться, что указанный подход является крайне перспективным, поскольку позволит обеспечить устойчивость решений общих собраний. При их принятии будет точно определено каждое из потенциальных нарушений, которые могут привести к оспариванию. То есть у лиц, осуществляющих организацию и проведение общего собрания будет под руками список (чек-лист) в виде конкретных и определенных оснований недействительности. Если ни одно из нарушений из чек-листа не допущено, то можно быть полностью уверенным в действительности решения собрания и невозможности его оспаривания.

С другой стороны, такой подход подразумевает крайне ответственную и детализированную проработку перечня оснований недействительности. Следует, вероятно, признать, что такая задача является невыполнимой, поскольку всегда имеется риск не учета возможного жизненного обстоятельства, в связи с чем участники имущественного оборота не смогут получить защиту своих прав и законных интересов. Текстуальная оспоримость и текстуальная ничтожность – это идеальная модель, к которой можно стремиться, но которую вряд ли удастся достигнуть.

Однако задачи, которые могут быть поставлены при возможном переходе к идеальной модели, следует ставить и в процессе проработки оснований

недействительности при виртуальной оспоримости и текстуальной ничтожности. Дело в том, что детализация частных случаев оснований оспоримости в законе снизит степень неопределенности такого широкого по содержанию основания, как нарушение закона в процессе принятия решения общего собрания. Кроме того, детализация частных случаев оспоримости также позволит сформировать список (чек-лист) для лиц, организующих проведение общего собрания, хотя такой список не будет являться исчерпывающим.

Помимо виртуальной/текстуальной оспоримости/ничтожности могут быть рассмотрены также иные подходы. Например, А.А. Кузнецов, исследуя законодательство Испании, подчеркивает, что в 2014 году в указанной юрисдикции законодатель вовсе отказался от разделения решений собраний на оспоримые и ничтожные, оставив лишь оспоримые. При этом привычные признаки ничтожных решений (отсутствие срока для ссылки на ничтожность, невозможность конвалидации) была сохранены для оспоримых решений, противоречащих по обстоятельствам принятия или по содержанию публичному порядку¹⁸⁴.

На наш взгляд, фактически подобный подход означает сохранение оснований оспоримости и ничтожности, при котором ничтожность обусловлена противоречием публичному порядку.

С учетом анализа развития институтов недействительности решений собраний в российском частном праве за последние двадцать пять лет отказ от категорий оспоримости и/или ничтожности не представляется целесообразным. Напротив, совершенствование указанных институтов является важной и приоритетной задачей. Именно поэтому далее мы предпримем попытку сформировать и обосновать список целесообразных оснований оспоримости и ничтожности.

¹⁸⁴ Цит. по: Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. Приведено по СПС "КонсультантПлюс". Munoz Paredes M.L. Los acuerdos impugnables en el nuevo regimen de impugnacion de acuerdos sociales (art. 204.1 LSC). P. 117 - 125.

Итак, институт недействительности решений собраний является крайне важным, а в некоторых случаях – единственно возможным инструментом защиты прав.

В современном российском праве регламентирован лишь один результат недействительности решения общего собрания участников хозяйственных обществ – признание отсутствия (не возникновение) гражданско-правовых последствий, порожаемых решением. Представляется, что прямое регулирование реституции или ее аналога может существенно снизить процессуальные издержки корпораций. Целесообразным является подход, при котором недействительность решения общего собрания участников хозяйственного общества влечет не только признание правовых последствий решения не возникшими, но и автоматическое возникновение обязанности по возврату полученного (исполненного) на основании недействительного решения (например, возврат денежных средств, полученных в качестве дивидендов).

Следует поддержать позицию авторов, выступающих против института признания решения собрания неприятым. Если лицо обладает материально-правовым интересом, который защищается или может быть защищен в суде посредством существующих способов защиты права, то достаточно сослаться на ничтожность несостоявшегося решения без заявления отдельного искового требования. Для тех случаев, когда правовой интерес лица состоит именно в получении судебного постановления об отсутствии возникновения правовых последствий решения собрания – институт признания ничтожного решения общего собрания недействительным успешно справится с этой задачей.

В российском праве сохраняется проблема соотношения норм Гражданского кодекса РФ и специальных законов применительно к недействительности решений собраний. В качестве способа урегулирования проблемы может выступить унифицированная регламентация положений о недействительности решений собраний с устранением противоречий между положениями Гражданского кодекса РФ и специальными законами о хозяйственных обществах.

При регулировании решений общих собраний участников хозяйственных обществ важен поиск баланса между, во-первых, минимизацией риска оспаривания решений собраний по несущественным основаниям или при осуществлении корпоративного шантажа и, во-вторых, созданием гарантий для лиц, голосующих против принятия решения, воздержавшихся от голосования или не присутствующих на общем собрании. Подобные задачи при регулировании сделок не возникают и не реализуются, что подчеркивает необходимость самостоятельного регулирования недействительности решений общих собраний.

Если применение к решениям собраний некоторых норм о сделках можно обосновать, обращаясь к аналогии закона (например, норм о частичной недействительности), то применение оснований недействительности сделок к решениям недопустимо как напрямую, так и по аналогии.

Концепция решения собрания как юридического факта *sui generis* является сравнительно молодой теорией и, как следствие, нуждается в глубокой доктринальной разработке. Категорический отказ от заимствования наработок из теории сделок приведет к тому, что исследователи существенно замедлят развитие доктрины.

Политико-правовых оснований для отказа российского права от иска о признании ничтожного решения недействительным нет. При этом проблему потенциальной конвалидации ничтожного решения общего собрания участников хозяйственного общества, вызванную отказом в признании ничтожного решения недействительным в связи с истечением исковой давности, можно решить одним из трех способов. Либо допустить отмену сроков исковой давности для требований о признании решения собрания ничтожным, либо сохранить срок исковой давности для признания решения ничтожного решения собрания недействительным, но увеличить его (например, до трех лет), либо установить в законодательстве положение о том, что отказ в иске о признании решения собрания ничтожным по причине ссылки ответчика на истечение сроков исковой давности не лишает любое заинтересованное лицо права ссылаться на ничтожность решения собрания. По нашему мнению, последний из предложенных инструментов является наиболее

целесообразным, поскольку соответствует текущему правовому регулированию и позволяет полностью исключить конвалидацию ничтожного решения.

Основания недействительности решений общих собраний хозяйственных обществ в российском праве представляют собой закрытые списки (*numerus clausus*) на основе виртуальной оспоримости и текстуальной ничтожности. Оспоримым признается любое решение общего собрания хозяйственного общества, противоречащее закону и нарушающее права или законные интересы члена корпорации (виртуальная оспоримость), если не установлено основание его ничтожности (текстуальная ничтожность).

Подходы виртуальной ничтожности и текстуальной оспоримости или текстуальной ничтожности и текстуальной оспоримости решений общих собраний являются опасными для имущественного оборота.

Если анализировать подходы законодателя по регулированию оснований оспоримости и ничтожности решений общих собраний хозяйственных обществ, то в российском праве (даже до реформы сделок) всегда господствовал подход виртуальной оспоримости и текстуальной ничтожности.

Целесообразным представляется применение одновременно двух критериев для установления оснований ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ. Такими критериями выступают существенность нарушения и возможность выявления нарушения без обязательной судебной оценки. Если нарушение не соответствует обоим критериям одновременно, то такое нарушение должно влечь оспоримость решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

Основания недействительности, прямо не признанные в законодательстве в качестве оснований ничтожности, должны являться основаниями оспоримости. По умолчанию, при оценке любого основания оспоримости должен применяться принцип каузальности.

§2. Целесообразные основания ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ

Поскольку концепция текстуальной ничтожности и виртуальной оспоримости решений общих собраний участников хозяйственных обществ представляется наиболее подходящей для российского права и используется в настоящее время, полагаем, что начать исследование целесообразных оснований недействительности необходимо именно с ничтожности. Это обусловлено тем, что при одновременном наличии оснований оспоримости и ничтожности, решение собрания будет считаться ничтожным.

Повторно обратим внимание на то, что в настоящем и следующем параграфах исследуются не основания оспоримости или ничтожности, закрепленные в современном российском праве, а целесообразные, по нашему мнению, основания, которые могут иным образом регламентироваться в соответствии с текущим законодательством.

К целесообразным основаниям ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ, по нашему мнению, относятся принятие решений (1) в отсутствие необходимого большинства, (2) кворума и (3) с выходом за пределы компетенции общего собрания. Также к основаниям ничтожности следует отнести (4) отсутствие нотариального подтверждения или подтверждения регистратором факта принятия решения и/или состава участников, если нотариальное подтверждение является обязательным.

При этом, представляется, что к основаниям ничтожности не должны быть отнесены (1) принятие решения общего собрания по вопросу, не включенному в повестку дня, и (2) принятие решения, противоречащего основам правопорядка и нравственности, а также (3) ограничение решением общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью права членов корпорации присутствовать на собрании, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений.

2.1. Принятие решения общего собрания хозяйственного общества в отсутствие необходимого большинства как целесообразное основание ничтожности

Ничтожность в силу принятия решения общего собрания в отсутствие необходимого большинства закреплена в специальных законах о хозяйственных обществах (пункт 10 статьи 49 ФЗ об АО, пункт 6 статьи 43 ФЗ об ООО). Отсутствие необходимого большинства подразумевает, что в процессе принятия решения по конкретному вопросу повестки дня не было выражено волеизъявление лиц, имеющих минимально необходимое число голосов за принятие такого решения. Это означает, что не произошла трансформация воли уполномоченных лиц в волю корпорации. Следовательно, решение общего собрания как юридический факт не возникло.

Получение необходимого большинства является ключевым, конституирующим фактором для любого решения собрания, принятого в рамках соответствующей компетенции. Если процедурные и некоторые содержательные нарушения, допущенные в процессе принятия решения, могут быть проигнорированы в целях обеспечения стабильности внутри корпорации и сведены к оспоримости, то по вопросу достаточного большинства законодатель должен занимать и занимает строгую позицию однозначной ничтожности.

Что произошло бы в том случае, если бы принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества в отсутствие необходимого большинства голосов признавалось бы основанием оспоримости? В таком случае возникла бы крайне опасная для имущественного оборота ситуация, когда не возникший юридический факт признавался действительным и порождающим правовые последствия до вынесения судебного постановления об обратном. Более того, если заинтересованное лицо пропустило бы срок исковой давности для обращения с требованием о признании такого решения собрания недействительным, возникал бы высокий риск конвалидации (исцеления) не возникшего юридического факта.

Следует отметить, что признание ничтожным решения общего собрания участников хозяйственного общества, принятого в отсутствие необходимого большинства голосов, должно являться основным способом защиты права в ситуации создания видимости решения, поскольку, как ранее было отмечено, в российском праве отсутствуют основания для выделения такого способа защиты права, как признание решения собрания непринятым (или несостоявшимся). Создание видимости решения может, в частности, иметь место в случае голосования на общем собрании неуполномоченным лицом. Согласимся с мнением немецких ученых, согласно которому подача на собрании голоса неуполномоченным лицом не оказывает влияния на формирование воли юридического лица и является юридической бездейственной¹⁸⁵ (поэтому установление результатов голосования должно представлять собой подсчет количественного отношения именно действительных голосов¹⁸⁶).

К сожалению, в судебной практике можно встретить примеры, когда решения общих собраний хозяйственных обществ, принятые в отсутствие необходимого большинства, были конвалидированы (исцелены) посредством принятия судебного постановления об отказе в удовлетворении исковых требований о признании решения собрания недействительным в силу ничтожности.

В пункте 14 Обзора судебной практики от 25.12.2019 года Президиум Верховного Суда РФ выразил правовую позицию о том, что суд может отказать в признании недействительным решения, принятого в отсутствие необходимого большинства голосов, если член корпорации без уважительных причин уклоняется от участия в собрании и препятствует принятию общим собранием значимых для корпорации решений¹⁸⁷. В данном случае Президиум ВС РФ ссылается на положения пункта 4 статьи 1 ГК РФ о том, что никто не вправе извлекать выгоду из своего незаконного или недобросовестного поведения, а также на пункт 2 статьи

¹⁸⁵ Herzfelder F. Stimmrecht und Interessenkollision bei den Personenverbänden des deutschen Reichsprivatrechts. München, 1927. S.150

¹⁸⁶ Zöllner W. Beschluß, Beschlußergebnis und Beschlußergebnisfestellung. S.826.

¹⁸⁷ Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019)

10 ГК РФ о том, что суд вправе отказать лицу в защите при допущении этим лицом злоупотребления правом.

Согласимся с мнением И.С. Чупрунова о том, что пункт 14 указанного Обзора является примером революционного нормотворчества со стороны Президиума ВС РФ¹⁸⁸.

По обстоятельствам приведенного в Обзоре дела участник общества с ограниченной ответственностью обратился в суд с требованием о признании недействительным решения общего собрания в силу отсутствия необходимого большинства голосов (ничтожность). Суд установил, что указанный член корпорации, обладающий долей в размере 40% уставного капитала, уклонялся от участия в собрании, что повлекло невозможность избрания нового директора, поскольку принятие решения по этому вопросу по уставу требовало большинства голосов не менее двух третей. Полагая, что такое поведение участника приводило к существенному затруднению деятельности общества, суд отказал в иске о признании решения собрания недействительным.

В данном случае судебное постановление фактически конвалидировало ничтожное решение общего собрания, что невозможно как в соответствии с законодательством, так и в соответствии с основной идеей, положенной в основу ничтожных решений собраний – такие решения недействительны независимо от признания этой недействительности судом. Формально ссылка на ничтожность возможна даже после вынесения судебного постановления об отказе в иске о признании решения недействительным. Однако вряд ли такая ссылка на практике будет иметь какое-либо значение, учитывая наличие судебного акта о признании бездействия члена корпорации злоупотреблением правом.

В рассматриваемой ситуации конвалидация косвенно привела к такому явлению, как волезамещающее решение суда (*substantive decision*¹⁸⁹). Для решений

¹⁸⁸ Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (автор комментария - Чупрунов И.С.) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 10, N 11. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

¹⁸⁹ Молотников А., Янковский Р. Конвертируемый заем и перспективы его имплементации в российскую правовую систему // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. А.Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015. Вып. IV. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

общих собраний участников в российском праве возможность волезамещающего решения суда на уровне судебной практики всячески отрицалась, поскольку суд не вправе своим решением «подменять компетенцию органа юридического лица»¹⁹⁰.

На наш взгляд, суду не следует допускать прямого или косвенного вмешательства в компетенцию общего собрания участников хозяйственного общества, поскольку это создает существенную угрозу стабильности корпоративного управления и имущественного оборота. В тех случаях, когда член корпорации злоупотребляет правами и затрудняет деятельность юридического лица, должны использоваться иные механизмы – исключение из непубличной корпорации, взыскание убытков или ликвидация юридического лица по решению суда. Кроме того, члены корпорации имеют возможность до возникновения тупиковых ситуаций (дедлоков) детально регламентировать порядок их разрешения посредством корпоративного договора или, в ряде случаев, устава.

К сожалению, рассматриваемая позиция Президиума Верховного Суда РФ, является не первым случаем конвалидации ничтожного решения общего собрания участников хозяйственного общества, принятого в отсутствие необходимого большинства. Например, в деле АО "Туймазытехуглерод" против ООО "Железобетон" суд также отказал в иске о признании подобного решения общего собрания недействительным¹⁹¹.

2.2. Принятие решения общего собрания хозяйственного общества в отсутствие кворума¹⁹² как целесообразное основание ничтожности

¹⁹⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.10.2016 N Ф08-7341/2016 по делу N А53-30867/2015; Определение Верховного Суда РФ от 02.07.2015 N 308-ЭС15-7730 по делу N А32-36033/2014; Решение Арбитражного суда Воронежской области от 14.12.2015 по делу N А14-13205/2015; Определение Арбитражного суда Брянской области от 30.06.2015 по делу N А09-3507/2010; Решение Арбитражного суда Ростовской области от 10.04.2008 по делу N А53-4548/2007-С1-33 // Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.10.2016 N Ф09-9090/16 по делу N А07-656/2016.

¹⁹² Стоит отметить, что в германской литературе вместо термина «кворум» используется категория «способность к принятию решения» („Beschlussfähigkeit“, или „Fähigkeit zur Beschlussfassung“). Koppenssteiner H.G. Kommentar zum § 48 GmbH-Gesetz // Rowedder/Schmidt-Leithoff. S.1659.

Такое основание ничтожности решения общего собрания участников хозяйственного общества, как принятие в отсутствие кворума установлено в пункте 10 статьи 49 ФЗ об акционерных обществах. Для обществ с ограниченной ответственностью категория «кворум» является нерелевантной, поскольку подсчет голосов осуществляется от числа всех участников общего собрания, а не от числа лишь присутствующих.

В первую очередь, следует сформулировать точное определение кворума, поскольку в российской доктрине можно встретить весьма спорные суждения в этом аспекте. Например, Г.В. Цепов под кворумом понимает «установленное количество участников собрания, необходимое для принятия правомочных решений»¹⁹³.

На наш взгляд, такое определение неприменимо для акционерных обществ, в которых кворум изначально определяется не количеством участников собрания, а количеством голосов (по общему правилу, количеством голосующих акций). Лишь после определения числа голосов и принадлежности количества голосов конкретному участнику можно для удобства определить количество участников для установления кворума.

Также важно отметить, что кворум ни при каких обстоятельствах не отражает необходимое количество участников или голосов для принятия решения, поскольку такое количество будет определено после установления факта наличия кворума. Например, если в акционерном обществе в список лиц, имеющих право участия в общем собрании, было включено сто участников, каждый из которых имеет одну голосующую акцию, то кворум будет составлять 51 голос (для удобства – 51 акционер). При этом, если необходимо принять решение простым большинством голосов, например, решение об избрании единоличного исполнительного органа, то при явке пятидесяти одного акционера на заседание общего собрания, число голосов, необходимых для принятия решения, будет равно

¹⁹³ Цепов Г.В. Недействительность решений коллегиальных органов хозяйственных обществ: в поисках баланса интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

двадцати шести. То есть указанное количество (двадцать шесть) менее кворума (пятьдесят один), как следствие, кворум не отражает необходимое количество голосов для принятия решения.

В этой связи применительно к акционерным обществам кворум представляет собой минимальное количество голосов, которым в совокупности должны обладать принявшие участие в общем собрании акционеры, чтобы собрание было правомочно принимать решения по вопросам повестки дня.

При этом согласимся с замечанием А.А. Глушецкого о том, что в значительном числе случаев категория «кворум общего собрания акционеров» неприменима, поскольку для различных решений может быть установлен различный состав голосующих. В этой связи используется понятие «кворум по вопросу повестки дня», а кворум определяется применительно не к общему собранию в целом, а отдельно по каждому вопросу из повестки¹⁹⁴.

Решения общих собраний акционеров, принятые в отсутствие кворума, следует признавать ничтожными по аналогичным соображениям, что и в случае с отсутствием необходимого большинства голосов, но основаниям не идентичным.

Согласимся с тем, что институт кворума должен гарантировать защиту интересов членов корпорации, ограничивая принятие решение незначительным числом участников¹⁹⁵. Именно кворум позволяет обеспечить принятие участия в собрании большинства, которое уполномочено принимать решения для меньшинства, не принимающего участие в этом собрании. При этом необязательно, чтобы за принятие решения единогласно проголосовали все лица, голоса которых составляют кворум. Как было ранее показано, при общем количестве голосов в акционерном обществе в значении 100 (ста), 26 (двадцати шести) голосов может быть достаточно для принятия решения. Поэтому кворум выполняет функцию обеспечения достаточного количества волеизъявлений голосующих акционеров на собрании, но в несколько другом аспекте, нежели чем получение необходимого

¹⁹⁴ Глушецкий А.А. Кворум общего собрания акционеров и кворум по вопросу повестки дня общего собрания акционеров (часть I) // Право и экономика. 2017. № 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁵ Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927. С.116.

большинства голосов. Кворум является необходимой гарантией того, что минимальное количество заинтересованных лиц примут участие в собрании, а не того, как они проголосуют. Именно поэтому отсутствие кворума при принятии решения общего собрания акционеров следует считать целесообразным основанием ничтожности наряду с отсутствием необходимого большинства голосов.

2.3. Принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества с выходом за пределы компетенции как целесообразное основание ничтожности

Ранее нами были сформулированы определение решения общего собрания участников хозяйственного общества и определение указанного собрания применительно к термину «решение».

Под решением общего собрания участников хозяйственного общества нами предлагается понимать акт коллективного волеизъявления совокупности участников хозяйственного общества, порождающий определенные гражданско-правовые последствия и, по умолчанию, не требующий полного согласования воли участников. При принятии решения участники хозяйственного общества образуют собрание как совокупность лиц, имеющих право голосовать при принятии решений по вопросам, включенным в компетенцию общего собрания, и воля которых, в конечном итоге, трансформируется в волю юридического лица.

Как можно заметить, компетенция является категорией, заложенной в основу понятия «общего собрания», следовательно, косвенно заложенного в основу термина «решение общего собрания». Компетенция представляет собой круг вопросов, по которым собрание уполномочено принимать решение¹⁹⁶. Выход за рамки компетенции повлечет за собой ситуацию, когда юридический факт создает гражданско-правовые последствия без наличия соответствующего правового

¹⁹⁶ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. (глава XII, автор главы – И.С. Шиткина). Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

основания (закрепления компетенции в законе или уставе). В этой связи решение общего собрания хозяйственного общества, принятое за рамками компетенции этого собрания, должно признаваться ничтожным.

Именно такой подход закреплен в современном российском праве. Для акционерных обществ ничтожность решения общего собрания акционеров в связи с выходом за пределы компетенции установлена пунктом 10 статьи 49 ФЗ об акционерных обществах. В ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью такое основание не установлено, однако закреплено в пункте 3 статьи 181.5 ГК РФ, восполняющего по указанной ранее позиции Верховного Суда РФ положения специального законодательства. Возможность восполнения, по нашему мнению, связана с тем, что выход за пределы компетенции прямо не урегулирован ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью. В этой связи конкуренция норм специального и общего закона не возникает, а правовая позиция Верховного Суда РФ позволяет расширить основания текстуальной ничтожности для обществ с ограниченной ответственностью.

Д.И. Степанов полагает, что принятие общим собранием участников ООО решения с нарушением компетенции не должно образовывать ничтожность, поскольку распределение компетенции между органами непубличной корпорации является вопросом ее участников. По мнению автора, все органы корпорации производны от общего собрания участников, как следствие, если нарушение компетенции допускается «высшим органом», то такое нарушение автоматически не влечет недействительность¹⁹⁷.

Не согласимся с мнением Д.И. Степанова по указанному вопросу. Во-первых, как ранее было отмечено, между органами корпоративного управления в хозяйственных обществах отсутствует юридическая иерархия (прямое подчинение одного органа другому). Каждый орган действует в рамках своей компетенции и не вправе выходить за ее рамки.

¹⁹⁷ Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

Более того, даже в обществах с ограниченной ответственностью система корпоративного управления может быть построена таким образом, чтобы функционировала система сдержек и противовесов между различными органами юридического лица. Например, в совет директоров могут быть включены представители инвесторов (в рамках исполнения квазикорпоративного договора), представители работников или представители миноритариев. В этих ситуациях именно заранее установленная компетенция конкретных органов является одним из инструментов обеспечения гарантий интересов различного рода стейкхолдеров. Допустить ситуацию, при которой общему собранию участников дозволено вмешиваться в компетенцию иных органов (которую, между прочим, необходимо изменить в уставе, как минимум, квалифицированным большинством) означает поставить под угрозу стабильность и работоспособность систем российского корпоративного управления в обществах с ограниченной ответственностью.

Единственным вариантом действий, при котором участники общего собрания общества с ограниченной ответственностью намерены выйти за пределы компетенции, является предварительное принятие на том же собрании решения об изменении устава (разумеется, с получением необходимого большинства). В соответствии с пунктом 4 статьи 12 ФЗ об ООО изменения в устав приобретают силу **для третьих лиц** с момента государственной регистрации (выделено нами – А.Т.). В этой связи, по нашему мнению, для самой корпорации, которая третьим лицом по отношению к своему органу не является, изменения устава будут иметь юридическую силу с момента принятия соответствующего решения.

В качестве итогового вывода резюмируем, что выход общим собранием участников хозяйственного общества за пределы компетенции является целесообразным основанием ничтожности как для обществ с ограниченной ответственностью, так и для акционерных обществ.

2.4. Отсутствие нотариального подтверждения или подтверждения регистратором факта принятия решения и/или состава участников общего

собрания участников хозяйственного общества как целесообразное основание ничтожности

Ранее рассмотренный нами институт подтверждения факта принятия решения собрания и состава участников выполняет важную функцию защиты от фальсификаций и искажения волеизъявлений участников хозяйственных обществ. Особое внимание следует обратить на те обстоятельства, которые фиксируются в процессе подтверждения – факт принятия решения и состав участников. Если более детально проанализировать указанные обстоятельства, то можно прийти к выводу, что подтверждается также достижение необходимого большинства (если факт принятия решения подтвержден) и кворум (если подтвержден состав участников). То есть подтверждение, в частности, является доказательством отсутствия ряда оснований ничтожности, рассмотренных нами ранее.

В связи с этим возникает следующий вопрос – следует ли признавать уклонение от подтверждения или нарушение правил его осуществления основанием ничтожности, учитывая те обстоятельства, которые подлежат фиксации?

Верховный Суд РФ в пункте 107 Постановлении Пленума №25 от 23.06.2015 года выразил правовую позицию о том, что решения общего собрания участников хозяйственных обществ, «не удостоверенные» нотариусом или регистратором, если иной способ подтверждения не предусмотрен уставом, являются ничтожными.

Разумеется, Верховный Суд РФ допускает терминологическую неточность, поскольку удостоверяется (подтверждается) не само решение, а факт его принятия и состав участников. То есть законодательством не предусмотрена нотариальная или иная особая форма решений общих собраний, как в случае со сделками. Однако, в целом, подход избранный Верховным Судом РФ, представляется правильным. Если уставом (общества с ограниченной ответственностью) устанавливается порядок подтверждения, отличный от нотариального, то несоблюдение такого порядка, исходя из содержания правовой позиции ВС РФ, не

должно приводить к ничтожности. Если же нотариальное удостоверение обязательно, то результатом его отсутствия будет именно ничтожность.

В непубличных акционерных обществах может быть выбрано либо нотариальное подтверждение, либо подтверждение регистратором, а в публичных акционерных обществах подтверждение осуществляет только регистратор. Как следствие, отсутствие подтверждения в АО или ПАО в любом случае приведет к ничтожности решения общего собрания акционеров. В тех случаях, когда подтверждение факта принятия решения собрания и состава участников осуществляет нотариус или регистратор, гарантом отсутствия необходимого большинства и кворума являются третьи независимые лица (нотариус или регистратор). Игнорирование обращения к таким лицам создает высокий риск фальсификации или искажения волеизъявлений участников собрания.

Если же нотариальное удостоверение в обществах с ограниченной ответственностью не является обязательным и участниками выбран альтернативный способ подтверждения, то, как правило, фигура независимого гаранта отсутствует (используются механизмы видео-фиксации, подписания протокола всеми участниками собрания и т.д.).

Отчасти представляется справедливым мнение Д.И. Степанова, согласно которому сложно говорить о ничтожности, когда «предписанная законом форма (например, нотариальная) не соблюдена, но при этом есть другие доказательства факта принятия решения»¹⁹⁸. На наш взгляд, приведенная позиция должна быть поддержана в тех случаях, когда подтверждение факта принятия решения и состава участников не должен осуществлять ни нотариус, ни регистратор, поскольку могут иметь место объективные (не требующие верификации независимым гарантом) доказательства отсутствия пороков, обычно приводящих к ничтожности (отсутствие необходимого большинства и кворума).

В этой связи считаем целесообразным основанием ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ отсутствие нотариального

¹⁹⁸ Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

удостоверения или подтверждения регистратором факта принятия решения и состава участников собрания в тех случаях, когда такое удостоверение или подтверждение являются обязательными. При этом несоблюдение иных правил подтверждения факта принятия решения и состава участников следует признать целесообразным основанием оспоримости, но не ничтожности.

2.5. Принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества по вопросу, не включенному в повестку дня, как нецелесообразное основание ничтожности

В специальных законах о хозяйственных обществах закреплено такое основание ничтожности решения общего собрания участников, как принятие решения по вопросу, не включенному в повестку дня, за исключением случая, если в собрании приняли участие все члены корпорации (пункт 6 статьи 43 ФЗ об ООО, пункт 10 статьи 49 ФЗ об АО).

Противником указанного подхода выступает, в частности, А.А. Кузнецов, а сторонником, в частности, Д.И. Степанов. Полагаем целесообразным рассмотреть аргументы авторов в защиту своей позиции.

По мнению А.А. Кузнецова, правила включения вопросов в повестку дня относятся к числу процедурных и направлены на то, чтобы обеспечить возможность участия членов корпорации в собрании, будучи надлежащим образом информированными. Как следствие, ситуация принятия решения по вопросу, не включенному в повестку дня, и ситуация, когда участника не уведомили о собрании (в том числе о повестке дня) являются эквивалентными. При этом, с точки зрения законодателя, неуведомление о собрании влечет оспоримость, а принятие решения по вопросу, выходящему за рамки повестки дня, по общему правилу, ничтожность, что вызывает у автора сомнения в наличии обоснования соответствующей логики¹⁹⁹.

¹⁹⁹ Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020.

По мнению Д.И. Степанова, логика такого основания ничтожности как принятие решения по вопросу, не включенному в повестку дня, состоит в следующем. Если участник был бы осведомленным о полном перечне вопросов, по которым должны приниматься решения, то мог бы обеспечить свою явку на собрание и проголосовал бы соответствующим образом. Если же он не имеет представления о полной повестке дня, то может, ничего не подозревая, покинуть собрание ранее положенного срока или не посетить его вовсе. Как следствие, это может повлиять на итоговые результаты голосования, ведь если бы участник присутствовал на собрании, имея представление о полной версии повестки, то проголосовал бы «за» или «против» принятия соответствующего решения. В этой связи позиция законодателя, согласно которой решение собрания, принятое за рамками повестки дня, по общему правилу, ничтожно, обусловлено общей превенцией и минимизацией судебного вмешательства в волеизъявление участников собрания. Общая превенция связана с *ex ante* пресечением желания допустить соответствующее нарушение под страхом ничтожности. Минимизация судебного вмешательства в волеизъявление участников объясняется тем, что при режиме оспоримости решений, принятых за рамками повестки дня, судье необходимо было бы оценивать возможные варианты волеизъявления неосведомленного участника, то есть ставить себя на его место и определять, насколько существенно волеизъявление потерпевшего могло повлиять на итоговые результаты голосования²⁰⁰.

Безусловно, аргументация Д.И. Степанова является глубокой и заслуживающей внимания. Однако, по нашему мнению, все же следует исходить из целесообразности режима оспоримости для решений общих собраний, принятых за рамками повестки дня. При этом представляется недостаточно корректным аргумент А.А. Кузнецова о том, что режим ничтожности для решений собраний, принятых за рамками повестки, не обоснован в связи с оспоримостью решений, принятых в отсутствие уведомления одного из участников. Во-первых, из

²⁰⁰ Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021.

указанного аргумента также можно предполагать, что не обоснован режим оспоримости для случая с отсутствием уведомления. Во-вторых, может иметь место ситуация, когда член корпорации имеет представление об исчерпывающей повестке дня собрания заранее, но не получает уведомление о точном времени и месте проведения этого собрания.

По нашему мнению, режим оспоримости для ситуации с принятием решения за рамками повестки дня должен использоваться в связи с тем, что в каждом конкретном случае необходимо произвести оценку обстоятельств, при которых решение принималось за рамками повестки дня. Возможно, изначальная повестка дня была в последующем скорректирована за период времени до проведения собрания, достаточный для соответствующей подготовки участника, но доказательства такой корректировки не являются очевидными. Режим ничтожности не позволяет произвести квалифицированную и независимую оценку подобных обстоятельств.

2.6. Принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества, противоречащего основам правопорядка и нравственности, как нецелесообразное основание ничтожности

В специальных законах о хозяйственных обществах отсутствует такое основание ничтожности решений общих собраний, как противоречие основам правопорядка и нравственности. Соответствующее основание закреплено в пункте 4 статьи 181.5 ГК РФ и применяется как для акционерных обществ, так и для обществ с ограниченной ответственностью. По нашему мнению, противоречие основам правопорядка и нравственности применительно к недействительности решений общих собраний участников хозяйственных обществ должно являться основанием оспоримости, а не ничтожности.

Представляется, что наиболее точным образом определение основ правопорядка и нравственности сформулировал В.С. Ем. Под основами правопорядка правовед предлагал понимать принципы права, определяющие

общественную, политическую и экономическую организацию общества, выражающие его сущность, социальную направленность и пределы осуществления прав и свобод. Под основами нравственности В.С. Ем предлагал понимать господствующие в условиях конкретного общества представления о добре и зле, плохом и хорошем, справедливом и несправедливом. При этом отдельно подчеркивалось, что круг сделок (а рассуждал правовед об идентичном основании недействительности сделок) формируется судебной практикой, взгляды которой «как никогда зависят от политических и социально-экономических факторов, господствующих в обществе»²⁰¹.

Разумеется, принятие решения общего собрания, противоречащего основам правопорядка и нравственности, будет в высшей степени существенным нарушением. В качестве примера решения, противоречащего основам нравственности, можно привести решение общего собрания об одобрении сделки, направленной на незаконную поставку оружия или торговлю людьми. В качестве примера решения, противоречащего основам правопорядка, можно привести решение об односторонней передаче кредиторской задолженности корпорации одному из ее членов без получения согласия последнего (соответствующее полномочие общего собрания может по какой-либо причине получить неправомерное закрепление в уставе корпорации). Почему же нами выдвинут тезис о целесообразности режима оспоримости, а не ничтожности в таких случаях?

Как было ранее отмечено, в основу разграничения оспоримых и ничтожных решений собраний не может быть положен лишь один критерий, в том числе критерий существенности нарушения. Особенностью ничтожного решения собрания является отсутствие необходимости судебного подтверждения недействительности.

²⁰¹ Ем В.С. О критериях ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // Вестник гражданского права. 2014. № 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс». Про анализ категорий «основы правопорядка» и «основы нравственности» см. также: Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности: проблемы правовой квалификации // Законодательство. 2022. № 2. Приведено по СПС «Гарант».

Разумеется, нарушение, приводящее к ничтожности решения, должно являться достаточно существенным, поскольку соответствующий режим недействительности является серьезной санкцией для корпорации и ее членов. Однако также основание ничтожности должно быть несложно верифицировать без судебной оценки.

Когда необходимо произвести анализ соответствия решения собрания основам правопорядка или нравственности, лицо, осуществляющее анализ, сталкивается с категориями, в высшей степени неопределенными. По нашему мнению, только суд может установить факт противоречия основам правопорядка или нравственности для того, чтобы констатировать недействительность решения.

Является ли такой подход кардинально отличающимся от современного регулирования и опасным в связи с возможной легализацией антисоциальных решений посредством ссылки на истечение исковой давности? Вряд ли. Ведь ссылка ответчика на исковую давность также возможна в современных реалиях при подаче иска о признании ничтожного решения недействительным. Для минимизации возможных негативных последствий для общества (социума) от режима оспоримости для антисоциальных решений общего собрания могут быть установлены увеличенные сроки исковой давности (например, три года или даже десять лет), а также – право на иск любого заинтересованного лица. Полный отказ от сроков исковой давности вряд ли возможен, поскольку на протяжении, например, пятнадцати или двадцати лет правопорядок и нравственность общества могут измениться.

При этом еще раз подчеркнем, что такая неопределенная категория, как противоречие основам правопорядка и нравственности, не должна и не может устанавливаться без должной судебной оценки, а потому режим ничтожности по соответствующему основанию для решений общих собраний участников хозяйственных обществ неприменим.

2.7. Ограничение решением общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью права членов корпорации присутствовать на

собрании, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений как нецелесообразное основание ничтожности

Пунктом 1 статьи 32 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью установлено такое специфическое основание ничтожности решений общих собраний участников, как ограничение прав членов корпорации присутствовать на собрании, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений. При этом для акционерных обществ аналогичное основание ничтожности не регламентировано.

Вероятно, устанавливая соответствующее основание ничтожности, законодатель исходил из того, что общества с ограниченной ответственностью более близки к объединению лиц, чем к объединению капиталов в отличие от акционерных обществ, а потому – необходимо обеспечить участникам повышенную защиту от ущемления права на управление делами корпорации.

На наш взгляд, такой подход заслуживает пересмотра по двум причинам.

Во-первых, общества с ограниченной ответственностью в современных российских реалиях могут создаваться и создаются не только начинающими предпринимателями, но и крупным бизнесом как оптимальная форма ведения деятельности. Поэтому излишний патернализм законодателя может оказать губительное воздействие на оптимизацию корпоративного управления и распределение корпоративного контроля по тем или иным вопросам. В этой связи введение режима оспоримости для соответствующих нарушений представляется более уместным, поскольку позволит осуществить судебную оценку реальности и существенности ущемления прав члена корпорации, прежде чем лишить решение общего собрания юридической силы.

Во-вторых, даже если патернализм законодателя в ряде случаев обоснован, то ограничение права присутствия на собрании, участия в обсуждении вопросов и голосования при принятии решений не всегда очевидно. Конечно, если в уставе закрепить положение о прямом запрете конкретному члену корпорации посещать

заседания общих собраний, ничтожность не вызовет сомнений. Однако как быть в ситуации, когда в уставе, например, установлена процедура голосования посредством особых технических средств, которые понятны не всем участникам собрания, но для всех обеспечены корпорацией? Является ли решение общего собрания, утвердившее такое положение устава, ничтожным?

На наш взгляд, логика, по которой ущемление прав на участие в собрании не должно приводить к ничтожности, идентична логике, по которой ничтожными не должны признаваться решения, противоречащие основам правопорядка и нравственности. Важна не только существенность нарушений, но и отсутствие неопределенности при их установлении. Если такая неопределенность может возникнуть, то режим ничтожности априори не должен применяться.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что ограничение решением общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью права членов корпорации присутствовать на собрании, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений не является целесообразным основанием ничтожности, что, разумеется, не исключает его оспоримость.

Итак, к целесообразным основаниям ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ, по нашему мнению, относятся принятие решений (1) в отсутствие необходимого большинства голосов, (2) кворума и (3) с выходом за пределы компетенции общего собрания. Также к основаниям ничтожности следует отнести (4) отсутствие нотариального подтверждения или подтверждения регистратором факта принятия решения и/или состава участников, если нотариальное подтверждение или подтверждение регистратором является обязательным.

При этом, представляется, что к основаниям ничтожности не должны быть отнесены (1) принятие решения общего собрания по вопросу, не включенному в повестку дня, (2) принятие решения, противоречащего основам правопорядка и нравственности, а также (3) ограничение решением общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью права членов корпорации

присутствовать на собрании, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений.

§3. Целесообразные основания оспоримости решений общих собраний участников хозяйственных обществ

Виртуальная оспоримость подразумевает наличие достаточно широкого круга оснований для признания решения общего собрания участников хозяйственного общества недействительным. Таким основанием в современном российском праве выступает принятие решения собрания с нарушением требований законодательства, иных правовых актов или устава корпорации. При этом должны быть ущемлены права или законные интересы участника корпорации (пункт 1 статьи 43 ФЗ об ООО, пункт 7 статьи 49 ФЗ об АО).

Как ранее нами было отмечено, отказ от столь широкого по своему содержанию основания (переход к текстуальной оспоримости) вряд ли допустим, поскольку создаст риск невозможности обеспечения защиты интересов членов корпорации при неучтенном нарушении законодательства, потенциально являющегося существенным. Однако представляется, что в целях обеспечения правовой определенности современный режим виртуальной оспоримости может быть модернизирован.

При сохранении основания оспоримости с широким содержанием (любое противоречие закону или уставу) могут параллельно существовать специальные основания оспоримости, например, принятие решения общего собрания по вопросу, не включенному в повестку дня, или ненадлежащее уведомление одного из участников. В то же время специальные основания оспоримости могут содержать особый или даже уникальный набор условий, необходимых для признания решения собрания недействительным.

По существу, специальные основания оспоримости являются разновидностью общего: ненадлежащее уведомление участника или принятие решения за рамками повестки дня нарушает законодательство. В чем же смысл детализировать особый набор условий для каждого основания, если истец, не имеющий в конкретном случае возможности доказать эти условия, выберет более

простой путь и обратится с иском о признании решения собрания недействительным по общему основанию?

Именно в этом аспекте режим виртуальной оспоримости, на наш взгляд, следует модернизировать. Если в законодательстве под конкретную ситуацию (нарушение) установлено специальное основание, то необходимо запретить применять общее основание для идентичной ситуации.

Например, при нарушении правил уведомления может быть предусмотрено специальное основание оспоримости решения собрания: чтобы решение собрания было признано недействительным, необходимо доказать, что уведомление не было осуществлено вовсе, либо уведомление получено позднее истечения половины периода времени, за который участник должен быть уведомлен о проведении собрания, либо уведомление осуществлено ненадлежащим способом. Если установить запрет применения общего основания оспоримости (противоречие закону) для любых случаев нарушения правил уведомления, то истец, например, не сможет оспорить решение собрания по общему основанию, ссылаясь на незначительную просрочку получения заказного письма от корпорации.

Если при таком режиме регулирования виртуальной оспоримости детально описать различные специальные основания недействительности, общее основание будет охватывать лишь те случаи, о которых законодатель заранее не позаботился. При этом каждое специальное основание может получить особое регулирование: в каких-то ситуациях необходимо отдельно доказать существенность нарушения, в каких-то такая необходимость будет отсутствовать ввиду презумпции существенности нарушения при любых обстоятельствах. Для ряда оснований могут быть установлены специфические правила учета поведения истца и иных членов корпорации или, например, расширенный состав лиц, имеющих право на удовлетворение иска (актуально для случаев противоречия решения общего собрания основам правопорядка и нравственности).

На наш взгляд, именно точечный подход взаимоисключающего регулирования виртуальной оспоримости (при котором общее основание недействительности не может быть применимо при наличии специального

основания недействительности для данной ситуации) наиболее полным образом обеспечивает гарантию интересов, заслуживающих защиты, правовую определенность и стабильность имущественного оборота.

В связи с отстаиванием подхода взаимоисключения представляется целесообразным начать исследование целесообразных оснований оспоримости именно со специальных, а завершить – общим (противоречием закону или уставу), сформулировав подробное положение о неприменимости общего основания для ряда ситуаций. Однако до начала анализа оснований необходимо определиться с двумя важными условиями признания недействительными оспоримых решений общих собраний участников.

Во-первых, в каких случаях члены корпорации ни при каких обстоятельствах не должны получать право на удовлетворение иска о признании решения недействительным независимо от основания оспаривания? Во-вторых, каким образом должен быть сформулирован принцип каузальности и применим ли он к любому основанию оспоримости?

Полагаем, что члены корпорации не должны получать право на удовлетворение иска, если они проголосовали за принятие оспариваемого решения. Указанное ограничение не должно применяться для случаев, когда голосование за принятие решения было осуществлено под влиянием угрозы или насилия. При этом воздержание от голосования не следует признавать обстоятельством, при котором участник общего собрания лишается права на удовлетворение иска, независимо от того, является ли воздержание добросовестным или нет. Дело в том, что член корпорации, будучи ненадлежащим образом информированным, может не располагать достаточными данными для принятия однозначно положительного или однозначно отрицательного решения, а потому – воздержание от голосования также является способом его волеизъявления.

Принцип каузальности, по нашему мнению, должен применяться не для каждого основания оспоримости решения общего собрания. Однако для тех случаев, когда принцип применим, полагаем целесообразным исходить из следующего его содержания: судья должен отказать в удовлетворении иска о

признании оспоримого решения общего собрания участников хозяйственного общества недействительным при одновременном наличии следующих обстоятельств: (1) ответчик или иное лицо доказали, что оспаривающий решение член корпорации не мог своим голосованием повлиять на принятие иного решения и (2) оспаривающий решение член корпорации не доказал существенность допущенного нарушения его прав или законных интересов. Повторим, для ряда оснований принцип каузальности будет неприменим. При этом для некоторых ситуаций допущения его применения по своему содержанию принцип будет видоизменен, о чем мы сделаем соответствующую оговорку при описании целесообразных оснований оспоримости.

3.1. Нарушение правил уведомления члена корпорации о проведении общего собрания участников хозяйственного общества как целесообразное специальное основание оспоримости

Российское законодательство не содержит такого специально выделенного основания оспоримости решений общих собраний, как нарушение правил уведомления. Очевидно, что указанное нарушение является процедурным и противоречащим законодательству. При этом можно встретить различную судебную практику в части применения принципа каузальности в случае нарушения порядка уведомления.

Например, Высший Арбитражный Суд РФ в 2007 году выразил правовую позицию, согласно которой факт отсутствия уведомления участника исходя из особенностей управления в обществах с ограниченной ответственностью сам по себе является существенным нарушением, в этой связи решение общего собрания, принятое в отсутствие уведомления одного из участников, должно быть признано недействительным²⁰².

²⁰² Постановление Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 N 7769/07 по делу N А40-43600/06-81-218

В другом деле Арбитражный суд Центрального округа в 2017 году оставил решение общего собрания участников, принятое с аналогичным нарушением, в силе, поскольку голосование истца не могло повлиять на результат принятого решения²⁰³.

На наш взгляд, справедливым представляется позиция Высшего Арбитражного Суда РФ – причем, как для обществ с ограниченной ответственностью, так и для акционерных обществ (непубличных и публичных).

Отсутствие уведомления члена корпорации о заседании общего собрания или уклонение от отправки бюллетеня для заочного голосования является существенным нарушением, поскольку участник утрачивает возможность присутствовать на собрании и выразить собственное мнение не только посредством голосования, но и посредством обоснования преимуществ или недостатков принимаемого решения, тем самым повышая вероятность изменить мнение иных членов корпорации. В случае проведения собрания в заочной форме аналогичная аргументация также актуальна, поскольку обсуждение принимаемых решений может осуществляться членами корпорации до принятия решений и направления бюллетеней в адрес юридического лица.

В этой связи для случаев нарушения правил уведомления принцип каузальности применяться не должен, однако, не каждое нарушение правил уведомления должно приводить к недействительности решения.

На наш взгляд, на законодательном уровне соответствующее основание оспоримости должно включать в себя три ситуации: (1) ситуацию, когда член корпорации не был уведомлен вовсе, (2) ситуацию, когда уведомление получено позднее истечения половины периода времени, за который участник должен быть уведомлен о проведении собрания и (3) ситуацию, когда член корпорации не был уведомлен надлежащим образом.

Если по вопросу первой ситуации наша позиция уже высказана, то вторая и третья требуют дополнительных пояснений.

²⁰³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.03.2017 N Ф10-63/2017 по делу N А83-1267/2016

Время каждого человека, в том числе представителя юридического лица (члена корпорации) – ресурс, который необходимо оценивать по достоинству. Каждый может вести профессиональную или предпринимательскую деятельность в графиках с различной плотностью и дальностью планирования. В этой связи полученное с опозданием уведомление делового человека о заседании общего собрания за один день или в ряде случаев за неделю до самого заседания тождественно отсутствию уведомления вовсе, поскольку загруженность этого человека может не позволить ему посетить собрание, посетить нотариуса для подготовки доверенности или должным образом подготовиться к собранию.

По этой причине полагаем целесообразным установить, что получение уведомления позднее истечения половины периода времени, за который участник должен быть уведомлен, является основанием оспоримости решения общего собрания участников хозяйственного общества, даже если член корпорации присутствовал на собрании. Например, если в конкретном обществе с ограниченной ответственностью о проведении общего собрания необходимо уведомить за тридцать дней, к недействительности решения по причине просрочки уведомления должно приводить получение уведомления позднее истечения пятнадцати дней от указанного периода.

Ситуация с выбором ненадлежащего способа уведомления также должна влечь за собой недействительность решения собрания. Если в корпорации установлен такой способ уведомления о собрании, как направление ценного письма с описью вложения, отправка вместо этого уведомления по электронной почте не является доказательством должного уведомления, если соответствующий способ прямо не поименован в уставе. На участника корпорации нельзя возлагать бремя отслеживания подразумеваемых источников получения юридически значимых сообщений, отличных от прямо установленных внутри конкретной корпорации. Использование ненадлежащего способа уведомления должно являться риском лица, организующего проведение общего собрания участников хозяйственного общества.

3.2. Принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества по вопросу, не включенному в повестку дня, как целесообразное специальное основание оспоримости

Ранее было отмечено, что в российском праве принятие решения общего собрания по вопросу, не включенному в повестку дня, влечет ничтожность решения, за исключением случая, если в собрании приняли участие все члены корпорации.

Нами выдвинуто предложение отказаться от режима ничтожности при допущении соответствующего нарушения в пользу оспоримости, что связано с необходимостью судебной оценки обстоятельств принятия решения за рамками повестки дня.

Какую опасность для членов корпорации представляет собой выход за рамки повестки дня? Опасность состоит в том, что воля коллектива может оказаться фактически искаженной по причинам, не зависящим от его членов. Не имея заранее информацию о полноценной повестке дня, участник корпорации может не обеспечить свою явку для выражения воли по важному для него вопросу или, например, добросовестно покинуть заседание собрания, не подозревая о том, что оно будет продолжено после небольшого перерыва. Не получив информацию о полноценной повестке дня в надлежащий срок, член корпорации может не успеть должным образом подготовиться к заседанию и проанализировать все риски принятия соответствующего решения.

По своему характеру принятие решения по вопросу, не включенному в повестку дня, похоже на ненадлежащее уведомление участника о проведении собрания, однако, различия всё же есть, а потому следует разграничить указанные основания оспоримости.

Дело в том, что повестка дня собрания является динамичной. Члены корпорации могут вносить предложения в первоначальную повестку дня, а лица, созывающие собрание, обязаны в этом случае уведомить участников хозяйственного общества об изменениях в повестке (например, в соответствии с

пунктом 2 статьи 36 ФЗ об ООО). При этом сроки для уведомления об изменениях в повестке дня, разумеется, отличаются от сроков уведомления о самом собрании и являются по отношению к ним сокращенными.

В этой связи, по нашему мнению, решение общего собрания участников хозяйственного общества, принятое по вопросу, не включенному в повестку дня, следует признавать недействительным в том случае, если истец не получал информацию о включении соответствующего вопроса в повестку, получил её позднее истечения половины периода времени, за который участник должен быть уведомлен о включении вопроса в повестку или не получил соответствующую информацию надлежащим способом.

Применение принципа каузальности в данном случае будет являться необоснованным, поскольку любое решение, принятое за рамками повестки дня, должно считаться принятым с существенным нарушением. Разумеется, если все члены корпорации присутствуют на собрании и голосуют за принятие решения по вопросу, не включенному в повестку дня, основание для недействительности отсутствует. Однако наличие хотя бы одного голоса против принятия такого решения, воздержание от голосования или отсутствие на заседании кого-либо из участников корпорации, имеющих права голоса, должно влечь за собой недействительность оспоримого решения, принятого по вопросу, не включенному в повестку, если нарушение затрагивает интересы именно лица, не проголосовавшего за принятие соответствующего решения.

3.3. Созыв общего собрания участников хозяйственного общества ненадлежащим лицом как целесообразное специальное основание оспоримости

В современной российской судебной практике можно встретить немало дел, когда решения общих собраний хозяйственных обществ признавались недействительными в связи с их созывом ненадлежащим лицом. Особенно часто признаются недействительными решения общих собраний участников обществ с

ограниченной ответственностью в случаях, когда члены корпорации созывали собрание самостоятельно, предварительно не направив требование о созыве лицу, осуществляющему функции единоличного исполнительного органа²⁰⁴. Инициация собрания неуполномоченным лицом признавалась судами существенным нарушением, в связи с чем принцип каузальности не подлежал применению.

Одно из наиболее подробных обоснований причин признания таких решений недействительными было дано Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в споре об оспаривании решения общего собрания акционеров. Согласно правовой позиции Президиума ВАС РФ созыв общего собрания неуполномоченными лицами, даже если он осуществлен владельцами контрольного пакета акций, является существенным нарушением, поскольку нарушает права других акционеров на участие в управлении корпорацией, а также «влияет на объем полномочий органов управления»²⁰⁵.

Позиция Президиума ВАС РФ представляется обоснованной. Созыв и проведение общего собрания хозяйственного общества подразумевает строгую процедуру, призванную обеспечить гарантию интересов каждого члена корпорации. В этой связи, независимо от оценки существенности нарушения, то есть без учета принципа каузальности, суд должен признавать недействительным решение общего собрания, созванное неуполномоченным (ненадлежащим) лицом.

Тем не менее, можно допустить ситуацию, когда собрание было инициировано неуполномоченным лицом, но с соблюдением всех процедурных правил (уведомление, направление повестки дня, обеспечение доступа к информации, надлежащая регистрация и т.д.). Если такое собрание с пороком инициации посетили все члены корпорации, имеющие права голоса (или указанные лица направили бюллетени), то, по нашему мнению, решения собрания могут быть оставлены в силе независимо от того, каким образом участники проголосовали, поскольку из их поведения следует признание собрания состоявшимся. Крайне

²⁰⁴ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.04.2017 N Ф06-5551/2016 по делу N А57-10122/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.06.2015 N Ф07-3653/2015 по делу N А26-4032/2014

²⁰⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 28.07.2009 N 3607/09 по делу N А73-3144/2008-38

важно подчеркнуть, что посетить собрание или направить бюллетени должны все без исключения члены корпорации, имеющие права голоса. Если хотя бы один участник, имея даже наименьший пакет голосов, не посетит заседание или не направит бюллетень – должно иметь место основание оспоримости. При этом участники, посетившие собрание или направившие бюллетень, не должны получать право на удовлетворение иска об оспаривании решения собрания по соответствующему основанию, однако также не должны быть ущемлены в применении иных оснований недействительности. Участник, не посетивший собрание или не направивший бюллетень, не должен быть лишен права исходить из того, что собрание, созванное ненадлежащим лицом, изначально нелегитимно.

Указанное ограничение на оспаривание решений общих собраний позволит участникам корпорации оперативно принимать решения общих собраний в случае, если члены совета директоров или лица, осуществляющие функции единоличного исполнительного органа, не могут выполнять свои функции (например, по причине тяжелой болезни) или действуют недобросовестно вопреки интересам корпорации и во вред интересам всех без исключения членов корпорации, имеющих права голоса.

При этом соблюдение должной процедуры созыва и проведения собрания в случае с таким пороком инициации должно являться обязательным условием для оставления судом решения общего собрания в силе. Особую актуальность данный тезис приобретает для акционерных обществ, поскольку именно лицо, созывающее и организующее проведение собрания, устанавливает дату фиксации списка лиц, имеющих право на участие в собрании (с учетом требований и ограничений законодательства).

В этой связи, даже если член корпорации присутствовал на собрании с пороком инициации, любое нарушение процедуры созыва и проведения собрания (за исключением нарушения, связанного с неуполномоченным лицом, осуществляющим созыв) должно предоставлять ему право на иск об оспаривании решения собрания независимо от учета принципа каузальности (существенности нарушения и возможности участника влиять на итоги голосования). Как следствие,

неуполномоченному инициатору необходимо крайне внимательно подходить к соблюдению всех процедурных требований созыва и проведения собрания.

3.4. Нарушение принципа равного отношения к членам корпорации при прочих равных условиях как целесообразное специальное основание оспоримости решений общих собраний участников хозяйственных обществ

Основание оспоримости решений собраний, связанное с нарушением равенства прав участников, закреплено в подпункте 3 пункта 1 статьи 181.4 Гражданского кодекса РФ. При этом формулировка указанного пункта несколько отличается от той, что была предложена Советом по кодификации в пункте 4.2.2 Концепции развития гражданского законодательства²⁰⁶. Согласно приведенному пункту Концепции специальным основанием недействительности решения собрания могут быть «нарушения принципа равного отношения к участникам собрания при прочих равных условиях».

Оговорка «при прочих равных условиях» не закреплена в современном российском законодательстве, но, тем не менее, является крайне важной, поскольку иллюстрирует невозможность полного обеспечения равенства прав членов корпорации, хотя бы в силу различных размеров долей в уставном капитале и различного количества голосующих акций на руках одного акционера. В этой связи формулировку, установленную в статье 181.4 ГК РФ, нельзя признать совершенной.

Нарушение принципа равного отношения к членам корпорации при прочих равных условиях, по нашему мнению, заслуживает признания в качестве самостоятельного основания оспоримости решения общего собрания участников хозяйственного общества. Однако прежде чем привести аргументы в пользу

²⁰⁶ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009). Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

указанного тезиса, следует обратить внимание на практику применения соответствующего основания (хотя и с несовершенной формулировкой).

Судебную практику оспаривания решений общих собраний в связи с нарушением принципа равного отношения нельзя назвать масштабной. В качестве примеров судебного признания нарушения указанного принципа выступают случаи отказа в допуске представителя участника на собрание²⁰⁷ или необоснованного отстранения от участия в собрании²⁰⁸. Яркой иллюстрацией применения принципа равного отношения к участникам корпорации является также признание недействительным решения в связи с проведением общего собрания в период действия судебного запрета на изменение доли в уставном капитале для одного из членов корпорации²⁰⁹. В приведенном деле суд признал недействительным решение об увеличении уставного капитала в обществе с ограниченной ответственностью, поскольку у одного из участников не имелось юридической или фактической возможности осуществить внесение дополнительного вклада (при пропорциональном увеличении уставного капитала), либо потребовать выкупа своей доли в силу действия соответствующего судебного запрета. Согласно правовой позиции суда – решение об увеличении уставного капитала, принятое с учетом информации о действии судебного запрета, нарушает принцип равенства прав участника корпорации.

Одна из причин, по которой целесообразно выделение такого основания оспоримости решений общих собраний, как нарушение принципа равенства (при прочих равных условиях), состоит в необходимости подчеркнуть наличие соответствующего принципа и сделать акцент на рисках (результатах) дискриминации членов корпорации.

Другая причина связана с особенностью регулирования условий признания решений собраний недействительными по приведенному основанию. Принцип

²⁰⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 июля 2018 года по делу N А56-48369/2017

²⁰⁸ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.01.2018 N Ф01-5757/2017 по делу N А29-2446/2017; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.12.2019 N Ф06-55411/2019 по делу N А12-15660/2019

²⁰⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.12.2019 N Ф07-14683/2019 по делу N А56-114847/2018

каузальности, выражающийся в учете существенности нарушения и возможности члена корпорации повлиять на принимаемое решение, как нам видится, в данном случае неприменим, поскольку любая дискриминация (предоставление преимуществ одному и лишение их другого) сама по себе является существенной.

Однако принцип равного отношения – это категория с крайне широким содержанием, а потому представляющая потенциальную угрозу для стабильности имущественного оборота. Нельзя допускать ситуацию, когда истец сослался на нарушение принципа равенства и по формальному основанию добился признания решения собрания недействительным. В этой связи, полагаем, что истец, ссылаясь на нарушение соответствующего принципа, также должен доказать претерпеваемые им в связи с этим неблагоприятные последствия. При этом существенность таких неблагоприятных последствий, как ранее было отмечено, доказывать не обязательно. Представляется, что такой подход позволит создать дополнительное препятствие для лиц, в частности, практикующих корпоративный шантаж.

3.5. Недобросовестная или неразумная деятельность во вред интересам корпорации, а также деятельность, заведомо направленная на причинение вреда членам корпорации без пользы для хозяйственного общества, как целесообразные специальные основания оспоримости

В пунктах 12 и 13 Обзора судебной практики Президиума ВС РФ от 25.12.2019 года были выражены две крайне спорные правовые позиции.

Во-первых, недействительным может быть признано решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью об увеличении уставного капитала, если оно не обусловлено интересами общества и приведет к уменьшению доли участников общества, не согласных с таким увеличением (пункт 12 Обзора).

Во-вторых, недействительным может быть признано решение общего собрания участников хозяйственного общества, если оно принято в ущерб

интересам общества и (или) члена корпорации, а участник, повлиявший на принятие решения действовал исходя из собственной выгоды или имеются иные доказательства недобросовестности или неразумности его поведения (пункт 13 Обзора).

Д.И. Степанов, обращая, в частности, внимание на указанные правовые позиции Президиума Верховного Суда РФ, исследует такую проблему, как контрмажоритаризм. Контрмажоритаризм в корпоративном праве представляет собой ситуацию, когда формально законное решение собрания аннулируется лишь по той причине, что оно выгодно мажоритарному участнику, но «крайне болезненно для миноритария»²¹⁰.

Рассмотренные позиции Президиума Верховного Суда РФ, действительно, создают высокие риски контрмажоритаризма, поскольку юридическая сила решений собраний ставится в зависимость исключительно от нарушаемых интересов. В то же время, не следует рассматривать контрмажоритаризм как исключительно негативное явление. По меткому замечанию Д.И. Степанова, контрмажоритаризм – это «яд, который если и можно использовать в терапевтических целях, то в крайне малых дозах ... руководствуясь принципом «не навреди»²¹¹.

По нашему мнению, одним из инструментов сдерживания контрмажоритаризма и установления строгих рамок его реализации является закрепление в законодательстве двух специальных оснований оспоримости решений общих собраний хозяйственных обществ. Оба основания должны выполнять две важные функции: с одной стороны, предоставить членам корпорации инструмент для защиты собственных интересов или интересов общества, а с другой стороны – четко регламентировать условия и ограничения признания решения собрания недействительным, не позволяя заинтересованным

²¹⁰ Степанов Д.И. Опасность контрмажоритаризма при оспаривании корпоративных решений // Закон. 2020. N 11. Приведено по СПС «КонсультантПлюс»

²¹¹ Степанов Д.И. Указ. соч. Приведено по СПС «КонсультантПлюс»

лицам обращаться к более общему основанию оспоримости, не учитывающему специфику контрмахоритаризма.

Первое основание должно позволять оспорить решение, принятое во вред интересам общества. Однако самого факта причинения вреда для признания решения недействительным не должно быть достаточно, поскольку действия лиц, голосующих за его принятие, должны образовывать противоправность.

На наш взгляд, наиболее целесообразным критерием противоправности является совершение недобросовестных или неразумных действий лиц, голосующих за принятие решения во вред интересам корпорации. Более того, основание недействительности с таким содержанием может быть обосновано нормами современного российского законодательства. В соответствии с пунктом 3 статьи 53 Гражданского кодекса РФ члены коллегиальных органов управления юридического лица обязаны действовать в его интересах добросовестно и разумно.

Для первого основания оспаривания не должен учитываться принцип каузальности, поскольку участник, оспаривающий решение собрания, будет защищать не столько свои интересы, сколько интересы юридического лица. В этой связи его возможность повлиять на принимаемое решение не должна учитываться.

По приведенному основанию могут быть оспорены, например, решения общих собраний, направленные на недобросовестный вывод активов из корпорации.

Второе основание, безусловно требующее аккуратных и сдержанных формулировок, должно позволять участникам корпорации защищать собственные интересы. При регулировании указанного основания исходить лишь из нарушения интереса конкретного члена корпорации и противоправности (например, недобросовестности или неразумности) не представляется достаточным и обоснованным. Дело в том, что на участника хозяйственного общества нельзя возлагать прямую обязанность действовать в интересах другого участника. Принимая те или иные корпоративные решения, в том числе в интересах корпорации, участники хозяйственного общества могут прямо или косвенно ущемить интересы других участников и это соответствует духу корпоративного

права: большинство, по общему правилу, принимает решения, обязательные для меньшинства. Наличие большинства и меньшинства само по себе свидетельствует о существовании, как минимум, двух интересов, вступающих в определенные противоречия.

В этой связи, по нашему мнению, предоставлять возможность оспаривать решения общих собраний, принятые во вред интересам некоторых членов корпорации, можно лишь в том случае, если лица, голосующие за принятие решений, исходили исключительно из цели заведомого причинения вреда определенным членам корпорации без какой-либо пользы для самой корпорации. То есть необходимо установить два обстоятельства: (1) решение сознательно принималось исключительно для причинения вреда другим членам корпорации и (2) не в интересах корпорации. При этом не обязательно, чтобы самой корпорации был причинен вред. Важно установить бесполезность для нее соответствующего решения.

Как и в случае с первым основанием, применение принципа каузальности в данном случае нецелесообразно. Правопорядок не заинтересован в том, чтобы оставлять в силе решения общих собраний, принятые без какой-либо пользы для корпорации и направленные лишь на ущемление прав участников хозяйственного общества.

3.6. Принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества, противоречащего основам правопорядка и нравственности, как целесообразное специальное основание оспоримости

Ранее нами была выражена позиция о том, что принятие решения общего собрания, противоречащего основам правопорядка и нравственности, не следует признавать основанием ничтожности, поскольку в формулировку соответствующего основания заложены оценочные категории «противоречие основам правопорядка» и «противоречие основам нравственности». Это обуславливает необходимость обязательной судебной оценки конкретной

ситуации для лишения решения общего собрания юридической силы. Такую оценку наиболее полным образом может обеспечить режим оспоримости.

Очевидно, что любое противоречие основам правопорядка или нравственности является существенным нарушением, а потому применение принципа каузальности является неуместным.

Более того, применительно к указанному основанию оспоримости представляется целесообразным расширить процессуальный инструментарий для истцов. В частности, могут быть увеличены сроки исковой давности в сравнение с общеустановленными. Например, срок исковой давности для оспаривания решения общего собрания участников хозяйственного общества может составлять три года или десять лет. В любом случае, независимо от момента начала исчисления срока исковой давности, общий срок не должен превышать десяти лет с момента принятия решения собрания.

Также право на иск об оспаривании решения собрания, противоречащее основам правопорядка или нравственности, может быть предоставлено не только участникам корпорации, но и любым третьим заинтересованным лицам. Это связано с существенностью нарушения и потенциальной возможностью ущемления интересов различного рода стейкхолдеров. Разумеется, без обоснования ущемления решением общего собрания интереса, лицу должно быть отказано в признании решения недействительным.

3.7. Принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества с нарушением корпоративного договора как целесообразное специальное основание оспоримости

В российском праве регламентирована возможность признания решения общего собрания участников хозяйственного общества недействительным, если такое решение было принято в нарушение корпоративного договора и сторонами указанного корпоративного договора являлись все участники хозяйственного общества (пункт 6 статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ).

Поскольку в корпоративном договоре может быть установлена, в частности, обязанность его стороны голосовать определенным образом или воздержаться от голосования на общем собрании, инструмент признания решения недействительным является важной гарантией интересов другой стороны этого договора.

Очевидно, что законодательством установлено достаточно строгое ограничение для оспаривания – сторонами корпоративного договора должны являться все участники хозяйственного общества. Такое ограничение направлено на защиту интересов тех лиц, которые не заключали соответствующий корпоративный договор и не должны быть, по логике законодателя, подвержены рискам признания решения собрания недействительным. В частности, такая логика обусловлена принципом *res inter alios acta alteri non nocet*, прямо закрепленным в пункте 3 статьи 308 ГК РФ (решение по делу между двумя лицами не должно вредить третьему лицу).

Возникает следующий вопрос: обосновано ли применение данного принципа в случае, когда лицо, не являющееся стороной корпоративного договора, не имеет возможности как-либо повлиять на результаты голосования, а права (законные интересы) этого лица не были бы нарушены, если бы решение принималось в соответствии с корпоративным договором, заключенным между другими участниками? На наш взгляд, применение принципа *res inter alios acta alteri non nocet* в данном случае нецелесообразно и создает необоснованное ограничение для развития института корпоративного договора в российском праве.

В этой связи считаем целесообразным основанием недействительности решения общего собрания участников хозяйственного общества, принятого в нарушение корпоративного договора, заключенного между лицами, составляющими необходимое большинство для принятия соответствующего решения, если лица, не являющиеся сторонами корпоративного договора, знали или должны были знать о его содержании, а принятие или непринятие соответствующего решения в соответствии с корпоративным договором не

нарушило бы права или охраняемые законом интересы лиц, не являющихся сторонами корпоративного договора.

Принцип каузальности в данном случае неприменим, поскольку существенность нарушения прав и интересов конкретного участника, оспаривающего решение, не должна являться предметом судебной оценки при установлении факта неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств из корпоративного договора.

Оценка возможности оспаривающего лица повлиять на результаты голосования также не должна производиться, поскольку она не учитывает исторических условий заключения корпоративного договора. Возможно, член корпорации получил незначительную долю в корпорации взамен на ряд преимуществ, установленных именно в корпоративном договоре.

Более того, полагаем целесообразным расширить список лиц, имеющих возможность оспаривания решения общего собрания, противоречащего не только корпоративному, но и квазикорпоративному договору. В этом случае стороной договора может являться третье лицо, не выступающее в качестве члена корпорации. Поскольку его права и интересы могут быть нарушены принятием решения, противоречащего корпоративному договору, целесообразно было бы предоставить третьим лицам право на удовлетворение иска о признании решения общего собрания недействительным. Возможность заключения квазикорпоративного договора предусмотрена современным российским законодательством (пункт 9 статьи 67.2 ГК РФ).

3.8. Принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества в нарушение положений законодательства или устава как целесообразное общее основание оспоримости

Нецелесообразность отказа от виртуальной оспоримости была обоснована нами ранее. В этой связи в законодательстве следует сохранить основание недействительности решения общего собрания участников хозяйственного

общества, принятое с нарушением законодательства или устава корпорации. Также в данном случае должен применяться принцип каузальности, состоящий в том, что судья обязан отказать в иске о признании недействительным решения общего собрания участников хозяйственного общества при одновременном наличии следующих обстоятельств: (1) ответчик или иное лицо доказали, что оспаривающий решение член корпорации не мог своим голосованием повлиять на принятие иного решения и (2) оспаривающий решение член корпорации не доказал существенность допущенного нарушения его прав или законных интересов. Именно такое распределение бремени доказывания представляется нам справедливым.

Как ранее было отмечено, принцип виртуальной оспоримости может быть модернизирован посредством ограничения применения общего основания недействительности к специально урегулированным в законодательстве ситуациям. Поскольку специальные основания рассмотрены ранее, мы обладаем исходным материалом для формулирования ограничений применения общего основания оспоримости решения общего собрания.

Представляется, что истец не должен иметь право ссылаться на общее основание при оспаривании решений общих собраний, по его мнению, (1) принятых с нарушением порядка уведомления о проведении собрания или с отсутствием уведомления, (2) по вопросам, не включенным в повестку дня, (3) принятых на общем собрании, созванном ненадлежащим лицом, (4) принятых с нарушением принципа равного отношения к членам корпорации, (5) принятых во вред интересам общества или вред интересам истца, (6) противоречащим основам правопорядка или нравственности или (7) принятых с нарушением корпоративного договора.

Как можно заметить, ограничения для применения общего основания сформулированы шире, чем специальные основания оспоримости. Это связано с тем, чтобы наилучшим образом обеспечить эффективность ограничений. Предполагается, что законодатель, устанавливая специальное основание оспоримости для конкретной ситуации, наиболее полным образом

регламентировал условия недействительности решения собрания. Как следствие, отсутствие всех необходимых условий из специального основания (например, уведомление члена корпорации о собрании с опозданием на один день) не предоставит истцу возможность ссылаться на общее основание оспоримости.

Подводя итог исследованию целесообразных оснований оспоримости решений общих собраний участников хозяйственных обществ, следует резюмировать, что принцип виртуальной оспоримости является подходящим для российского правового регулирования. Однако данный принцип может быть модернизирован путем введения специальных оснований оспоримости и ограничением применения общего основания в ситуациях, для которых регламентированы специальные основания.

Наиболее целесообразными основаниями оспоримости решений общих собраний участников хозяйственных обществ, по нашему мнению, являются (1) нарушение правил уведомления члена корпорации о проведении общего собрания участников хозяйственного общества, (2) принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества по вопросу, не включенному в повестку дня, (3) созыв общего собрания участников хозяйственного общества ненадлежащим лицом, (4) нарушение принципа равного отношения к членам корпорации при прочих равных условиях, (5) недобросовестная или неразумная деятельность во вред интересам корпорации, (6) деятельность, заведомо направленная исключительно на причинение вреда членам корпорации без пользы для хозяйственного общества, (7) принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества, противоречащего основам правопорядка и нравственности, (8) принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества с нарушением корпоративного договора и (9) принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества в нарушение положений законодательства или устава.

Каждое из приведенных оснований оспоримости должно доказываться истцом наряду с уникальным набором условий недействительности, установленным для конкретного основания. Соответствующие условия

предложены нами в настоящей работе. Целесообразные основания оспоримости, как и целесообразные основания ничтожности, могут быть закреплены и регламентированы на уровне специальных законов о хозяйственных обществах.

Заключение

По результатам проведенного исследования поставленные нами в работе цель и задачи были выполнены. В этой связи мы приходим к следующим выводам.

В российском праве собрание может пониматься в различных значениях. Применительно к термину «решение» собрание представляет собой установленную законом совокупность лиц, имеющих право голоса при принятии решений по вопросам, включенным в компетенцию собрания.

Установление признаков гражданско-правового сообщества, по нашему мнению, не должно являться обязательным условием для признания совокупности лиц собранием. При этом категория «гражданско-правового сообщества» может пониматься в качестве совокупности лиц, принимающих решение собрание.

Гражданско-правовое сообщество может образовать собрание в случае, если в законодательстве такое сообщество поименовано в качестве собрания (например, собрание участников корпорации, собственников или кредиторов при банкротстве). Если прямая оговорка о таком собрании в законодательстве отсутствует, квалификация в качестве собрания гражданско-правового сообщества приведет к применению принципа большинства при голосовании, что существенно и необоснованно ущемит интересы меньшинства.

Непоименованное собранием гражданско-правовое сообщество (комитет, совет и др.) может быть квалифицировано в качестве собрания при наличии двух обязательных критериев: (1) гражданско-правовое сообщество упомянуто в законе и (2) невозможность принятия решения таким гражданско-правовым сообществом ввиду отсутствия единогласия между его членами способна привести к существенному ущемлению интересов самого гражданско-правового сообщества или интересов третьих лиц. Непоименованное в законе гражданско-правовое сообщество не может быть квалифицировано в качестве собрания.

При принятии решения органом юридического лица, входящие в состав этого органа лица образуют собрание, принятие правомерного решения которым влечет трансформацию воли участников в волю самого юридического лица. Таким

образом, в конечном итоге, субъектом права, принявшим решение, является юридическое лицо.

В этой связи при принятии конкретным общим собранием участников хозяйственного общества решения, участники хозяйственного общества образуют собрание как совокупность лиц, которые имеют право голосовать за принятие решений по вопросам, включенным в компетенцию общего собрания как органа юридического лица, и воля которых, в конечном итоге, трансформируется в волю юридического лица. При этом совокупность воли участников, голосовавших за принятие решений, не тождественна воли юридического лица, поскольку в результате трансформации образуется качественно новая воля.

Под решением собрания необходимо понимать акт коллективного волеизъявления, порождающий определенные гражданско-правовые последствия и, по умолчанию, не требующий полного согласования воли лиц, уполномоченных на голосование.

Под решением собрания необходимо понимать акт коллективного волеизъявления (акт собрания), порождающий правовые последствия и, если в законе или уставе не установлено иное, не требующий достижения единогласия лиц, уполномоченных на голосование. Именно применение принципа большинства в качестве правила по умолчанию отличает такие юридические факты, как решение собрания и сделка.

Правовой эффект решения собрания определяется компетенцией самого собрания. По общему правилу, компетенция общего собрания хозяйственного общества установлена в законе. Однако в ряде случаев допускается диспозитивное регулирование: в формулировании конкретного решения (без выхода за пределы компетенции) и в расширении компетенции общих собраний непубличных акционерных обществ или обществ с ограниченной ответственностью в уставе. Указанная диспозитивность ограничена основаниями недействительности решений собраний и перечнем субъектов, для которых решение собрания является обязательным (порождает правовой эффект). При определении границ диспозитивности предлагается учитывать существо возникающих отношений в

целях предотвращения бесосновательного создания правовых последствий и ограничений для лиц, для которых решение собрания (исходя из существа отношений) не может породить такие правовые последствия и ограничения.

Решение общего собрания участников хозяйственного общества порождает правовые последствия (1) для лиц, имеющих право решающего голоса на собрании, (2) лиц, прямо определенных в законе или порядок определения которых указан в законе, а также (3) лиц, создание правовых последствий для которых обусловлено существом отношений. Конструкция существа отношений позволяет исключить ситуации упущения со стороны законодателя и умаления компетенции собрания.

Признаки гражданско-правовой сделки у голосования за принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества отсутствуют, поскольку правовая воля голосующего члена корпорации направлена на создание правовых последствий решения, а не правовых последствий голосования. Сам по себе факт непризнания голосования сделкой влечет лишь невозможность применения к голосованию норм о сделках, в частности, об их оспаривании. Однако голосование в этом случае не перестает являться юридическим актом, а потому может быть предметом судебной оценки.

Положения Гражданского кодекса РФ о решениях собраний требуют включения норм, устанавливающих возможность создания правового эффекта решения собрания в зависимости от наступления отлагательных или отменительных условий, а также в зависимости от истечения определенного срока.

Поскольку срок и условия для ряда правовых последствий решения собрания уже предусмотрены (например, при одобрении крупных сделок), мы не видим политико-правовых оснований и препятствий для включения в раздел о решениях собраний самостоятельных норм о сроке, отлагательных и отменительных условиях. Тем более, что законодатель в ряде случаев допускает постановку правового эффекта решения собрания даже в зависимость от чистого потестативного условия (например, при структурировании сделок конвертируемого займа).

На наш взгляд, возможность поставить решение под условие или в зависимость от истечения срока следует не допускать для случаев, когда установление условий или срока будет противоречить законодательству или существу отношений.

Возможность отмены ранее принятого решения общего собрания участников хозяйственного общества является проблемой, требующей разрешения на законодательном уровне. В качестве двух, по нашему мнению, обязательных условий для отмены решения можно рассматривать следующие. Во-первых, за отмену решения единогласно должны проголосовать все участники общества с ограниченной ответственностью или все акционеры, присутствующие на собрании (при наличии кворума). Во-вторых, отмена решения не должна затрагивать законные интересы третьих лиц, не голосующих за соответствующую отмену.

Представляется целесообразным сделать вывод о возможности установления в обществах с ограниченной ответственностью, по общему правилу, любого экстраординарного порядка определения числа голосов участников общего собрания. При этом членам корпорации следует избегать неоднозначных критериев (например, привязки решающего голоса к степени финансового или трудового участия в деятельности общества) и критериев прямой персонификации конкретных участников в уставе.

На наш взгляд, участникам общества с ограниченной ответственностью при установлении экстраординарного порядка определения числа голосов следует воздержаться от полного лишения члена корпорации права голосовать за принятие тех или иных решений. При этом уменьшение количества голосов, разумеется, допустимо.

Оснований для квалификации протокола общего собрания в качестве сделки не имеется, поскольку правовая воля лиц, принимающих участие в собрании, направлена на создание правовых последствий не самим протоколом, а решением общего собрания. Протокол общего собрания также нельзя признать юридическим фактом. Протокол общего собрания представляет собой форму решения собрания (или решений собраний) и форму фиксации иных юридически значимых

обстоятельств (например, сведений о ходе проведения заседания). Протокол общего собрания не обязательно должен представлять собой бумажный документ. Современное российское право позволяет составить протокол общего собрания в виде электронного документа или аудио (видео) файла, однако соответствующее законодательство требует дальнейшего совершенствования и развития в направлении цифровизации.

Наиболее оптимальными способами фиксации волеизъявления участников, голосующих по вопросу принятия решения общим собранием хозяйственного общества, по нашему мнению, являются такие, которые, с одной стороны, обеспечивают защиту от фальсификации и, с другой стороны, являются удобными и понятными для самих членов корпорации. Таким способом, в частности, является заполнение бюллетеней.

Бюллетень представляет собой документ, который непосредственно отражает волеизъявление участника корпорации. При использовании этого инструмента не происходит временного разрыва между самим волеизъявлением и его фиксацией, что, очевидно, минимизирует риски искажения воли участников и позволяет снизить нагрузку на лиц, осуществляющих подсчет голосов или составление протокола, поскольку каждый член корпорации самостоятельно обеспечивает фиксацию своей воли. В современных реалиях задачи по обеспечению защищенного доступа и безопасной отправке бюллетеней наиболее эффективно позволяет решить усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП) с неэкспортируемым закрытым ключом. Однако использование УКЭП для голосования в качестве обязательного и единственного способа заполнения бюллетеней невозможна для публичных акционерных обществ.

Проблему создания хранилища данных, защищенных от сбоя и взломов, позволяет решить технология «блокчейн» (от англ. block chain – цепь из блоков). Именно указанная технология является инструментом для сохранения результатов волеизъявления членов корпорации, в том числе полученных посредством заполнения бюллетеней. Соответствующая задача достигается за счет свойств распределенного реестра и неизменности, которыми обладает блокчейн. Однако,

как и в случае с переходом на полностью электронное заполнение бюллетеней при помощи УКЭП, невозможность отказа от бумажных бюллетеней нивелирует преимущества блокчейна для публичных акционерных обществ.

Проблему сложности использования УКЭП и блокчейна при голосовании на общих собраниях публичных акционерных обществ может решить внесение изменений в Федеральный закон об акционерных обществах. Нами предлагается изложить пункт 4 статьи 60 ФЗ об АО в новой редакции, а также дополнить указанную статью пунктами 4.1 и 4.2.:

«4. При проведении общего собрания акционеров в форме заседания в обществах, осуществляющих направление или вручение бюллетеней в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи либо опубликование бланков бюллетеней в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, лица, включенные в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, или их представители вправе зарегистрироваться для участия в таком собрании либо направить заполненные бюллетени в общество. При осуществлении голосования на общем собрании акционеров в заочной форме в обществах, осуществляющих направление или вручение бюллетеней в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи либо опубликование бланков бюллетеней в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, лица, включенные в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, или их представители вправе направить заполненные бюллетени в общество.

4.1. Уставом общества может быть предусмотрено заполнение электронной формы бюллетеней лицом, имеющим право на участие в общем собрании акционеров, на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», адрес которого указан в сообщении о проведении общего собрания акционеров. Заполнение электронной формы бюллетеней на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может осуществляться акционерами в ходе проведения общего собрания акционеров как в форме заседания, так и при заочном голосовании. При заполнении электронной формы бюллетеней на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» должны фиксироваться

дата и время их заполнения. Заполнение электронной формы бюллетеней на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может осуществляться акционерами в ходе проведения общего собрания акционеров, если они не реализовали свое право на участие в таком собрании иным способом.

4.2. Уставом общества может быть предусмотрено заполнение и направление электронной формы бюллетеней лицом, имеющим право на участие в общем собрании акционеров, исключительно на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», адрес которого указан в сообщении о проведении общего собрания акционеров. В случае заполнения и направления электронной формы бюллетеней исключительно на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» каждому лицу, имеющему право на участие в общем собрании акционеров, должны обеспечиваться доступ к указанному сайту, а также обеспечиваться возможность получения носителя с электронной подписью лица, имеющего право на участие в общем собрании акционеров, если носитель с электронной подписью необходим для заполнения и направления формы бюллетеней при голосовании. Обеспечение доступа к сайту в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также обеспечение возможности получения носителя с электронной подписью осуществляется за счет общества. В случае заполнения и направления электронной формы бюллетеней исключительно на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не допускается реализация акционерами права на участие собрания иным способом.»

Указанное предложение, по нашему мнению, позволит осуществить полный переход на электронный формат заполнения и направления бюллетеней не только в непубличных хозяйственных обществах, но и публичных акционерных обществах. Разумеется, полный переход на электронный формат заполнения бюллетеней потребует от корпорации увеличения расходов на обеспечение, прежде всего, возможности получения носителя с электронной подписью. Однако переход на полностью электронный формат возможен при наличии соответствующей оговорки в уставе, которая не будет внесена, если корпорация не располагает

финансовыми возможностями к обеспечению акционеров необходимыми техническими средствами.

Введение института подтверждения факта принятия решения и состава участников общего собрания хозяйственного общества является инструментом борьбы с различного рода злоупотреблениями в области корпоративных отношений.

Нотариус или регистратор выступают в качестве третьих независимых лиц, верифицирующих факты, значимые для принятия решения собрания, что, разумеется, создает дополнительный механизм обеспечения правовой безопасности корпоративного управления.

Анализируя институт подтверждения состава участников и факта принятия решения общих собраний участников, мы приходим к выводу о его важности для имущественного оборота и необходимости дальнейшего совершенствования. Функционал этого института по ряду аспектов совпадает с функционалом обеспечения надлежащей фиксации волеизъявления членов корпорации при голосовании за принятие решения.

Институт недействительности решений собраний является крайне важным, а в некоторых случаях – единственно возможным инструментом защиты прав участников хозяйственных обществ.

В современном российском праве регламентирован лишь один результат недействительности решения общего собрания участников хозяйственных обществ – признание отсутствия (не возникновение) гражданско-правовых последствий, порождаемых решением. Представляется, что прямое регулирование реституции или ее аналога может существенно снизить процессуальные издержки корпораций. Целесообразным является подход, при котором недействительность решения общего собрания участников хозяйственного общества влечет не только признание правовых последствий решения не возникшими, но и автоматическое возникновение обязанности по возврату полученного (исполненного) на основании недействительного решения (например, возврат денежных средств, полученных в качестве дивидендов).

Следует поддержать позицию авторов, выступающих против института признания решения собрания непринятым. Если лицо обладает материально-правовым интересом, который защищается или может быть защищен в суде посредством существующих способов защиты права, то достаточно сослаться на ничтожность несостоявшегося решения без заявления отдельного искового требования. Для тех случаев, когда правовой интерес лица состоит именно в получении судебного постановления об отсутствии возникновения правовых последствий решения собрания – институт признания ничтожного решения общего собрания недействительным успешно справится с этой задачей.

В российском праве сохраняется проблема соотношения норм Гражданского кодекса РФ и специальных законов применительно к недействительности решений собраний. В качестве способа урегулирования проблемы может выступить унифицированная регламентация положений о недействительности решений собраний с ликвидацией противоречий между положениями Гражданского кодекса РФ и специальными законами о хозяйственных обществах.

При регулировании решений общих собраний участников хозяйственных обществ важен поиск баланса между, во-первых, минимизацией риска оспаривания решений собраний по несущественным основаниям или при осуществлении корпоративного шантажа и, во-вторых, созданием гарантий для лиц, голосующих против принятия решения, воздержавшихся от голосования или не присутствующих на общем собрании. Подобные задачи при регулировании оспаривания сделок не возникают и не реализуются, что подчеркивает необходимость самостоятельного регулирования недействительности решений общих собраний.

Если применение к решениям собраний некоторых норм о сделках можно обосновать, обращаясь к аналогии закона (например, норм о частичной недействительности), то применение оснований недействительности сделок к решениям недопустимо как напрямую, так и по аналогии, поскольку законодателем установлен обособленный перечень оснований недействительности для решений, что не подразумевает возможность обращения к аналогии.

Концепция решения собрания как юридического факта *sui generis* является сравнительно молодой теорией и, как следствие, нуждается в глубокой доктринальной разработке. Категорический отказ от заимствования наработок из теории сделок приведет к тому, что исследователи существенно замедлят развитие доктрины.

Политико-правовых оснований для отказа российского права от иска о признании ничтожного решения недействительным нет. При этом проблему потенциальной конвалидации ничтожного решения общего собрания участников хозяйственного общества, вызванную отказом в признании ничтожного решения недействительным в связи с истечением исковой давности, можно решить одним из трех способов. Либо допустить отмену сроков исковой давности для требований о признании решения собрания ничтожным, либо сохранить срок исковой давности для признания решения ничтожного решения собрания недействительным, но увеличить его (например, до трех лет), либо установить в законодательстве положение о том, что отказ в иске о признании решения собрания ничтожным по причине ссылки ответчика на истечение сроков исковой давности не лишает любое заинтересованное лицо права ссылаться на ничтожность решения собрания. По нашему мнению, последний из предложенных инструментов является наиболее целесообразным, поскольку соответствует текущему правовому регулированию и позволяет полностью исключить конвалидацию ничтожного решения.

Основания недействительности решений общих собраний хозяйственных обществ в российском праве представляют собой закрытие списка (*numerus clausus*) на основе виртуальной оспоримости и текстуальной ничтожности. Оспоримым признается любое решение общего собрания хозяйственного общества, противоречащее закону и нарушающее права или законные интересы члена корпорации (виртуальная оспоримость), если не установлено основание его ничтожности (текстуальная ничтожность).

Подходы виртуальной ничтожности и текстуальной оспоримости или текстуальной ничтожности и текстуальной оспоримости решений общих собраний являются опасными для имущественного оборота.

Если анализировать подходы законодателя по регулированию оснований оспоримости и ничтожности решений общих собраний хозяйственных обществ, то в российском праве (даже до реформы сделок) всегда господствовал подход виртуальной оспоримости и текстуальной ничтожности.

Целесообразным представляется применение одновременно двух критериев для установления оснований ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ. Такими критериями выступают существенность нарушения и возможность выявления нарушения без обязательной судебной оценки. Если нарушение не соответствует обоим критериям одновременно, то такое нарушение должно влечь оспоримость решения общего собрания участников хозяйственных обществ.

Основания недействительности, прямо не признанные в законодательстве в качестве оснований ничтожности, должны являться основаниями оспоримости. По умолчанию, при оценке любого основания оспоримости должен применяться принцип каузальности.

К целесообразным основаниям ничтожности решений общих собраний участников хозяйственных обществ, по нашему мнению, относятся принятие решений (1) в отсутствие необходимого большинства, (2) кворума и (3) с выходом за пределы компетенции общего собрания. Также к основаниям ничтожности следует отнести (4) отсутствие нотариального подтверждения или подтверждения регистратором факта принятия решения и/или состава участников, если подтверждение нотариусом или регистратором является обязательным.

При этом, представляется, что к основаниям ничтожности не должны быть отнесены (1) принятие решения общего собрания по вопросу, не включенному в повестку дня, (2) принятие решения, противоречащего основам правопорядка и нравственности, а также (3) ограничение решением общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью права членом корпорации присутствовать на собрании, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений.

Именно точечный подход взаимоисключающего регулирования виртуальной оспоримости наиболее полным образом обеспечивает правовую определенность, стабильность имущественного оборота и гарантию интересов, заслуживающих защиты.

Принцип виртуальной оспоримости является подходящим для российского правового регулирования. Однако данный принцип может быть модернизирован введением специальных оснований оспоримости и ограничением применения общего основания в ситуациях, для которых регламентированы специальные основания.

Наиболее целесообразными основаниями оспоримости решений общих собраний участников хозяйственных обществ, по нашему мнению, являются (1) нарушение правил уведомления члена корпорации о проведении общего собрания участников хозяйственного общества, (2) принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества по вопросу, не включенному в повестку дня, (3) созыв общего собрания участников хозяйственного общества ненадлежащим лицом, (4) нарушение принципа равного отношения к членам корпорации при прочих равных условиях, (5) недобросовестная или неразумная деятельность во вред интересам корпорации при соблюдении ряда условий оспаривания, (6) деятельность, заведомо направленная исключительно на причинение вреда членам корпорации без пользы для хозяйственного общества при соблюдении ряда условий, (7) принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества, противоречащего основам правопорядка и нравственности, (8) принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества с нарушением корпоративного договора и (9) принятие решения общего собрания участников хозяйственного общества в нарушение положений законодательства или устава.

Каждое из приведенных оснований оспоримости должно доказываться истцом наряду с уникальным набором условий недействительности, установленным для конкретного основания. Соответствующие условия предложены нами в настоящей работе.

Библиография

Нормативные правовые акты, иные официальные документы и акты мягкого права:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ "Об акционерных обществах" // СЗ РФ 01.01.1996, N 1, ст. 1.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" // СЗ РФ. 16 февраля 1998 г. № 7. Ст. 785.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) // РГ, N 49, 13.03.1993.
5. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" // СЗ РФ, 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3431
6. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // СЗ РФ, 28.10.2002, N 43, ст. 4190.
7. Федеральный закон от 19.07.2009 N 205-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ, 20.07.2009, N 29, ст. 3642.
8. Федеральный закон от 07.05.2013 N 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ, 13.05.2013, N 19, ст. 2327.
9. Федеральный закон от 28.06.2021 N 225-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ, 05.07.2021, N 27 (часть I), ст. 5053.
10. Письмо ФНС России от 31.12.2020 N KB-4-14/22005 "О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов N 4 (2020)" (Приведено по СПС «КонсультантПлюс»)

11. Письмо ФНП от 15.01.2020 N 121/03-16-3 "О применении некоторых положений обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019" (Приведено по СПС «КонсультантПлюс»)
12. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009. // Приведено по СПС "КонсультантПлюс"

Российская судебная практика:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 576-О
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах"
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 4, Пленума ВАС РФ N 8 от 02.04.1997 "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об акционерных обществах"
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 90, Пленума ВАС РФ N 14 от 09.12.1999 "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью"
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации;
6. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019)
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.10.2013 N 1114/13 по делу N А09-3212/2010
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.07.2009 N 3607/09 по делу N А73-3144/2008-38
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 N 7769/07 по делу N А40-43600/06-81-218

10. Определение Арбитражного суда Брянской области от 30.06.2015 по делу N А09-3507/2010
11. Определение ВАС РФ от 28.10.2008 № 13377/08 по делу № А40-23720/07-132-229
12. Определение Верховного Суда РФ от 02.07.2015 N 308-ЭС15-7730 по делу N А32-36033/2014
13. Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2017 N 305-ЭС17-13156 по делу N А41-90998/2015.
14. Определение Верховного Суда РФ от 08.02.2016 N 309-ЭС15-18851 по делу N А60-54477/2014
15. Определение Верховного Суда РФ от 28.01.2019 N 307-ЭС18-25121 по делу N А56-10685/2018
16. Определение Верховного Суда РФ от 30.07.2018 N 303-ЭС18-9881 по делу N А37-1226/2017
17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.05.2018 N 60-КГ18-1
18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2017 N 5-КГ16-230
19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 по делу N А65-3053/2019
20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 N 305-ЭС19-8975 по делу N А40-5992/2018
21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.04.2018 N 305-ЭС17-17321 по делу N А40-48876/2015
22. Постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 23 апреля 2003 г. по делу N А40-45412/02-49-329.
23. Постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда Свердловской области от 7 июля 2006 г., 6 июля 2006 г. по делу N А60-37838/05-С2.

24. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 1 апреля 2015 г. по делу N А82-653/2014
25. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.01.2018 N Ф01-5757/2017 по делу N А29-2446/2017
26. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.05.2017 № Ф01-1618/2017 по делу № А17-84/2016
27. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 января 2016 г. по делу N А51-6152/2015
28. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 сентября 2017 г. по делу N А24-5092/2016
29. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 июня 2015 г. по делу N А51-30498/2014
30. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.03.2015 № Ф04-13279/2014 по делу № А46-8081/2014
31. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 января 2016 г. по делу N А45-6715/2014
32. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 октября 2018 г. по делу N А46-16740/2017
33. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 ноября 2018 г. по делу N А70-13808/2017
34. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 сентября 2015 г. по делу N А27-21465/2014
35. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 сентября 2015 г. по делу N А27-18096/2014
36. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2016 N Ф05-3047/2016 по делу N А40-80953/2015. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
37. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.08.2016 № Ф06-10312/2016 по делу № А57-24513/2015

38. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.04.2017 N Ф06-5551/2016 по делу N А57-10122/2015
39. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.12.2019 N Ф06-55411/2019 по делу N А12-15660/2019
40. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.06.2015 N Ф07-3653/2015 по делу N А26-4032/2014
41. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.12.2019 N Ф07-14683/2019 по делу N А56-114847/2018
42. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 сентября 2019 г. по делу N А21-2226/2018
43. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 сентября 2017 г. по делу N А32-5178/2017
44. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 июля 2018 года по делу N А56-48369/2017
45. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 января 2016 г. по делу N А13-3371/2015
46. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2018 N Ф07-1122/2018 по делу N А42-1925/2017.
47. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 октября 2016 г. по делу N А42-157/2016
48. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 апреля 2017 г. по делу N А56-22247/2016
49. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.10.2016 № Ф08-7341/2016 по делу № А53-30867/2015
50. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.10.2016 N Ф09-9090/16 по делу N А07-656/2016.
51. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 8 сентября 2015 г. по делу N А76-28946/2014.
52. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.03.2017 N Ф10-63/2017 по делу N А83-1267/2016

53. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.04.2014 N 18АП-2349/2014 по делу N А76-8282/2010
 54. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2008 N 09АП-9028/2008-ГК по делу N А40-7947/08-83-80
 55. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2012 года N 09АП-35846/11 по делу № А40-51354/11-104-409
 56. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2018 № 09АП-44760/2018 по делу № А40-104140/17
 57. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2021 по делу N А40-5992/2018
 58. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2016 № 09АП-10098/2016, 09АП-1197/2016 по делу № А40-79071/14
 59. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 04.04.2017 № 10АП-12935/2016 по делу № А41-90998/15
 60. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2018 № 10АП-1890/2018 по делу № А41-4370/13
 61. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2013 по делу № А41-33404/12
 62. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2017 N 11АП-18752/2016 по делу N А55-16723/2016
 63. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2008 по делу N А56-3342/2007
 64. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 15.06.2007 по делу № А17-2125/1-2006
 65. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 23.10.2003 по делу № Ф04/5420-945/А75-2003
 66. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 25.12.2008 № Ф04-5580/2008(18232-А46-11) по делу № А46-30/2008.
 67. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 01.12.2004 N А66-3719-04.
- Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

68. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.12.2006 по делу № А56-41849/2005
69. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 14.04.2008 по делу № А66-168/2007
70. Постановление ФАС Уральского округа от 25.10.2005 № Ф09-3355/05-С5 по делу № А60-16747/03
71. Постановление ФАС Центрального округа от 06.12.2005 № А48-1200/05-9
72. Постановление ФАС Центрального округа от 28.02.2003 по делу № А14-8255/02/272/19.
73. Постановления ФАС Поволжского округа от 13.04.2010 по делу № А12-16026/2009
74. Решение Арбитражного суда Воронежской области от 14.12.2015 по делу N А14-13205/2015
75. Решение Арбитражного суда Мурманской области от 06.02.2017 по делу № А42-7244/2016
76. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 10.04.2008 по делу N А53-4548/2007-С1-33 // Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
77. Решение ФАС Северо-Кавказского округа от 05.04.2007 № Ф08-1716/2007 по делу N А32-66585/2006-45/54.

Книги и статьи на русском языке:

1. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву (серия «Научное наследие»). Т.2. М., 2002.
2. Андреев В.К. Ответственность руководителя и иных лиц в доведении до банкротства // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2019. N 4. Приведено по СПС "КонсультантПлюс"
3. Андреев В.К. Создание хозяйственного общества // Предпринимательское право. 2017. № 4. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

4. Аргунов В.В. Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве на примере дел особого производства // Журнал российского права. 2020. N 12.
5. Аргунов В.В. Развитие особого производства в гражданском процессе: смена идей, взглядов, понятий // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. N 1.
6. Архипов Б.П. Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества // Законодательство. 2002. № 3.
7. Архипов С.И. Понятие и юридическая природа локальных норм права // Правоведение. 1987. № 1.
8. Бакаева И.В. Подтверждение решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. N 7. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
9. Бевзенко Р.С. Теория юридических фактов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007.
10. Белов В.А. Юридические факты в гражданском праве: учебное пособие. М., 2017. Приведено по СПС «КонсультантПлюс»
11. Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / Вступ. сл. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2020. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
12. Витрянский В.В. Новеллы о сделках и решениях собраний // Хозяйство и право. 2016. № 1 (Приложение). Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
13. Войнов С.Е. Решение общего собрания участников ничтожно. Как валидировать его с помощью исковой давности // Арбитражная практика для юристов. 2017. N 2.
14. Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927.

15. Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
16. Габов А.В., Молотников А.Е. Корпоративный шантаж как правовое явление // Журнал российского права. 2008. N 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
17. Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (автор комментария - Чупрунов И.С.) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 10, N 11. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
18. Глушецкий А.А. Кворум общего собрания акционеров и кворум по вопросу повестки дня общего собрания акционеров (часть I) // Право и экономика. 2017. N 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
19. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М., 1948.
20. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. СПб., 1996.
21. Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. Раздел II, подраздел Некоторые аспекты соотношения реституции и кондикции, автор подраздела – К.И. Скловский. Москва: Статут, 2020.
22. Громов А.А., Егоров А.В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. М., 2014.
23. Дегтярева А. Поправки в ГК РФ: анализ изменений. Новеллы о решении собраний // Административное право. 2014. № 2.
24. Добровольский В.И. Проблемы корпоративного права в арбитражной практике. М.: Волтерс Клувер, 2006.
25. Долинская В.В. Общее собрание акционеров: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. // Приведено по СПС "КонсультантПлюс"
26. Егоров А.В. Закон и практика: от борьбы к единству // ЭЖ-Юрист. 2004. № 3. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

27. Егоров А.В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. N 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
28. Егоров А.В. Решения собраний кредиторов при банкротстве: комментарий к Обзору судебной практики Верховного суда // Журнал РШЧП. 2019. N 5. С. 61 - 64
29. Ем В.С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству // Вестник гражданского права. 2018. N 4. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
30. Ем В.С. О критериях ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // Вестник гражданского права. 2014. N 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
31. Ем В.С. Основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений // Гражданское право: Учебник. Т.1 / Под ред. Е.А.Суханова. М., 2004.
32. Иванишин П.З. Решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Гражданское право. 2011. N 2. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
33. Иванов С.А., Лившиц Р.З., Орловский Ю.П. Советское трудовое право: вопросы теории. М., 1978.
34. Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3.;
35. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Госюриздат, 1975.
36. Карапетов А.Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. ст. 157 и 327.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. N 6. Приведено по СПС «КонсультантПлюс»
37. Коваленко Ю.Н. Развитие альтернативных форм проведения общих собраний собственников // Гражданское право. 2022. N 1. Приведено по СПС «КонсультантПлюс»;

38. Козлова Н.В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 8.
39. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю.. Сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности: проблемы правовой квалификации // Законодательство. 2022. N 2. Приведено по СПС «Гарант».
40. Кондратьев Р.И. Локальные нормы трудового права и материальное стимулирование. Львов, 1973.
41. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
42. Корсик К.А. Законодательные новеллы о корпоративных процедурах и исполнительной надписи // Нотариальный вестник. 2021. N 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
43. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1950.
44. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7.
45. Кривушева С.С. Решения собраний как юридические факты в российском гражданском праве. М.: Юрлитинформ, 2019.
46. Кузнецов А.А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 8. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
47. Кузнецов А.А. Оспаривание реорганизации хозяйственных обществ // Вестник гражданского права. 2020. N 3. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
48. Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М., 2005.

49. Лаптев В.А. Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа, 2022, №4.
50. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М., 2019.
51. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
52. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008.
53. Ломакин Д.В. Общее собрание акционеров // Законодательство. 2005. № 2.
54. Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М., 2005.
55. Ломакин Д.В. Решение собрания – это разновидность юридического акта // Арбитражная практика, №8,
56. Маковская А.А. Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества.
57. Марков А., Цыкало Ю., Базин Д. Блокчейн в корпоративном управлении: можно ли использовать эту технологию для голосования на общих собраниях уже сейчас? // Корпоративные стратегии. 2018. N 43 (9759).
58. Минникес И.А., Филатова У.Б. Решение собрания как юридический факт: анализ легального определения // Гражданское право. 2018. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
59. Молотников А., Янковский Р. Конвертируемый заем и перспективы его имплементации в российскую правовую систему // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. А.Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015. Вып. IV. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
60. Мотовиловкер Е.Я. Спорные вопросы теории сделок // Вестник гражданского права. 2011. N 4. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

61. Мусин В.А. Волевые акты государственного предприятия и проблема сущности юридического лица // Известия вузов. Правоведение. 1963. N 1.
62. Научно-практический комментарий к Федеральному закону "Об обществах с ограниченной ответственностью": в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2021. Т. 2. 486 с.
63. Новоселова Л.А., Медведева Т.М. Блокчейн для голосования акционеров // Хозяйство и право. 2017. N 10. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
64. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление. Очерки теории, философии и психологии права / В.А. Ойгензихт. Душанбе: Дониш, 1983.
65. Павлодский Е.А. Правовое содержание решения общего собрания акционеров // Право и экономика. 2003. N 6.
66. Пермяков А.В. Корпоративное управление: баланс между императивностью и диспозитивностью // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
67. Пронина М.Г. Стимулирующая функция гражданско-правовых санкций. Минск: Наука и техника, 1977.
68. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Раздел 2, глава 8 – автор главы – В.С. Ем.
69. Самигуллин В.К. Локальные нормы и их виды // Правоведение. 1976. № 2.
70. Санникова Л.В. Блокчейн в корпоративном управлении: проблемы и перспективы // Право и экономика. 2019. N 4. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
71. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
72. Сделки, представительство, исковая давность. Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / Сост и отв. ред. А.В. Егоров – М: ИЦЧП им С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. Автор главы – К.И. Труханов.

73. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Автор комментариев к статьям 181.1-181.5 – Д.В. Новак. М.: М-Логос, 2018. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
74. Скловский К.И. Сделка и ее действие (2-е изд.). Комментарий главы 9 ГК РФ (понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М.: Статут, 2015. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
75. Степанов Д. Ничтожность решений общих собраний акционеров // Корпоративный юрист. 2005. N 1.
76. Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021.
77. Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 9. (Приведено по СПС «КонсультантПлюс»).
78. Степанов Д.И. Опасность контрмэжоритаризма при оспаривании корпоративных решений // Закон. 2020. N 11., N 12.; 2021. N 1. (Приведено по СПС «КонсультантПлюс»).
79. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права, 2009, №1. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
80. Суханов Е.А. Корпорации как юридические общности (сравнительно-правовой аспект) // Проблемы современного гражданского права: сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. Москва. Статут, 2021.
81. Суханов Е.А. О видах сделок в германском и в российской гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. N 2. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
82. Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование (серия «Классика российской цивилистики»). М., 2006.

83. Тарасова В.А. Предмет и понятие локальных норм права // Правоведение. 1968. № 4.
84. Телюкина М.В. Проблемы недействительности решений собраний акционеров // ЭЖ-Юрист. 2005. N 41.
85. Телешинин А.А. Гражданско-правовые последствия решения общего собрания участников хозяйственного общества в российском праве // Право и экономика, 2022, №9.
86. Ткач А.В. Решение собрания как юридический факт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. N 7. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
87. Труханов К.И. Решения собраний - новая категория в Гражданском Кодексе РФ // Закон. 2013. N 10. Приведено по СПС "КонсультантПлюс"
88. Труханов К.И. Решения собраний – новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10.
89. Тузов Д.О. Lex "quasi" perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях // Закон. 2015. N 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
90. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. С. 281 - 300.
91. Филиппова О.С. Последствия заключения сделок, основанных на недействительных решениях собраний корпораций // Право и экономика. 2014. N 5.
92. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013 // Приведено по СПС «КонсультантПлюс»
93. Филиппова С.Ю. Корпоративный конфликт: возможности правового воздействия. М., 2009.
94. Харитонова Ю.С., Шиткина И.С. Состав и компетенции руководящих органов управления общества с ограниченной ответственностью: комментарий к ст. ст. 32 и 33 Закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2020. N 4. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".

95. Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика. М., 2008.
96. Цепов Г.В. Недействительность решений коллегиальных органов хозяйственных обществ: в поисках баланса интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 2. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
97. Цепов Г.В. Проблема омонимов, или Допустима ли унификация правового регулирования собраний? // Закон. 2016. N 12. Приведено по СПС "КонсультантПлюс"
98. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 472; Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. II. Советское гражданское право. СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2004.
99. Чечина Н.А. Судебная деятельность и предмет судебного решения // Вестник Ленинградского университета. N 5. Серия экономики, философии и права. 1959. Вып. 1.
100. Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та; Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2005.
101. Чупрунов И.С. Начало "новой жизни" в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 8. Приведено по СПС "КонсультантПлюс".
102. Шапкина Г.С. Применение акционерного законодательства. М.: Статут, 2009.
103. Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. N 9. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».
104. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут, 2005.
105. Шиткина И.С., Севеева К.В. Формы проведения общих собраний участников хозяйственных обществ: новеллы законодательства // Хозяйство и право. 2021. N 8.

106. Яценко Т.С. Значение нотариального удостоверения корпоративных решений в системе гражданско-правовых мер охраны публичных интересов // Нотариус. 2014. N 7. Приведено по СПС «КонсультантПлюс».

Книги и статьи на иностранном языке:

1. Baltzer J. Der Beschluß als rechtstechnisches Mittel organschaftlicher Funktion im Privatrecht. Köln, 1965.
2. Bartholomeyczik H. Der Körperschaftsbeschluß als Rechtsgeschäft // Zeitschrift für das gesamte Handels- und Konkursrecht (ZHR). Bd. 105. 1938
3. Bartholomeyczik H. Die Stimmabgabe im System unserer Rechtshandlungen. Diss. Würzburg, 1937.
4. Boecken W. BGB - Allgemeiner Teil. W. Kohlhammer Verlag, 2007.
5. Bohn M. Die soziologische Natur des Verbandsbeschlusses // Festschrift für K.Haff. Innsbruck, 1950.
6. Bohn M. Wesen und Rechtsnatur des Gesellschaftsbeschlusses. Diss. Hamburg, 1950.
7. Bork R. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuchs. Mohr Siebeck, 2006.
8. Bruns R. Lücken in der rechtlichen Wertung des körperschaftlichen Rechtsgeschäfts? // Festschrift für F.Senn. Saarbrücken, 1954.
9. Casper M. Die Heilung nichtiger; Beschlüsse im Kapitalgesellschaftsrecht. Köln: O. Schmidt, 1998.
10. Emde R. Die Bestimmtheit von Gesellschafterbeschlüssen // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht (ZIP). 2000. 21,1.
11. Flume W. Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. Bd. I (2). Berlin, 1983.
12. Gerner-Beuerle C., Schilling M. Comparative company law. Oxford University Press, 2019.
13. Gierke O. v. Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 4. Staats-und Korporationslehre der Neuzeit. Berlin. 1913.
14. Gierke O. v. Deutsches Privatrecht. Bd. I. Leipzig, 1895.

15. Herzfelder F. Stimmrecht und Interessenkollision bei den Personenverbänden des deutschen Reichsprivatrechts. München, 1927.
16. Horrwitz H. Das Recht der Generalversammlungen der Aktiengesellschaften und Kommanditgesellschaften auf Aktien. Berlin, 1913.
17. Hüffer U. Aktiengesetz. 7. Aufl. München, 2006.
18. Larenz K. Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. 9. Aufl. (fortgeführt von M.Wolf). München, 2004.
19. Lindemann B.S. Die Beschlusfassung in der Einmann GmbH. Heidelberg: V. Decker, 1996.
20. Messer H. Der Widerruf der Stimmabgabe // Festschrift für H.J.Fleck. Berlin, 1988.
21. Munoz Paredes M.L. Los acuerdos impugnables en el nuevo regimen de impugnacion de acuerdos sociales (art. 204.1 LSC).
22. Noack U. Fehlerhafte Beschlüsse in Gesellschaften und Vereinen. Berlin, 1989.
23. Oertmann P. Kommentar zum BGB und seinen Nebengesetzen. Allgemeiner Teil. 3. Aufl. Berlin, 1927.
24. Tuhr A. v. Der Allgemeine Teil des deutschen bürgerlichen Rechts. Bd. I. Berlin, 1910.
25. Winnefeld R. Stimmrecht, Stimmabgabe und Beschluß, ihre Rechtsnatur und Behandlung // Der Betrieb. 1972.
26. Zöllner W. Beschluß, Beschlußergebnis und Beschlußergebnisfeststellung // Festschrift für M.Lutter. Köln, 2000.
27. Zöllner W. Die Schranken mitgliedschaftlicher Stimmrechtsmacht bei den privatrechtlichen Personenverbänden. München, 1963.

Диссертации и авторефераты диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора юридических наук:

1. Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009.
2. Мосин В.А. Недействительность решений органов управления корпораций: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2018.

3. Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007.
4. Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дисс. докт. юрид. наук. Москва, 2021

Интернет-ресурсы:

1. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264252035-ru.pdf?expires=1650485115&id=id&accname=guest&checksum=0875D250FA210C3DE8D7A2B33DEFD758> (дата обращения – 20.04.2022).
2. URL: <https://vc.ru/crypto/30533-akcionery-smogut-provodit-sobraniya-na-blokcheyn-platforme> (дата обращения - 13.03.2022 года).
3. URL: <https://www.eg-online.ru/article/384162/> (дата обращения: 05.02.2022).